

ТЗ(4)

Ш 159

С. П. ШИЛОВ

**КАЙЗЕРОВСКИЙ
ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ И РОССИЯ:
ОТ ИДЕИ ГЕРМАНО-РУССКОГО СОЮЗА
К КОНФРОНТАЦИИ В 1897-1914 гг.**

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. П. ШИЛОВ

КАЙЗЕРОВСКИЙ
ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ И РОССИЯ:
ОТ ИДЕИ ГЕРМАНО-РУССКОГО СОЮЗА
К КОНФРОНТАЦИИ В 1897-1914 гг.

Издательство
Тюменского государственного университета
2004

УДК 94 (430)
ББК ТЗ (4Гем) 53
Ш 59

С. П. ШИЛОВ. Кайзеровский военно-морской флот и Россия: от идеи германо-русского союза к конфронтации в 1897-1914 гг. Монография. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2004. 144 с.

Исследуются малоизученные проблемы германской военно-морской политики. Большое внимание уделено позиции военно-морского ведомства и его руководителя адмирала Альфреда фон Тирпица по ключевым проблемам германо-русских отношений перед Первой мировой войной. Автор считает, что, как и в случае с Англией, на политику Берлина в отношении России наложили отпечаток идеология и практика германского военно-морского строительства. Работа основана на привлечении малоизвестных документов из германских и российских архивов.

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

С. В. Кондратьев,
доктор исторических наук, профессор
Д. В. Лихарев,
доктор исторических наук, профессор

ISBN 5-88081-430-0

© Тюменский государственный университет, 2004.
© С. П. Шилов, 2004.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. «ЭРА ТИРПИЦА» И ГЕРМАНО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1897-1903 гг.	21
1. В годы «незрелости» германского военно-морского флота	21
2. Формирование внешнеполитической концепции адмирала А. Тирпица	29
3. Проблема германо-русского союза в начальный период «эры Тирпица»	35
4. Захват Цзяочжоу	40
5. Влияние «комплекса Копенгагена»	45
Глава II. В «ОПАСНОЙ ЗОНЕ» ПЕРИОДА РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (1904-1905 гг.)	51
1. Начало военных действий: взгляд из военно-морского ведомства и Адмиралтейства	52
2. Интернирование российских кораблей в Цзяочжоу	58
3. План командировки морского атташе Гинце на Дальний Восток	62
4. Гульский инцидент и поставки угля для эскадры Рождественского	65
5. Дискуссия по проблеме германо-русского союза	69
ГЛАВА III. ГЕРМАНСКАЯ ВОЕННО-МОРСКАЯ ПОЛИТИКА В ГОДЫ ВОССОЗДАНИЯ РУССКОГО ФЛОТА (1906-1914 гг.)	78
1. Оценка союзнического потенциала России	80
2. Военно-морское ведомство и проникновение немецких фирм на судостроительный рынок России	90
3. Проливы, российский Черноморский флот и германо-турецкое военно-морское сотрудничество	102
4. В поисках военной и политической опоры на Балтике	113
5. Подготовка к войне с Россией на море	121
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	131
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	134
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	142

ОТ АВТОРА

Выражаю огромную признательность российским и зарубежным коллегам за поддержку, оказанную мне в ходе проводимого исследования. Благодарю коллектив кафедры новой истории Санкт-Петербургского университета, где выполнялась эта работа, и прежде всего профессора Кирилла Борисовича Виноградова, а также выпускников названной кафедры, кандидатов исторических наук Т. Б. Меранвильд и С. Н. Синегубова за ценные советы и замечания.

Среди тюменских коллег хочется особо поблагодарить профессоров С. В. Кондратьева и С. С. Пашина, взявших на себя труд рецензирования и редакторской правки издания.

Данное направление исследования было бы невозможно без содействия зарубежных коллег и финансирования научно-исследовательских фондов. В 1991–1996 гг. автору была оказана стипендиальная поддержка фондами «Фольксваген», «Немецкая служба академических обменов (ДААД)», «Культурная программа обмена между Норвегией и Восточной Европой». В этой связи хотелось бы выразить особую благодарность руководителям исторических семинаров в университетах Дюссельдорфа и Фрайбурга профессорам Вольфгангу Моммзену, Герду Крумайшу, а также докторам Вильгельму Дайсту и Борису Барту, которые во время моего пребывания в Германии оказывали консультативную помощь и приложили немало усилий для организации плодотворной работы автора в немецких архивах и библиотеках.

Эффективная поддержка в организации научной стажировки в университете г. Трондхейма, поиске необходимых источников и литературы по проблемам военно-морской политики кайзеровской Германии была оказана научным сотрудником норвежского Института по изучению проблем национальной обороны (IFS) доктором Рольфом Хобсоном.

В заключение выражаю благодарность специалистам Военного архива г. Фрайбурга (ВА-МА), Политического архива внешнеполитического ведомства ФРГ (РА АА), а также сотрудникам российских архивов (РГА ВМФ, РГИА, РГВИА, АВПРИ) за оказанное внимание и помощь в подборе необходимых материалов.

*С. П. Шилов.
Тюмень, сентябрь 2004 г.*

ВВЕДЕНИЕ

Одной из причин Первой мировой войны являлась беспрецедентная по своим масштабам гонка вооружений на море. В нее были втянуты прежде всего те мировые державы, лидеры которых не мыслили будущее без экономической, политической и колониальной экспансии. В первом ряду таких стран стояли Англия, Германия и США. Не остались в стороне и державы «второго эшелона». России, например, флот был необходим для защиты великодержавного престижа, как сила, с которой приходилось бы считаться другим участникам гонки вооружений. «Флотский энтузиазм» охватил не только крупные государства. На рубеже XIX и XX вв. программы военно-морского строительства принимались в странах, не играющих значительной роли в европейской и мировой политике, но стремящихся с помощью броненосцев упрочить свои позиции в регионах. Среди таких «малых» (в политическом значении слова) государств можно назвать Аргентину, Китай, Чили, Швецию.

Идеология «нового маринизма» получила распространение не только в правительственных сферах. Благодаря хорошо налаженной пропаганде, мечта о морском могуществе захватила и широкие слои населения. Среди идей и течений, подчеркивающих необходимость строительства большого флота, наиболее популярной оказалась теория морской силы американского военно-морского историка А. Т. Мэхэна. Она активно внедрялась в практику главными соперниками в борьбе за «место под солнцем» — Германией и Великобританией. В результате военно-морские учреждения этих стран стали играть ключевую роль в государственной политике. С мнением адмиралов считались члены правительства, дипломаты и крупный капитал. В Германии влияние «нового маринизма» особенно возросло с приходом в военно-морское ведомство в 1897 г. адмирала Альфреда Тирпица. Отныне история кайзеровского флота стала ассоциироваться с его именем и его планами. «Эрой Тирпица» назвал одно из своих исследований, посвященное германской военно-морской политике, известный западногерманский историк В. Хубач¹. И В. Хубач и многие другие исследователи считают Тирпица главным вдохновителем и «творцом» большого линейного флота. «Линейные корабли, — писал знаток военно-морской истории Фридрих Энгельс, — это самые большие военные корабли, предназначенные для того, чтобы в главном бою образовать боевую линию и решать борьбу весом металла, брошенного в неприятельские корабли»².

Существует мнение, что план строительства большого военно-морского флота адмирала Тирпица имел двоякую цель. Помимо решения внешнеполитических задач, связанных с превращением Германии в мировую морскую державу, он должен был стать «паллиативом» растущему влиянию германской социал-демократии, воспрепятствовать развитию конституционализма и парламентских институтов власти в стране.

¹ Hubatsch W. Die Ära Tirpitz: Studien zur deutschen Marinepolitik 1890-1918. Göttingen, 1955.

² Энгельс Ф. Военно-морской флот // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 14. С. 382.

Для решения поставленных задач требовалась мобилизация всех ресурсов. На флот работала парламентская и финансовая системы и даже дипломатия.

На последнее обстоятельство хотелось бы обратить особое внимание. Известно, что ядром внешнеполитической стратегии Тирпица была так называемая «теория риска». Согласно этой теории, Германия должна была иметь такой флот, чтобы даже для самой сильной морской державы (Тирпиц имел в виду Англию) нападение на него было сопряжено с риском тяжелых военных и материальных потерь. Однако Тирпиц полагал, что совсем не обязательно иметь такое же количество кораблей, как у «владычицы морей». Без угрозы своему влиянию в других регионах мира Великобритания не сможет сосредоточить все свои военно-морские силы в Северном море. Но для того, чтобы довести численность боевых эскадр до размеров «флота риска», необходим длительный период кропотливой работы. Этот период или время, когда флот будет находиться в стадии строительства, Тирпиц назвал «опасной зоной». Опасной потому, что английский Гранд Флит мог, не дожидаясь воплощения в жизнь немецкой мечты о море, неожиданно напасть и уничтожить пока еще слабый германский флот. История знает такие примеры. В 1801 г. англичане потопили датский флот под Копенгагеном. Чтобы подобного не произошло, Тирпиц настаивал на проведении такой внешней политики, которая обеспечила бы безопасное прохождение Германии через «опасную зону».

Разработанный в своей основе еще в 1897 г. «план Тирпица» не был осуществлен. Война началась раньше, чем германский «флот риска» достиг необходимых для подрыва морского могущества Великобритании размеров. Тем не менее, германская военно-морская политика стала одной из причин подрыва системы международных отношений конца XIX века. Так, окончательно были испорчены отношения рейха с Великобританией. На германские законы о флоте англичане ответили программами развития собственных вооружений и, в частности, отказом от политики «блестящей изоляции». Германская угроза подтолкнула Великобританию к союзу с такими морскими державами, как Япония и Франция. С последней англичане в 1912 г. подписали военно-морскую конвенцию, а вскоре им удалось преодолеть многие противоречия и с царским самодержавием. Желая использовать в борьбе против Германии возрождающийся после войны с Японией российский флот, Великобритания пошла на подписание морской конвенции и с Россией.

Таким образом, «план Тирпица» оказал губительное воздействие не только на германо-английские отношения, которые, впрочем, никогда не были безоблачными. Гонка морских вооружений способствовала разрушению и более близких связей империи Гогенцоллернов с Романовыми. Тем не менее, достижения ученых в изучении отношений Берлина и Петербурга в период прохождения Германии через «опасную зону» едва заметны — даже несмотря на то, что «эре Тирпица» посвящены сотни книг и статей.

До сих пор отечественная историография уделяла внимание различным аспектам германского флотского строительства главным образом в контексте поиска причин «первой империалистической». Хотя в целом на советском этапе развития исторической науки внимание к истории Первой мировой войны было ослаблено. Тому были свои причины, и о них много писалось в последние время³. Следует лишь подчеркнуть, что недостаточная разработанность проблем Великой войны, сюда следует отнести и вопросы гонки морских вооружений, была связана с малодоступностью зарубежных архивов во времена СССР.

Если до середины 30-х годов прошлого века желание историков разобраться в недавних событиях прошлого основательно стимулировалось изданием многочисленных архивных документов как в нашей стране, так и за рубежом, то локомотивом дальнейших исследований причин Первой мировой войны становится угроза фашизма. Накануне и в годы новых военных испытаний тезис М. Н. Покровского — «история — это политика, обращенная в прошлое», имел как никогда актуальное значение⁴. Совет-

³ См., напр., публикацию материалов известных отечественных авторов, посвященную 80-летию начала Первой мировой войны: Первая мировая война: Пролог XX века / Отв. ред. В. Л. Мальков. М., 1998.

⁴ Покровский М. Н. Империалистическая война. М., 1928. С. 8.

ские историки, напоминая руководству западных держав об уроках «кризисной дипломатии» начала XX века, призвали отказаться от поощряющей германскую агрессию политики невмешательства. В 1940 г. этой цели послужило, например, издание документов под руководством видного советского дипломата и историка В. П. Потемкина, посвященных истории международных отношений в 1870–1918 гг. Среди авторов этой публикации был и молодой, но уже известный тогда профессор Московского университета В. М. Хвостов⁵. Обратиться к недавнему прошлому и сделать из него выводы должна и фашистская Германия. Такова была основная идея советской историографии. История мировой войны свидетельствовала о том, насколько губительной для немецкого народа стало безудержное стремление руководства империи к «мировой политике» и ему сопутствующие борьба за колонии и маринизм. Основы этих устремлений были заложены еще в бисмарковской Германии, хотя Бисмарк не был сторонником приобретения колоний и строительства флота. Однако издание на русском языке в 1940 году «Мыслей и воспоминаний» Отто фон Бисмарка со вступительной статьей А. С. Ерусалимского, а также вышедший годом позже первый том «Истории дипломатии», где перу В. М. Хвостова принадлежала глава о франко-прусской войне, должны были напомнить и о политическом завещании «железного канцлера». Известно, что обитатель поместья в Саксонском Лесу призывал улучшить отношения с Россией и не идти за ее счет на компромисс с Англией. Среди главных опасностей, грозивших Германии, Бисмарк называл войну на Востоке⁶. Призыв «железного канцлера» не был услышан. Последующему поколению немецких политиков и дипломатов военного столкновения с Россией избежать не удалось. Угроза со стороны германо-австрийского блока заставила ее отказаться от политики лавирования и окончательно связать свою судьбу с Антантой⁷.

Такие историки, как М. Н. Покровский, Е. В. Тарле, Н. П. Полетика, а позже и В. М. Хвостов, подчеркивали, что германские морские амбиции и стремление удовлетворить их с помощью самого эффективного тогда средства — линейного флота легли в основу антагонистических противоречий между Лондоном и Берлином⁸. Однако внутриполитические аспекты германского флотского строительства, роль главы военноморского ведомства адмирала А. Тирпица в создании флота, военно-морская доктрина не находили в те годы достаточного освещения⁹.

Не в полной мере изучались и внешнеполитические проблемы германского маринизма. Пожалуй, только А. П. Полетика в книге «Возникновение мировой войны», а затем и В. М. Хвостов в «Истории дипломатии» смогли сделать достаточно важные выводы, способные определить вектор дальнейших исследований в этой области. Так, А. П. Полетика справедливо указал на то, что вопрос об англо-германском морском соперничестве обычно трактуется лишь в рамках взаимоотношений двух стран — Англии и Германии, «точно никаких флотов на свете, кроме английского и германско-

⁵ Международные отношения 1870–1918 гг. Сборник документов. М., 1940.

⁶ Ерусалимский А. С. Бисмарк как дипломат // Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. I. М., 1940.

⁷ Игнатьев А. В. Россия и происхождение Великой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. С. 103.

⁸ См.: Покровский М. Н. Указ. соч.; Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871–1919. М.–Л., 1928; Полетика Н. П. Возникновение мировой войны. М.–Л., 1935.

⁹ О попытке приступить к исследованию германской военно-морской доктрины свидетельствует издание сокращенного варианта мемуаров А. Тирпица. См.: Тирпиц А. Из воспоминаний. М.–Л., 1925. Недостаток собственных исследований компенсировалось изданиями немецкой литературы по истории германского флота и военно-морской стратегии перед Первой мировой войной. Большинство таких публикаций было связано с угрозой со стороны фашистской Германии. См., напр.: Штенцель А. История войны на море с точки зрения морской тактики. Часть 1–4. Петроград, 1914–1918; Фирле Р. Война на Балтийском море. Т. I: От начала войны до марта 1915 г. 2-е изд. М., 1937. Оперативно-тактические взгляды германского флота. Сборник статей из германской военно-морской литературы / Сост. А. Травиничев. М.–Л., 1941.

го, не существовало»¹⁰. В то время как в дальневосточных морях после Цусимы 1905 г. первенствующую роль приобрела Япония. Строились и флоты Австро-Венгрии, Италии, других стран. Даже военно-морские программы царского правительства после русско-японской войны были встречены в Англии «очень кисло». Таким образом, заключил Н. П. Полетика, как Германия, так и Англии приходилось корректировать свою внешнюю политику в сторону поиска морских союзников и «друзей»¹¹. Однако столь важное положение, которое может претендовать на некий методологический принцип при анализе германской военно-морской политики и стратегии перед Первой мировой войной, не нашло дальнейшего развития в работах советских ученых. Впрочем, и сам А. П. Полетика сосредоточил свое внимание на изучении событий кануна 1914 года, что позволило редактору И. Ерухимовичу указать на наличие в книге историка «крупных недостатков» в части освещения «корней мирового конфликта»¹².

Важную роль с точки зрения дальнейших перспектив исследования внешнеполитических проблем германского флотского строительства могли бы сыграть и работы В. М. Хвостова. Еще в 1935 г. в предисловии к русскому изданию мемуаров канцлера Б. Бюлова ученый обратил внимание на роль флота в становлении антибританского курса германской внешней политики. Он подчеркнул, например, что Бюлов длительное время отождествлял свою политику с политикой «творца» германской военно-морской силы адмирала А. Тирпица¹³. В конце 1945 г. в свет вышел второй том «Истории дипломатии». Написанная в основном В. М. Хвостовым, работа, по справедливому замечанию академика А. Л. Нарочницкого, отражала, а в некоторой части опережала уровень научной разработки истории международных отношений в советской историографии¹⁴. Раскрывая провал англо-германских переговоров о союзе в 1898 г., В. М. Хвостов указывает на идею влиятельного советника германского внешнеполитического ведомства барона Ф. Гольштейна, суть которой сводилась к необходимости балансирования между Англией и Россией. Однако объективные причины несостоявшегося соглашения, по мнению ученого, были в другом. Они не исчерпывались колониальными притязаниями, конкуренцией в торговле и просто стремлением к гегемонии. Речь шла о том, что Германия приступила в 1898 г. к строительству такого военного флота, который в будущем смог бы разрушить монополию Великобритании на моря и океаны. Идея англо-германского соглашения в таких условиях становилась просто нелепой¹⁵.

Таким образом, В. М. Хвостов впервые в отечественной историографии поставил вопрос о влиянии германского флотского строительства на внешнюю политику рейха в части несостоявшихся германских союзов конца XIX — начала XX вв. Выводы В. М. Хвостова могли стать основой для дальнейших исследований внешней политики Германии в «опасной зоне». Однако этого не произошло.

Государственная политика и идеология определяла многие направления исторических исследований в СССР и после Второй мировой войны. С этого времени можно говорить о более-менее постоянном, хотя все еще явно недостаточном внимании к сюжетам военно-морской истории кайзеровского рейха. Традиционно исследователи

¹⁰ Н. П. Полетика критикует, в частности, Е. В. Тарле, который считал, что Великобритания всегда могла сохранять роль лидера в гонке вооружений на море. Такая точка зрения, по мнению историка, «слишком поверхностно характеризует позицию Англии». См.: Полетика Н. П. Возникновение мировой войны. С. 144.

¹¹ Там же. С. 144-145.

¹² Ерухимович И. Несколько замечаний редактора // Полетика Н. П. Возникновение мировой войны. С. 8.

¹³ Хвостов В. М. Предисловие к книге Б. Бюлова «Воспоминания» // Бюлов Б. Воспоминания. М.-Л., 1935.

¹⁴ Нарочницкий А. Л. Вступительная статья // Хвостов В. М. Проблемы истории внешней политики России и международных отношений в конце XIX — начале XX в. Избранные труды. М., 1977. С. 9.

¹⁵ История дипломатии. Т. 2. С. 128-133.

не проходили мимо них в работах, посвященных истории международных отношений. При этом, как правило, повторялось, что Тирпиц строил флот в целях экономической экспансии германского империализма, для борьбы с Великобританией за передел мира. Иначе и быть не могло. Тезис В. И. Ленина о том, что буржуазия делит мир «по силе»¹⁶ и, следовательно, германский монополистический капитал стремился восполнить ее недостаток созданием мощного флота, должен был найти свое подтверждение. Вскоре марксистские историки стали акцентировать внимание и на другом ленинском положении. Поскольку милитаризм «в обеих своих формах... жизненное проявление капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при внешних столкновениях...», и как орудие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата»¹⁷, наращивание военно-морских сил преследовало цель обуздания рабочего движения. Данный тезис позволил исследователям шире взглянуть на проблему и обратиться к изучению внутриполитических аспектов германского строительства флота. Так, А. С. Ерусалимский исследовал не только политику правящих кругов в связи с принятием законов о флоте 1898 и 1900 гг., но и отношение различных партийно-политических группировок в рейхстаге к планам военно-морского ведомства. Была рассмотрена и позиция социал-демократов, критикующих морские программы с точки зрения наступления правительства на интересы немецкого пролетариата¹⁸.

В 1947 г. И. В. Сталин поставил перед советской исторической наукой задачу изучения «реакционной германской военной доктрины». В поле критики исследователей, по мнению «вождя народов», должны были попасть не только генерал К. Клаузевиц, но и другие «носители военной идеологии», такие, как Г. Мольтке, А. Шлиффен, Э. Людендорф, В. Кейтель и пр.¹⁹ Призыв руководителя партии и государства был услышан. Сначала Н. П. Полетика в статье, посвященной внешнеполитическим и военным планам Германии, показал несостоятельность внешнеполитической концепции А. Тирпица, а затем и адмирал В. А. Алафузов в книге о доктринах германского флота указал на ошибки оперативно-тактического планирования немецкого военно-морского командования²⁰.

Несмотря на предпосланный к статье эпиграф из краткого курса истории ВКП (б): «Англия боялась роста морских вооружений Германии», Н. П. Полетика не ограничился анализом взаимоотношений непримиримых морских противников. Изучив мемуары Тирпица²¹, он пришел к выводу, что в борьбе с «владычицей морей» адмирал был готов прибегнуть к соглашению с другими морскими державами, например, с Японией и в особенности с Россией. Эти идеи, по мнению историка, Тирпиц неоднократно выдвигал после русско-японской войны²². Свою мысль о желании Тирпица заключить союзы против Англии Н. П. Полетика развивает в новой редакции статьи, опубликованной по случаю издания на русском языке полного варианта мемуаров адмирала²³. Если в

¹⁶ Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 372-373.

¹⁷ Ленин В. И. Воинствующий империализм и антимилитаристская тактика социал-демократии // Там же. Т. 17. С. 187.

¹⁸ Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1951; Он же. Германский империализм: история и современность. М., 1964.

¹⁹ Большевик. 1947. № 3. С. 7.

²⁰ Полетика Н. П. Гросс-адмирал Тирпиц и германские планы войны. К истории внешнеполитических и военных планов германского финансового капитала // Труды среднеазиатского государственного университета. Вып. XLV. 1953. С. 101-121; Алафузов В. А. Доктрины германского флота. М., 1956; Он же. Гросс-адмирал Тирпиц и его «Воспоминания» // Тирпиц А. Воспоминания. М., 1957.

²¹ Несмотря на то, что статья написана на основе мемуаров А. Тирпица, Н. П. Полетика не упоминает их в качестве источника.

²² Там же. С. 110.

²³ Сокращенный вариант перевода на русский язык мемуаров Тирпица вышел в 1925 году. См.: Тирпиц А. Из воспоминаний. М.-Л., 1925.

строительстве флота, резюмировал автор, расчеты Тирпица в известной мере оправдались, то вторая сторона его деятельности — «политика союзов» потерпела решительное поражение. Примером для историка послужили попытки Германии расколоть Антанту путем заключения Бьеркского договора с Россией в 1905 г., переговоров с Холденом в 1912 году и т. д.²⁴ Без труда видно, что названные провалы германского внешнеполитического курса Н. П. Полетика связывает с так называемой «политикой союзов» Тирпица. Иначе и быть не могло. Выводы историка основывались на изучении такого субъективного источника, как мемуары морского министра, в которых он рисует себя сторонником соглашения с Россией и некоторыми другими государствами, например, Японией и Данией. На самом деле Тирпиц проводил скорее «политику антисоюзов», так как не являлся почитателем альянса с Россией и другими государствами. Впрочем, это не делало его противником «монархической дружбы» между династиями Гогенцоллернов и Романовых. Наоборот, политические симпатии адмирала чаще были на стороне России, что подтверждается архивными источниками. Однако на фоне английской угрозы германскому флоту он опасался превращения русофильских настроений в нечто большее. Статья А. П. Полетика оказалась первой и последней попыткой в отечественной историографии взглянуть на развитие германо-русских отношений перед Первой мировой войной глазами «творца» германского флота Тирпица. Но ограниченный круг привлекаемых источников, несмотря на оригинальную для того времени постановку проблемы, не позволил ученому максимально приблизиться к решению поставленной задачи.

В 80–90-е годы о морских амбициях Берлина и англо-германских противоречиях писали Б. М. Туполев, И. Ф. Сокольская, Д. В. Лихарев и А. И. Балобаев²⁵. Однако история германского флота в контексте отношений Германии и России по-прежнему оставалась вне поля зрения отечественных авторов.

Несмотря на то, что зарубежная «тирпициана» чрезвычайно богата, нельзя сказать, что и в западной исторической науке по указанной проблеме достигнуты ощутимые результаты. Не претендуя на всесторонний анализ историографии германского флотского строительства, остановимся лишь на краткой характеристике основных этапов ее развития.

Переход Германии от бисмарковской «континентальной политики» к «мировой политике» и взятый в связи с этим курс на создание большого военно-морского флота, необходимого как орудие такой политики, уже давно привлекал внимание немецких историков. До Первой мировой войны преобладала точка зрения, согласно которой строительство флота вытекало из дальнейшего экономического и политического развития Германии. Так, А. Штенцель в угоду правительственной пропаганде доказывал важность военного флота в решении экономических и политических проблем, отсылав в истории Ганзы глубокие корни преемственности морских традиций Германии²⁶.

Военное поражение Германии в 1918 г. заставило немецких историков заняться пересмотром ранее сложившихся исторических концепций. Переоценка ценностей в период Веймарской республики определялась задачами восстановления и укрепления военно-морского потенциала Германии. В этой обстановке появлялись многочисленные работы, авторы которых пытались установить просчеты военно-морского строительства. Г. Херцфельд и Б. Михалик выразили свое понимание «патриотично настро-

²⁴ Полетика Н. П. Гросс-адмирал Тирпиц и германские планы войны. К истории внешнеполитических планов германского финансового капитала // Тирпиц А. Воспоминания. С. 27–28.

²⁵ Туполев Б. М. Кайзеровский военно-морской флот рвется на океанские просторы // Новая и новейшая история. 1982. № 3, 4; Сокольская И. Ф. Строительство военно-морского флота в Германии и англо-германские противоречия к концу XIX началу XX века // Ежегодник германской истории 1986. М., 1987; Лихарев Д. В. Гонка морских вооружений как причина и следствие Великой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. Балобаев А. И. Образование и начало деятельности Немецкого флотского союза (1898–1900) // Из истории межимпериалистических противоречий и буржуазной дипломатии в 1897–1949 гг. Томск, 1981.

²⁶ Штенцель А. История войны на море с точки зрения морской тактики, Ч. 1–5. Петроград, 1917–1918.

енных офицеров» адмирала Тирпица, стремившихся устранить несправедливый для Германии раздел мира²⁷. Однако, по их мнению, это еще не означало, что Германия стремилась к войне. Оба историка отрицали наступательный характер концепции Тирпица. Стратегия «идеи риска» по Б. Михалику, например, заключалась в том, чтобы добиться соглашения с Францией и Россией. После заключения англо-французской Антанты в 1904 г. наступила ее политическая смерть. Дальнейшее строительство флота после этого вообще не имело смысла.

Серьезная попытка осмысления проблем строительства военно-морского флота была предпринята в работах либеральных историков Э. Кера и Г. Хальгартена²⁸. Э. Кер показал заинтересованность в постройке флота наряду с крупной промышленностью и тех слоев германского общества в лице партий, союзов, общественных групп, которые, хотя и не оказывали прямого давления на «флотскую политику» правительства, извлекали из нее выгоды экономического и политического характера. Подчеркивая «примат внутренней политики над внешней», он объяснял строительство военного флота и тесно связанное с ним тарифное законодательство как «средство борьбы классового противостояния (юнкерства и буржуазии — С. Ш.), которое перепрыгнуло во внешнюю политику и которое необходимо было довести до конца внешнеполитическими средствами»²⁹.

Спустя несколько лет Г. Хальгартен, как и Э. Кер, опровергая представление старой немецкой историографии о примате внешней политики над внутренней, продолжил тему, начатую своим другом: в какой степени военная промышленность была связана с правительственными кругами и оказывала влияние на «флотскую политику»³⁰. Г. Хальгартен отмечает наличие тесных связей Вильгельма II с фирмой Круппа, поощрявшего стремление военных промышленников получать заказы за границей. Приход к власти национал-социалистов в 1933 г. предопределил судьбу этих исследований. Г. Хальгартену лишь в 1951 г. удалось издать свою книгу во Франции. Правда, сокращенный вариант «Империализма до 1914 года» вышел там в 1935 г.³¹ Книга же Э. Кера была забыта на долгие годы. Она никак не вязалась с националистическим пафосом почитателей политики Тирпица в лице консервативных историков тех лет.

После Второй мировой войны историки консервативного направления продолжали отстаивать Тирпица и его «флотскую политику», правда, более искусно, чем их предшественники. Подробно освещая ход военно-морского строительства, постоянно подчеркивал положительную роль Тирпица В. Хубач. По его мнению, статс-секретарь не выступал инициатором форсирования военно-морского строительства. Для него Англия не была «прирожденным врагом», а «идея риска» была чисто оборонительной. И вообще все поступки Тирпица, в отличие от кайзера Вильгельма II, хорошо продумывались³². В итоге западногерманский историк пришел к выводу, что глава военно-морского ведомства строил флот не для войны с Англией (скорее наоборот, английский «Naval defence act» явился толчком для гонки морских вооружений), а для того, чтобы заключить с ней союз³³.

²⁷ Herzfeld H. Die deutsche Flottenbau und die Englische Politik // Archiv für Politik und Geschichte. Berlin, 1926; Michalik B. Probleme des deutschen Flottenbaues. Breslau, 1931.

²⁸ Kehr E. Schlachtflottenbau und Parteipolitik 1894-1901. Versuch eines Querschnitts durch die innenpolitischen, sozialen und ideologischen Voraussetzungen des deutschen Imperialismus. Berlin, 1930; Hallgarten George W. F. Imperialismus vor 1914. Die soziologischen Grundlagen der Außenpolitik europäischer Großmächte vor dem Ersten Weltkrieg. 2 Bde, München, 1963. (Русск. пер.: Хальгартен Г. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны. М., 1961).

²⁹ Kehr E. Op. cit. S. 160.

³⁰ Г. Хальгартен посвятил книгу памяти своего друга Экарта Кера, умершего в 1933 г. в возрасте 31 года.

³¹ Hallgarten W. Vorkriegsimperialismus. Die soziologischen Grundlagen der Aussenpolitik Europäischer Mächte bis 1914. Paris, 1935.

³² Hubatsch W. Die Ära Tirpitz. Studien zur deutschen Marinepolitik 1890-1918. Göttingen-Berlin-Frankfurt, 1955, S. 15-16.

³³ Ibid. S. 20.

Толчок к переоценке старых постулатов о роли Германии в развязывании Первой мировой войны дало появление в начале 1960-х годов работ профессора Гамбургского университета Ф. Фишера, а также исследований ученых так называемого «академического направления»³⁴. В монографии «Рывок к мировому господству» Ф. Фишер на основе богатейшего архивного материала доказывает, что германская политика являлась продолжением довоенной экспансионистской политики правящих кругов военными средствами. Историк выдвинул тезис о всеобъемлющей ответственности немецкой внешней политики в разжигании мирового пожара и тем самым открыл острые дебаты по проблемам возникновения Первой мировой войны³⁵. Шумная кампания консервативных историков в 60-70-х гг. против Ф. Фишера поддерживалась и тогдашним боннским правительством³⁶.

Под влиянием работ Ф. Фишера и некоторых других историков становится ярче и палитра оценок целей германской «флотской политики».

Еще в середине 60-х годов английский историк Д. Стейнберг указывал на антибританскую направленность строительства военного флота в Германии, особо отмечая так называемый «эмский меморандум» 1897 г. Тирпица, в котором говорилось об Англии как опаснейшем враге³⁷. Продолжая эту тему, западногерманский исследователь Ф. Р. Бергхан на основе многочисленных архивных документов, взятых в основном из военного архива г. Фрайбурга, доказывал два основополагающих тезиса. Во-первых, строительство военного флота с 1898 г. имело антианглийскую направленность; во-вторых, наращивание военно-морских сил имело цель обеспечить господство существующей государственной системы «через интеграцию социалистической революционной потенции». Закон о флоте 1898 г. и его новеллы были нацелены и на предотвращение «парламентаризации и демократизации прусско-германского конституционализма»³⁸.

Фундаментальная работа Ф. Р. Бергхана дала новый импульс изучению проблем кайзеровской военно-морской политики. Особого внимания заслуживают исследования В. Дайста, во многом дополняющие и углубляющие книгу Ф. Р. Бергхана³⁹. Так, В. Дайст показал, что ведомство Тирпица не было пассивным наблюдателем пропагандистской кампании за наращивание морских вооружений. В доказательство он подробнейшим образом проанализировал деятельность специального отдела агитации и пропаганды ведомства — Информационного бюро. Ведомство создавалось Тирпицем специально для формирования соответствующего планам военно-морского ведомства общественного мнения, а также в целях давления на рейхстаг.

Однако появились и работы консервативных историков, в которых основные выводы Ф. Р. Бергхана подверглись резкой критике. Против тезиса, что уже первый флотский закон был направлен своим острием против Англии, выступил Ф. Хуберти. «Эмский меморандум» Тирпица 1897 г., где говорится об Англии как сопернике Германии на морях, Ф. Хуберти сравнивает с «меморандумом IX» 1894 г., в котором «возможными» противниками на морях назывались Франция и Россия. Отсюда и в меморандуме 1897 г., размышлял автор статьи, о Великобритании говорится лишь как о «возможном противнике». Поэтому «неубедительно заключать, что Тирпиц хотел поспорить с английским

³⁴ См. подробнее: Виноградов К. Б. Буржуазная историография первой мировой войны. М., 1962.

³⁵ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik der kaiserlichen Deutschland 1914-1918. Dusseldorf, 1961.

³⁶ Наиболее интересные публикации о controversies Ф. Фишера см.: Schöllgen G. «Fischer-Kontroverse» und Kontinuitätsproblem. Deutsche Kriegsziele im Zeitalter der Weltkriege // Ploetz-Geschichte der Weltkriege. Mächte, Ereignisse, Entwicklungen 1900-1945 / Hrsg. von A. Hillgruber, J. Dülffer. Freiburg, 1981; Berghahn V. R. Die Fischer-Kontroverse — 15 Jahre danach // Geschichte und Gesellschaft. H. 6, 1980.

³⁷ Steinberg J. Yesterday's Deferrent: Tirpitz and the Birth of the German Battle Fleet. London, 1968.

³⁸ Berghahn V. R. Der Tirpitz-Plan. Genesis und Verfall einer innenpolitischen Krisenstrategie unter Wilhelm II. Dusseldorf, 1971. S. 13.

³⁹ Deist W. Flottenpolitik und Flottenpropaganda. Das Nachrichtenbüro des Reichsmarineamts 1897-1914. Stuttgart, 1976.

морским господством»⁴⁰. Ф. Хуберти поддержал М. Залевски, который, наряду с отрицанием антианглийской направленности строительства германского флота, оспаривал тезис о его использовании как «паллиатива» против социал-демократии⁴¹.

Другой исследователь — К. Шак — считал в своей диссертации, что морское строительство в Германии велось в целях достижения «всемирно-политического паритета» и признания империи как «равноправного актера» на мировой политической сцене. Для большей наглядности он сравнил и увидел сходство целей флота Тирпица с задачами «красного флота СССР». Советский военно-морской флот, по мнению К. Шака, являлся, как и германский флот начала XX в., инструментом «политического и военного давления... при решении вопросов мировой политики»⁴².

В современной зарубежной историографии интерес к «плану Тирпица» не угас. Об этом свидетельствуют последние публикации. Среди них следует назвать прежде всего исследование М. Эпкенханса, посвященное германской политике вооружений на море и ее связям с крупной промышленностью и судостроением⁴³. Кстати, в своей книге немецкий историк называет около 300 работ по истории германского флота, вышедших в свет в разное время. Заслуживает внимания и книга норвежского исследователя Р. Хобсона, посвященная истории военно-морской идеологии, стратегии и плану Тирпица⁴⁴.

Возвращаясь к заявленной теме исследования, следует вновь подчеркнуть, что к ней имеют отношение лишь немногие опубликованные за рубежом исследования. Среди них следует назвать работы уже упомянутых авторов, например, В. Хубача и Ф. Р. Бергхана. В. Хубач одну из небольших глав своей книги, посвященной кайзеровскому флоту, назвал «Русский военно-морской флот и германское мнение о нем»⁴⁵. Заслуживают интерес и те страницы монографии Ф. Р. Бергхана⁴⁶, на которых анализируется германская внешняя политика в так называемой «опасной зоне»: автор уделяет внимание дискуссии в кругах германской политической элиты по проблеме германо-русского союза, которая состоялась в конце 1904 г. Участником споров был и небезызвестный адмирал Тирпиц.

Таким образом, если проблема воздействия германского флотского строительства на отношения с Великобританией достаточно хорошо изучена в отечественной и зарубежной историографии, то научная актуальность исследования отношений Берлина и Петербурга в связи с осуществлением «плана Тирпица» не вызывает сомнений. Иными словами, цель данной работы — взглянуть на Россию глазами руководителей и идеологов германского флота и «флотской политики», которые придали не только специфику, но и в какой-то степени определили вектор развития германской «русской политики» в конце XIX — начале XX вв.

Надо иметь в виду, что военно-морское руководство кайзеровской Германии было триедино: военно-морское ведомство, штаб Адмиралтейства (с 1899 г.), морской кабинет. Во главе имперского военно-морского ведомства стоял адмирал Тирпиц (1897–1916 гг.). Ему были подконтрольны административные и бюджетные вопросы. Ведомство занималось выработкой тактики и стратегии морской политики, разработкой флотских

⁴⁰ Huberti F. H. Tirpitz als «Verschleierungs»-Politiker? // *Marine Rundschau*, 1974. H. 9. S. 534–536.

⁴¹ Salewski M. Tirpitz. Aufstieg, Macht, Scheitern. Göttingen, 1979.

⁴² Schack K. Der Beginn des deutschen Schlachtfloottenbaues. 1897–1900. Grundlage und Entwicklung bis zum 2 Flottengesetz // *Inaug. Diss.* ... zu München. München, 1981.

⁴³ См., напр.: Kiel, die Deutschen und die See. Stuttgart, 1992; Epkenhans M. Die wilhelminische Flottenrüstung. 1908–1914. Weltmachtstreben, industrieller Fortschritt, soziale Integration. München, 1991.

⁴⁴ Hobson R. Imperialism at Sea. Naval Strategic Thought, the Ideology of Sea Power and the Tirpitz-Plan. 1875–1914. Boston, 2002; В 2004 г. вышло немецкое издание книги Р. Хобсона. См.: Hobson R. Maritimer Imperialismus. Seemachtideologie, seestrategisches Denken und der Tirpitzplan 1875 bis 1914. München, 2004.

⁴⁵ Hubatsch W. Kaiserliche Marine. Aufgaben und Leistungen. München, 1975.

⁴⁶ Berghahn V. R. Der Tirpitz-Plan.

законов, организацией пропаганды для прохождения судостроительных программ через рейхстаг, другими вопросами. Оперативно-тактическим планированием, а также распределением военно-морских сил по театрам боевых действий ведал штаб Адмиралтейства. Во главе его в разные годы стояли адмиралы О. Дидерикс (1899-1902), В. Бюксель (1902-1908), Ф. Баудиссин (1908-1909), М. Фишель (1909-1911), А. Гееринген (1911-1913), Г. Поль (1913-1915 гг.). Морской кабинет ведал кадрами флота. Бесменным его руководителем с 1906 по 1918 гг. являлся адмирал Г. А. Мюллер. Все названные структуры флота подчинялись кайзеру Вильгельму II, который по конституции Германской империи 1871 г. был главнокомандующим всех вооруженных сил.

На первом месте по своему политическому влиянию, бесспорно, стояло военно-морское ведомство. Тирпиц, пользуясь поддержкой Вильгельма II, успешно пресекал любые попытки руководства Адмиралтейства воздействовать на военно-морскую политику. Морской кабинет же до начала военных действий в 1914 г. особо не проявлял своей оппозиционности морскому министерству. Мюллер, по его собственному признанию, всегда был близок к Тирпицу не только по долгу службы, но и лично, хотя у него возникали некоторые разногласия с военно-морским ведомством по вопросу о темпах строительства флота.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1897 г., когда в военно-морское ведомство пришел адмирал А. Тирпиц, до 1914 г, т. е. до начала Первой мировой войны.

Мы отдаем себе отчет в том, что круг изучаемых вопросов далеко не исчерпывает все многообразие экономических, дипломатических, военно-политических, в том числе и военно-морских аспектов, отношений двух империй. Однако выбор проблематики не является случайным. Структура исследования подчинена определенной логике. В-первых, речь идет о тех проблемах германо-русских отношений, которые прямо и косвенно касались военно-морской политики кайзеровского рейха. Одна из решаемых задач имеет отношение к идее германо-русского союза, другая касается зарождения антагонизма между двумя странами в годы воссоздания российского флота. Во-вторых, перечень изучаемых вопросов в целом соответствует видению архитектуры германо-русских отношений самим «создателем» германского флота. Ее элементы описаны в мемуарах Тирпица, их можно обнаружить и в служебной переписке статс-секретаря, а также в личном фонде адмирала.

Поставленные цель и задачи очертили круг привлекаемых источников. Условно их можно разделить на неопубликованные и опубликованные. К первым относятся архивные материалы различных министерств и ведомств, в том числе германского внешне-политического ведомства и военно-морского, а также российского министерства иностранных дел и Морского генерального штаба. Большинство из них вводятся в научный оборот впервые.

Основой для написания работы послужили архивные материалы по истории кайзеровского военно-морского флота. Большая часть их хранится в Федеральном военном архиве ФРГ г. Фрайбурга (ВА-МА). Речь идет о фондах кайзеровского военно-морского ведомства (Reichsmarineamt — RM 3), Главного штаба военно-морского флота (Admiralstab der Marine — RM 5), кайзеровского морского кабинета (Kaiserlichen Marinekabinett — RM 2), гротс-адмирала Альфреда фон Тирпица (Nachlaß — N 253).

Эти фонды содержат самые разнообразные документы политического, дипломатического и военно-стратегического характера. О том, как далеко простирались военно-политические интересы военно-морского ведомства, свидетельствует переписка Тирпица с морскими атташе, которые были аккредитованы в столицах разных стран мира. Санкт-Петербург не был исключением. В этой связи корреспонденция германских военно-морских атташе из столицы Российской империи, и прежде всего П. Гинце, имеет ключевое значение при решении поставленных задач. Гинце и его коллеги, морские атташе В. Кейзерлинг и Р. Фишер-Лоссайнен, служили «глазами и ушами» Тирпица в

России. Они являлись свидетелями ключевых событий в международных отношениях начала XX в. и кануна Первой мировой войны. Так, Гинце присутствовал на встрече императоров при подписании германо-русского Бьерского соглашения в 1905 г. По значимости данное событие выходило за рамки двухсторонних германо-русских отношений и имело международное значение. Пользуясь доверием императора Николая II, Гинце беспрепятственно общался с высокопоставленными чиновниками царской администрации. Он почти безошибочно угадывал новые тенденции в российской внешней политике, оперативно докладывая о них кайзеру Вильгельму II и статс-секретарю военно-морского ведомства Тирпицу. Гинце первым обратил внимание Берлина на смену российского внешнеполитического курса после поражения в войне с Японией, подчеркнув, что отныне великодержавные амбиции царизма перемещаются с Дальнего Востока на европейский континент. Уже в 1907 г. он зафиксировал стремление царизма во чтобы то ни стало решить проблему Черноморских проливов, а также желание Петербурга разрешить свои колониальные и другие противоречия с англичанами.

После англо-русского сближения в 1907 г. Гинце и его преемники на постах морских атташе — Кейзерлинг и Фишер-Лоссайнен, стремились внести разлад в стан союзников по Антанте, пропагандируя идею активного внедрения частных немецких фирм на судостроительный рынок России. Наконец, морские атташе фиксировали в своих донесениях важнейшие внутриполитические события предвоенной России: будь то революционные выступления на Черноморском флоте, либо дебаты в российском обществе вокруг разработки и принятия в Государственной Думе судостроительных программ. Как представители военно-морского ведомства в североамериканских государствах,⁴⁷ они внимательно отслеживали динамику развития военно-политических отношений Петербурга со Швецией.

Фонды Военного архива г. Фрайбурга содержат и документы по истории русско-японской войны — этапного события в развитии германо-русских отношений перед Первой мировой войной. Впервые в научный оборот введены документы, в частности — переписка с Берлином губернатора Циндао А. Труппеля, которая содержит не только интереснейшие сведения об интернировании в Цзяочжоу российских военных кораблей, но и демонстрирует отношение ведомства Тирпица к столь важному событию.

Информацию о подготовке к плаванию эскадры под командованием адмирала З. П. Рожественского, а также политической целесообразности поставок для нее угля немецкими фирмами дают «военно-политические сообщения» германских морских офицеров. Среди них следует отметить донесения кайзеру Вильгельму II и Тирпицу командированного в Россию капитана 1-го ранга Э. Пустау, а также рапорты командующего германской крейсерской эскадрой на Дальнем Востоке адмирала К. Притвица.

Заслуживают внимания и архивные материалы дискуссии, развернувшейся в военно-морских кругах, в том числе и в стенах ведомства А. Тирпица, по изучению опыта русско-японской войны. Она оказала огромное влияние на дальнейшее развитие стратегии и тактики морского боя, совершенствование военного кораблестроения не только в России, но и в Германии.

Известно, что целесообразность заключения союза с Россией рассматривалась Берлином и с точки зрения его пользы в деле противостояния английскому морскому могуществу. Поэтому сведения о перспективах «возрождения» русского флота, передаваемые в германское военно-морское ведомство и штаб Адмиралтейства, тщательно анализировались. Несомненно, они ложились на столы и тем, кто принимал судьбоносные для Германии внешнеполитические решения. В меморандумах и докладах Адмиралтейства «на высочайшее имя» (Immediatvorträge) оценивались боеспособность российских эскадр, уровень военной подготовки и морская выучка командного и рядового состава российского флота. Анализировались и царившие на военных судах политические унастроения. Сведения экономического и политического характера о России

⁴⁷ Помимо Петербурга, где они постоянно проживали, морские атташе одновременно были аккредитованы в скандинавских странах.

периода 1904–1914 гг. хранятся также в следующих томах фонда: «Россия. Общие сведения», «Россия. Совершенно секретные сведения».

Документы Адмиралтейства содержат подробную информацию об оперативно-тактической работе, планах развертывания германских военно-морских сил на случай войны с Россией и ее союзниками. Они позволяют ответить на ряд вопросов, например, когда строительство русских боевых эскадр на Балтике стало рассматриваться Германией как угроза, или насколько серьезно немецкими адмиралами воспринимались планы строительства российского флота.

Разнообразные материалы по истории кайзеровского флота, в том числе и в контексте международных проблем его строительства, хранит фонд военно-морского кабинета. Функции этого учреждения выходили за рамки представлений о деятельности морского «отдела кадров» благодаря его руководителю, бывшему флигель-адъютанту Вильгельма II Мюллеру. Поэтому морской кабинет являлся важным фактором политического влияния. Не случайно его фонды содержат и дипломатические акты, например, переписку посольства в Петербурге с германским министерством иностранных дел, морского атташе и военного представителя Германии в России Пауля Гинце с кайзером и канцлером. С главой морского кабинета интенсивно обменивались мнениями тот же Гинце, руководитель внешнеполитического ведомства в 1907–1910 гг., В. Шён.

Документы из фонда кайзеровского военно-морского кабинета позволили автору поставить вопрос о стремлении Берлина перенести внимание России с Балтики на Черное море. В случае войны подобная стратегия давала надежду на ослабление давления русского флота на водные границы Германии. В этой связи небезынтесны переписка между Мюллером и Тирпицем и другие материалы по истории продажи устаревших немецких броненосцев Османской империи и строительству для нее военных кораблей на немецких верфях.

Наконец, архивный фонд «наследие Тирпица» содержит документальные свидетельства, имеющие прямое отношение к истории германо-русских отношений. К их числу относится переписка главы военно-морского ведомства Тирпица с канцлером Бюловым, морского атташе и военного представителя Гинце с руководителем морского кабинета Мюллером. Встречаются и аналитические записки по истории развития отношений между двумя империями. Так, одну из них, где указывалось на просчеты «русской политики» Берлина, Тирпиц использовал при написании мемуаров. Речь идет о тех страницах книги, на которых адмирал критикует руководство рейха за построение ошибочной внешнеполитической модели.

Определенный интерес представляют материалы по истории кайзеровского военно-морского флота Политического архива внешнеполитического ведомства г. Бонна (РА АА). Хранящаяся в фонде «Германия 138» (Deutschland 138) корреспонденция рейхсканцлера Л. Каприви и руководителя военно-морского ведомства Ф. Гольмана позволяет обратиться к изучению вопросов германского стратегического планирования на Балтике в начале 90-х гг. XIX века. Документы фонда «Германия 138. Секретно» (Deutschland 138 secr.) позволяют вскрыть некоторые причины англо-германского антагонизма в годы русско-японской войны. В рамках указанной проблемы изучалась переписка прусского военного министра генерала К. Эйнема с канцлером Бюловым и начальником Генерального штаба германской армии Шлиффеном.

Среди отечественных хранилищ документов следует назвать прежде всего Российский государственный архив Военно-морского Флота (РГА ВМФ). Документы Главного морского штаба (ф. 417) и Морского генерального штаба (ф. 418) являются важным дополнением к немецким архивным материалам. Так, русские военно-морские агенты в Берлине собирали информацию о германском флотском строительстве, об отношениях кайзера Вильгельма II, германских политических, военных кругов и общественности к российским программам развития морских вооружений.

Наряду со сведениями о проникновении германских фирм на судостроительный рынок России, которые содержатся в корреспонденции германских военно-морских атташе, не менее ценные материалы по данной проблеме находятся и в фондах архива

военно-морского флота. Документы следственной комиссии Временного правительства о злоупотреблениях по морскому ведомству включают подробную информацию о заказах военных кораблей немецким фирмам (ф. 1248).

В рамках темы «Германское военно-морское ведомство и немецкая судостроительная промышленность в России» привлекались документальные собрания из Российского государственного исторического архива (РГИА). Интерес для исследователя представляют материалы фонда «Канцелярии министра финансов» (ф. 560) об участии германской фирмы «Блом унд Фосс» в конкурсе на лучший проект броненосца для Балтийского моря, о дискуссии в германском рейхстаге по поводу военно-морских поставок в Россию, и некоторые другие.

Ряд оригинальных документов по проблемам германо-русских отношений можно обнаружить в богатейших фондах Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). В работе использовались и материалы фондов «Канцелярии министра иностранных дел» и «Политический архив». В фонде «Канцелярия» заслуживает особого внимания переписка между российским посольством в Берлине и министерством иностранных дел. Русский посол в Берлине Н. Д. Остен-Сакен живо интересовался различными аспектами германского флотского строительства. Тем, например, как разворачиваются события вокруг флотских законов в рейхстаге, насколько серьезно в Берлине оценивалась английская угроза в связи с «гонкой dreadnoughtов». О настроениях немецкой общественности в период принятия флотских законов можно судить по донесениям русских консулов из Гамбурга, Штуттгарта, Дрездена. Насколько учитывался английским министерством иностранных дел «русский военно-морской фактор» в международных отношениях перед Первой мировой войной, свидетельствуют «всеподданнейшие записки» российского внешнеполитического ведомства императору Николаю II.

Дипломатическая и межведомственная переписка из фонда «Политархив» дополняет германские архивные материалы по проблеме германо-турецкого военно-морского взаимодействия против России. О беспокойстве в российских военных и политических кругах в связи с желанием Турции усилить свое присутствие в черноморском бассейне свидетельствуют письма и телеграммы морского министра С. А. Воеводского министрам иностранных дел А. П. Извольскому и С. Д. Сазонову.

Наконец, помощь в изучении внешнеполитической стратегии русского флота в 1905–1907 гг. и реформирования его управленческих структур после русско-японской войны оказали документы из фонда «Главного управления Генерального штаба», которые находятся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА).

Широкое использование материалов из зарубежных и отечественных архивов не означает, что мы обошли вниманием различные документальные публикации, в том числе и новейшие. К опубликованным источникам следует отнести вышедшие у нас и за рубежом многочисленные издания дипломатических документов конца XIX века и кануна Первой мировой войны, а также документы германского военно-морского ведомства. Среди известных и часто цитируемых отечественных собраний следует назвать «Международные отношения в эпоху империализма» (МОЭИ), подготовленные к изданию в 30-х годах⁴⁸. Еще ранее, в 20-е годы, вышла германская серия «Большая политика европейских кабинетов»⁴⁹.

Наиболее интересными оказались те документы из «МОЭИ», которые характеризуют шведско-германские контакты в контексте проводимой Стокгольмом военно-морской политики в балтийском регионе. Обращение же к немецкой документальной коллекции имело значение главным образом при изучении отношений Берлина и Петербурга

⁴⁸ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917. Серия 2. 1900–1913. М., 1938–1940.

⁴⁹ Die Große Politik der Europäischen Kabinette. 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amts / Hrsg. von J. Lepsius, A. Medelsohn-Bartholdy, F. Thimme. Bd. 1–40. Berlin, 1922–1927.

по проблеме Черноморских проливов. Вместе с тем следует подчеркнуть, что названные публикации принесли пользу лишь при анализе отдельных, а иногда и второстепенных сюжетов, и носили вспомогательный характер⁵⁰.

Большой интерес, на первый взгляд, могли бы представлять публикации материалов имперского военно-морского ведомства. Над их изданием в свое время трудились и сам адмирал Тирпиц, и известные сегодня немецкие историки. Двухтомные «Политические документы» Тирпица касаются как внутривойсковой борьбы вокруг флотского строительства довоенной Германии, так и «гонки дредноутов»⁵¹. К сожалению, документальным свидетельствам по проблемам германо-русских отношений перед Первой мировой войной мест в издании не нашлось. Тому есть видимые причины. Доказать свою непричастность к разжиганию вражды с «владычицей морей» было главной целью бывшего руководителя одного из самых влиятельных имперских ведомств. К тому же большая часть публикуемых Тирпицем материалов относится к событиям военного времени.

Гораздо разнообразней по тематике является подборка документов Ф. Р. Бергхана и В. Дайста из фондов Военного архива г. Фрайбурга. Публикуемые материалы по проблеме вооружений периода вильгельмовской мировой политики авторы назвали «основополагающими»⁵². Это действительно так. Книга имеет следующую структуру: политика вооружений в армии, концепция строительства линейного флота, программы развития флота и мобилизация общественного мнения для их поддержки, военное лоббирование в рейхстаге, экономика и индустрия вооружений, финансовые аспекты вооружений, политика морских вооружений в кризисе. Содержание издания отражает главным образом внутривойсковую составляющую «плана Тирпица», хотя авторы не обошли вниманием и некоторые международные проблемы политики вооружений на море. К сожалению, упоминание о России как объекте внимания со стороны военно-морских учреждений германского рейха встречается крайне редко.

И лишь недавнее издание германских архивных документов под редакцией И. Хюртера имеет непосредственное отношение к теме исследования. Речь идет о донесениях Гинце из Петербурга как военно-морского атташе и военного представителя (1903–1911 гг.), а также из Мексики, (1911–1914 гг.), Китая (1915–1917 гг.) и Норвегии (1917–1918 гг.), где он был посланником. Кроме того, публикуется корреспонденция Гинце в короткий период его пребывания на посту руководителя внешнеполитического ведомства (июль — октябрь 1918 г.) и представителя указанного ведомства при верховном военном командовании (октябрь — ноябрь 1918 г.)⁵³. Несмотря на относительно небольшой объем публикуемых материалов о России, вместе с неопубликованной частью переписки они позволяют раскрыть позицию германского военно-морского ведомства по отдельным проблемам германо-русских отношений в годы русско-японской войны и воссоздания российского флота. Вместе с тем, правомерно поставить вопрос и о влиянии Гинце на «русскую политику» Берлина в период его пребывания в Петербурге.

⁵⁰ Помимо «Большой политики европейских кабинетов», в работе были использованы следующие германские публикации документов: Quellen zur deutschen Aussenpolitik im Zeitalter des Imperialismus: 1890–1911 / Hrsg. von M. Behnen. 1. Aufl. Darmstadt, 1977; Dienstliche Privatkorrespondenz zwischen dem bayerischen Ministärpräsidenten Georg Graf von Hertling und dem bayerischen Gesandten in Berlin Hugo Graf von und zu Lerchenfeld / Hrsg. Von Ernst Deuerlein. Boppard am Rhein, 1973; Die Geheimen Papiere Friedrich von Holsteins. Göttingen, 1963; Philipp Eulenburgs Politische Korrespondenz. Bd. 3. Krisen. Krieg und Katastrophen. 1895–1921. Boppard am Rhein, 1983.

⁵¹ Tirpitz A. Politische Dokumente. Bd. 1: Der Aufbau der deutschen Weltmacht. Stuttgart-Berlin, 1924; Bd. 2: Deutsche Ohnmachtspolitik im Weltkrieg. Hamburg, 1926.

⁵² Berghahn V. R., Deist W. Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. Grundlegende Dokumente. 1890–1914. Düsseldorf, 1988.

⁵³ Paul von Hintze. Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik. 1903–1918 / Hrsg. von J. Hürter. München, 1998.

В работе использовалась и мемуарная литература. Несмотря на субъективный характер и порой неприкрытое стремление авторов навязать свою точку зрения по тем или иным проблемам международных отношений, этому виду источника в последнее время уделяется много внимания. В связи с отходом от сухих социологических схем, в которых человек, теряя всякую индивидуальность, часто становился заложником объективных исторических процессов. Сегодня пришло понимание того, что личность может влиять на ход истории, меняя его темп и ритм. Таким был и Тирпиц.

Мемуары бывшего статс-секретаря выдержали два издания. Впервые они были опубликованы в 1919 г., т. е. сразу после окончания мировой войны⁵⁴. В предисловии к первому изданию, написанному в охотничьем домике Цабельсберг, Тирпиц пояснил читателю мотивы, по которым он взялся за перо. «Я могу доказать, — писал он, — ...что политическая легенда о том, будто эта война была развязана безответственным самодержавием и агрессивной военной кастой, является попранием истины. Особенно не хотел войны кайзер; он старался всеми силами предотвратить ее с того момента, как осознал опасность»⁵⁵. Кажется, большую часть своей книги Тирпиц и посвятил доказательству этого тезиса. Он убеждал, что германский флот строился не для достижения мирового господства, а ради «борьбы за свободу мира», поскольку «английское морское могущество подобно кошмару давило на весь мир неанглосаксонских держав»⁵⁶. Что касается России, то Тирпиц назвал ее одной из виновниц мирового пожара: «Виновны как в самой войне, так и варварском ведении ее правящие круги Лондона, Парижа и Петербурга»⁵⁷. Однако до войны он не был решительным сторонником германо-русского союза, каковым считал себя, судя по «Воспоминаниям». Вполне возможно, что с 1914 г., когда пресловутая «идея риска» потеряла всякий смысл, его отношение к альянсу с империей Романовых изменялись. Чтобы сохранить мир, считал адмирал, Германии следовало пойти на уступки России в сербском вопросе, «выхлопотать» право свободного прохода ее кораблей через Дарданеллы и даже ради ее согласия пойти на союз с Берлином предоставить русским остров в Эгейском море. Можно было отказаться и от Багдадской железной дороги или управлять ею совместно, а также взять на себя уплату российских долгов Франции. В отношении Константинополя следовало бы пообещать изменения германской политики. И вообще «можно было также позаботиться о персональном вознаграждении великих князей и других лиц»⁵⁸.

Так выглядела, в общих чертах, «программа мира» с Россией Тирпица в годы войны, и ее иначе как иллюзорной назвать нельзя. Тем не менее, некоторые страницы из «Воспоминаний», например, цитируемое им письмо руководителю внешнеполитического ведомства О. Рихтгофену в 1904 г. по проблеме германо-русского союза, все же свидетельствуют о том, что довоенный Тирпиц был противником любых политических и военных комбинаций с Петербургом. Ценность мемуаров состоит и в том, что, перечисляя ошибки и неудачи руководства рейха во внешней политике, адмирал доказывал свою правоту с помощью привлечения документов из личного архива. Впрочем, как показывает сравнение цитат с оригиналами, адмирал не гнушался их купированием.

Помимо Тирпица, свои размышления и записи о прошлом морской истории Германии оставили и такие адмиралы-политики, как А. Штош и Г. А. Мюллер⁵⁹. Если мемуары руководителя Адмиралтейства А. Штоша имеют отношение к дотирпицевской

⁵⁴ Tirpitz A. Erinnerungen. Leipzig, 1919.

⁵⁵ Тирпиц А. Воспоминания. С. 44.

⁵⁶ Там же. С. 321.

⁵⁷ Там же. С. 300.

⁵⁸ Там же. С. 325.

⁵⁹ Stosch A. Denkwürdigkeiten des Generals und Admirals Albrecht von Stosch. Stuttgart-Leipzig, 1904; Der Kaiser... Aufzeichnungen des Chefs des Marinekabinetts Admiral Georg Alexander v. Müller über die Ära Wilhelm II / Hrsg. von W. Görlitz. Göttingen, 1965.

проблематике истории флота, то записки адъютанта кайзера (сначала флигель-адъютанта, а потом и генерал-адъютанта), а также начальника морского кабинета Мюллера интересны описанием разногласий в кругах политической элиты и внутри организационных структур флота по проблеме создания морской силы. Однако читатель будет разочарован, если пожелает найти на страницах воспоминаний адмиралов сколько-нибудь подробное описание «русской политики» вверенных им учреждений.

Определенный интерес для исследователя германо-русских отношений конца XIX и начала XX веков представляют мемуары двух немецких канцлеров — Гогенлоэ и Бюлова⁶⁰. Однако, если Гогенлоэ имел отношение к «плану Тирпица» на начальном этапе его осуществления, то Бюлов взял на себя обязательства создать благоприятные внешнеполитические условия для его выполнения на решающем этапе флотского строительства. К сожалению, Россия в связи с внешнеполитическим проведением строительства флота в Германии через так называемую «опасную зону» упоминается в многостраничных мемуарах Бюлова крайне редко.

Нельзя обойти молчанием и такой источник информации, как пресса. Помимо отдельных статей, в фондах германских и российских архивов были обнаружены подборки материалов из немецкой прессы по вопросам «флотской политики» и международных отношений. Наибольший интерес представляют коллекции газетных статей по истории русско-японской войны и проблемам «возрождения» русского флота после «цусимской катастрофы». В германской прессе живо обсуждались и проблемы германо-русских отношений кануна Первой мировой войны, такие, как Черноморские проливы, русско-французская военно-морская конвенция, вопросы военных поставок в Россию и т. п.

Хочется надеяться, что круг привлеченных источников позволяет раскрыть ряд особенностей «русской политики» кайзеровского рейха в связи с осуществлением программы строительства военно-морского флота. При этом автор отдает себе отчет в том, что еще многие вопросы германской военно-морской политики, как в контексте двухсторонних отношений Германии и России, так и международных проблем конца XIX — начала XX вв., требуют дальнейшей проработки. Тому способствуют различные издания документов, выходящие как в России, так и за рубежом, а также благоприятная историографическая ситуация, сложившаяся в последние годы в связи с повышенным вниманием исследователей разных стран к изучению истоков Первой мировой войны.

⁶⁰ Hohenlohe-Schillingsfürst. Denkwürdigkeiten der Reichskanzlerzeit. Stuttgart, 1931; Bülow B. Denkwürdigkeiten. 4 Bde. Berlin, 1930-1931.

ГЛАВА I

«ЭРА ТИРПИЦА» И ГЕРМАНО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1897-1903 гг.

Стремление Германской империи к переделу мира и связанный с ним переход от бисмарковской континентальной политики к мировой имел судьбоносное значение и для развития германского флота. Во времена первых руководителей Адмиралтейства А. Штоша и Г. Каприви военно-морские силы империи занимали подчиненное положение. В случае войны с Францией и Россией они должны были поддержать наступательные и оборонительные мероприятия армии. В 90-ые годы ситуация изменилась и, как отмечал адмирал Тирпиц, «наметились две необходимости»: тактическая и политическая. С точки зрения тактики появилась необходимость в линейном флоте. Иными словами, корабли, служившие целям обороны, должны были уступить место наступательному флоту открытого моря. С политической точки зрения появилась необходимость превращения флота в функцию морских интересов. «Без морского могущества, — полагал Тирпиц, — международный престиж Германии уподоблялся черепахе без панциря»¹. Изменение функций флота явилось причиной перехода от «прусской школы» военно-морской стратегической идеи, которая носила оборонительный характер, к «германской школе», с ярко выраженными наступательными целевыми установками².

Создание огромного флота и уничтожение военно-морского превосходства Франции и России не решили бы основной задачи — добиться морского могущества. Отныне, как главные противники империи на морях, эти страны должны были отойти в тень, уступив далеко не почетную обязанность называться «опаснейшим врагом» Великобритании. Специфика германского маринизма заключалась в том, что он не только привел в расстройство европейскую систему межгосударственных отношений, но и способствовал нарушению мирового равновесия сил. Правила игры, которые определил Тирпиц для отношений с Великобританией, оперируя такими понятиями, как «опасная зона», «флот риска», прямо и косвенно воздействовали, а в отдельных случаях распространялись и на отношения германского рейха с другими державами. Россия является ярким тому примером.

Уже с середины 90-х годов, в связи с планами захвата опорного пункта в Китае, Тирпиц стремился уйти из зоны английского влияния, предпочитая направить усилия дипломатии на решение проблемы отношений с Россией. История захвата Цзяочжоу демонстрирует одну из первых попыток Тирпица воздействовать на принятие внешнеполитических решений в интересах строительства флота.

До 1903 г. проявилась в общих чертах (в деталях — в годы русско-японской войны) и политика военно-морского ведомства по одной из самых ключевых проблем отношений Берлина и Петербурга — германо-русскому союзу. Лакмусовой бумажкой для оценки позиции ведомства Тирпица в данном вопросе служили более мелкие проекты с участием германской и российской сторон, такие как военно-морское сотрудничество и германо-русско-датское соглашение о нейтрализации северных проливов.

1. В годы «незрелости» германского военно – морского флота

С момента образования Германской империи в 1871 г. ее военно-морское руководство всегда считалось с возможностью русской блокады германского побережья. Сильное беспокойство Германии вызывала и так называемая русская «политика расширения» на запад и север. В 70-80-ые годы Россия действительно проводила достаточно активную судостроительную политику. В 1872 г. был утвержден план строительства броненосных крейсеров. Как

¹ Тирпиц А. Воспоминания. С. 98.

² Hobson R. Maritimer Imperialismus. S. 191-227.

следствие, радиус действий русского Балтийского флота значительно увеличился. В начале 80-х была принята очередная российская программа судостроения, рассчитанная на 20 лет. Балтийский флот должен был состоять к 1900 г. из 16 броненосцев, 13 крейсеров, 11 канонерских лодок и 100 миноносцев³. В связи с ростом российской морской силы немцы опасались укрепления Либавы и возможного желания обзавестись незамерзающей гаванью, например, Данцигом. Таким образом, Россия, вслед за «естественным» врагом Францией, многим германским политикам казалась одним из тех территориально близких государств, война с которым и если не закономерна, то вполне перспективна.

Однако долгие годы германский флот, по выражению адмирала А. Тирпица, оставался «незрелым». В Северном море он не мог противостоять англичанам и французам. На Балтике германскому побережью угрожал русский флот. Авторитет Германии как военной державы держался исключительно на армии, а флоту отводилась лишь вспомогательная роль в планировании армией наступательных и оборонительных операций. Отнюдь не случайно в период с 1872 по 1888 гг. кайзеровское Адмиралтейство возглавлялось не моряками, а армейскими генералами Альбертом фон Штошем и Лео фон Каприви.

При Штоше (1872-1883), тесно связанном с окружением противников Бисмарка и постоянно конфликтовавшем с «железным канцлером» при обсуждении административных, военных и политических вопросов, развитие флота находилось под сильным влиянием оборонительных идей⁴. В проекте плана военно-морского строительства от 5 ноября 1872 г., предусматривающего на ближайшие 10 лет строительство 14 броненосных фрегатов и корветов, Штош не ставил задачи «действовать против больших европейских государств, он должен защищать наши интересы там, где не могут быть применены сухопутные силы... Большие линейные корабли я считаю в наших условиях излишними..., ибо мы еще долгое время не будем иметь возможности вести морской бой...»⁵.

Таким образом, Штош был одним из первых государственных деятелей, кто стремился всеми силами укрепить репутацию молодой империи в заграничных водах. В этом отношении, как писал о нем Тирпиц, генерал «опередил свою эпоху»⁶. Воодушевленный английским примером, Штош выступал за приобретение колоний и расширение германских «морских интересов» по всем направлениям. Каждый командир корабля, находящийся за границей, мог рассчитывать на его поддержку, особенно в случае принятия самостоятельного решения при отсутствии телеграфной связи с правительством. Даже когда командир броненосца «Фридрих Карл» Р. Вернер совместно с англичанами захватил корабли инсургентов во времена гражданской войны в Испании, Штош поддержал действия своего офицера.

Несмотря на заступничество, Бисмарк приказал освободить от занимаемой должности слишком инициативного капитана⁷. Такое решение вряд ли диктовалось нелюбовью канцлера к флоту. Он был достаточно умен для того, чтобы не придавать значения морской силе. Бисмарк нуждался во флоте, способном обеспечить ему дипломатическое манипулирование сложившимся к тому времени военно-морским равновесием⁸. Какой флот был необходим для этого? В пометах к судостроительной программе 1872 г. канцлер четко выразил свое мнение: «Мы должны превзойти все морские державы второго ранга»⁹. Именно такую формулу силы германского флота он вывел для Адмиралтейства. При этом надо указать на следующее обстоятельство. Ее исходные данные явно не предусматривали втягивание молодой империи в рискованные военные операции в дальних морях. В этом заключалось принципиальное отличие позиции Бисмарка от точки зрения Штоша по вопросу о флоте.

³ История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1996. С. 46-47.

⁴ Schack K. Op. cit. S. 26-27.

⁵ Stosch A. Op. cit. S. 272.

⁶ Тирпиц А. Воспоминания. С. 68.

⁷ Там же. С. 60.

⁸ Hobson R. Maritimer Imperialismus. S. 124.

⁹ Ibidem; О позиции Бисмарка по проблеме флота см. также: Steinmetz H. O. Bismark und die deutsche Marine. Herford, 1974.

Поскольку главным противником Германии считалась Франция, а после заключения австро-германского договора 1879 г. генералы во главе с Г. Мольтке ожидали войны и с Россией, задачи для флота формулировались соответствующим образом. Для оборонительных действий в Северном море получила развитие военно-морская база в Вильгельмсгафене, на Балтике опорными пунктами должны были служить Киль и Данциг. Военно-морская стратегическая концепция Штоша получила название «континентально-оборонительной». Она наглядно проявилась в постановлении германской комиссии обороны от 10 октября 1882 г., содержащем план защиты побережья на случай войны с Россией. Решающая роль в документе отводилась сухопутной армии. Флот должен был выполнять функцию подстраховки, его применение предусматривал последний пункт плана¹⁰.

Указанные стратегические идеи в целом соответствовали внешнеполитическим симпатиям первого руководителя флота империи. Штош был близок, как свидетельствовал Бисмарк, к сыну императора Вильгельма I, кронпринцу Фридриху-Вильгельму. Это стало возможным, писал «железный канцлер», отчасти благодаря «своим собственным достоинствам, а отчасти с помощью господина фон Норманна¹¹ и его супруги, с которыми он состоял в дружеских отношениях»¹². Благодаря вышедшей недавно книге англо-немецкого историка Дж. К. Г. Рёля о детстве и юности Вильгельма II¹³, проясняются некоторые политические пристрастия оппозиционной Бисмарку партии¹⁴. Кронпринц Фридрих Вильгельм и его жена кронпринцесса Виктория выступали за введение в Германии парламентской двухпартийной системы по английскому образцу и являлись сторонниками союза с Англией как основы для сплочения всех западных и среднеевропейских государств против России. Только так, по их мнению, можно было сохранить мир в Европе. Со временем союзниками прогрессивно-либеральной Германии должны были стать Австрия, Франция и Италия. Фридрих считал, что Германия на море будет опорой для «владычицы морей». В 1881 г. он писал своему сыну принцу Вильгельму, будущему германскому императору: «Мы не можем показать больше, чем растущий военно-морской флот с крепкими моряками... так как кроме этого у нас нет ничего такого, чем обладают англичане, а именно опытом, возрастом и великолепным умением вести войны. Но быстрый подъем привел нас к морю, что подтверждает немецкую силу...»

Чем же выделялась из ряда «прогрессивно-либеральных» государств Россия, против которой надо было сплотиться? В сентябре 1879 г. Виктория писала мужу, что русские «повсюду несут только убийства, разбой, раздор и все дьявольские ужасы ада». А война России против Турции является ничем иным как «разбойничьим походом под прикрытием лживого предлога освобождения христиан»¹⁵. Таким образом, как для самого Штоша, так и для его окружения Россия была не той страной, с которой представлялось возможным планировать отношения союзников. Впрочем, и с приходом Каприви русофобские настроения в германском флоте продолжали сохраняться.

Преемник Штоша генерал-лейтенант кавалерии Каприви (1883-1888) был в гораздо меньшей степени политиком, чем Штош¹⁶. О некоторых взглядах генерала на перспективы развития германской морской силы можно судить из специального меморан-

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1171. Копию журнала заседания комиссии обороны доставил в Петербург агент русского генерального штаба в Париже полковник Фридрикс.

¹¹ Карл фон Норманн был камергер-секретарем кабинета Фридриха-Вильгельма.

¹² Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. II. М., 1940. С. 170.

¹³ Röhl J. C. G. Wilhelm II. Die Jugend des Kaisers. 1859-1888. München, 1993.

¹⁴ Помимо Штоша к партии принца и принцессы принадлежали министр Ф. Ротенбах, прусский министр юстиции Х. Фридберг, граф П. Гатцфельд, советник Б. Штокмар и некоторые другие. См.: Röhl J. C. G. Op. cit. S. 546.

¹⁵ Цит по: Röhl J. C. G. Op. cit. S. 407-408.

¹⁶ Тирпиц писал, что при Бисмарке политика не была делом моряков: «...среди нас, морских офицеров, как и вообще в Германии, не особенно развивалось занятие политикой, ибо нам казалось, что старый мастер ее, подаривший нам Империю, заранее позаботился обо всем, что имело к ней отношение». См.: Тирпиц А. Воспоминания. С. 62.

дума, составленного в 1884 г. В нем, в частности, говорилось: «для исполнения задач дипломатической и торгово-политической службы предназначены небронированные корветы, канонерские лодки и вестовые суда. В войне с европейской державой, располагающей бронированными судами, боевая стоимость этих судов была бы относительно меньше. Они предназначены продемонстрировать немецкий флаг при выполнении полицейских функций на морях, для защиты интересов в отдельных частях мира, ... для поднятия немецкого национального чувства... 20 корветов, 10 канонерских лодок должны выполнять эти задачи... Их должно хватить на ближайшее будущее...»¹⁷.

Таким образом, стратегия Каприви предусматривала ведение прибрежной войны, и потому речь шла о строительстве миноносцев и малых крейсеров. Необходимость больших броненосных кораблей фактически отрицалась¹⁸. Сужение целей флота не в последнюю очередь вызывалось влиянием французской «молодой школы» адмирала Т. Оба, ориентированной на ведение крейсерской войны. Данная концепция получила поддержку либералов, Центра и некоторых других партий в рейхстаге, с мнением которых Каприви должен был считаться¹⁹.

Как руководитель Адмиралтейства, Каприви неизбежно выходил на вопросы отношений с ведущими морскими державами. Общеполитический «договор о перестраховке» 1887 г. с Россией он оценивал, во-первых, как «не совсем честный, поскольку война была неизбежна», а во-вторых, договор «лишал нас доверия Австрии». Последнее обстоятельство, как известно, стало решающим в принятии решения о расторжении договора²⁰. Изменение политической формулы Союза трех императоров добавило забот управлению и командованию германского флота. Не способствовала внешнеполитической стабильности и объявленная ранее Бисмарком «военная тревога» в связи с распространением во Франции «движения буланжистов»²¹. Поэтому для Каприви главными противниками на море оставались Франция и Россия, чем объясняется и его поддержка идеи войны на два фронта, господствующая в недрах сухопутного генерального штаба.

В связи с обострением международной обстановки в 1887 г. Адмиралтейством были разработаны оперативные планы, предусматривающие различные варианты ведения морских сражений. Меморандум от 20 октября 1887 г. учитывал возможность прибрежной войны в Северном море. Другой документ, датированный октябрём, планировал войну против Франции. Меморандум от 5 ноября предусматривал морские сражения на Балтике в следующих комбинациях: против одной России; против России и Дании; против Франции и Дании; альянс Германии, Австро-Венгрии и Италии против Франции и России²².

Перспективы боевых действий на море не обнадеживали. Даже объединенные силы Тройственного союза не могли надеяться на успех в борьбе с Россией и Францией. В 1887 г. тоннаж военных кораблей Германии и ее союзников составлял 249 тыс., в то время как одна Франция имела в Тулоне, Бресте и Шербуре флот водоизмещением 242 тыс. тонн, а с российских кораблями на Балтике эта цифра достигала 295 тыс.²³

Австро-венгерские и итальянские военно-морские силы могли действовать против Франции только в Средиземном море. Их было явно недостаточно для победы. Неизбежно вставал вопрос о дополнительной помощи. В этой связи обращение к первой морской державе Каприви считал единственно правильным решением²⁴. В 1887 г. он подчеркивал,

¹⁷ Цит. по: Туполев Б. М. Кайзеровский военно-морской флот рвется на океанские просторы // Новая и новейшая история. 1982. № 3. С. 127.

¹⁸ Schack K. Op. cit. S. 28-29.

¹⁹ Ibid. S. 29.

²⁰ Тирпиц А. Воспоминания. С. 73.

²¹ Генерал Ж. Э. Буланже — военный министр Франции, сторонник реваншистской войны с Германией и усиления французской армии.

²² BA-MA. RM 4/35. Kriegsführung in der Ostsee. 1887; О развитии оперативных планов при Каприви см.: Lambi I. N. The Navy and German Rower Politics. 1862-1914. London, 1984. P. 13-29.

²³ Matthei D. Die Russische Marine im Mittelmeer im Blickfeld deutscher Seeinteressen 1881-1905. Bonn, 1983. S. 84.

²⁴ Hubatsch W. Kaiserliche Marine. S. 91.

что только в случае присоединения к Тройственному союзу Англии неблагоприятная для Германии ситуация может измениться²⁵. В том же году германский посланник в Риме доносил, что союзная Италия не выступит со своим флотом против Франции, если не получит на то одобрение ведущей морской державы²⁶. Однако до тех пор, пока Бисмарк оставался у власти, идея морского союза с Англией не могла быть реализована. «Железный канцлер» являлся принципиальным противником обострения отношений с Россией.

После отставки Бисмарка в 1890 г. Каприви, заняв пост рейхсканцлера, вернулся к мысли о союзе с Англией. Он потребовал от адмирала Ф. Гольмана, поставленного в этом же году во главе военно-морского ведомства, представить возможный расклад сил на Северном, Балтийском морях и в Средиземноморье на случай войны Германии, Австро-Венгрии, Италии и Англии, с одной стороны, и Франции, России и Дании, с другой²⁷. Как указывал Гольман, при таком варианте французский флот оказался бы полностью подавлен английским, что, несомненно, положительно сказалось бы на обороноспособности побережья Германии; и открывались перспективы для отправки большей части сил на Балтику²⁸. Шансы на успех в войне на море против России в таком случае возрастали.

Гольман возглавлял морское министерство в 1890-1897 гг. Он был, как писал о нем М. Залевски, «бравым, преданным своему кайзеру офицером»²⁹. Однако при нем германский флот по шкале морских держав опустился с третьего места на пятое, а время его руководства министерством Тирпиц считал «потерянным»³⁰. При Гольмане отдавали предпочтение строительству крейсеров и броненосцев береговой обороны.

Выступая против флота «открытого моря», Гольман не видел для него перспектив, полагая, что немецкий военный флот никогда не сможет противостоять английскому³¹. Для ведения крейсерской войны были необходимы опорные пункты. Гольман пытался разрешить эту проблему. В ответе на запрос руководителя ведомства иностранных дел А. Маршалля, является ли желательным для военно-морского флота приобретение станции в Китае, Гольман определил назначение военно-морских баз: это «...места за границей, которые... должны покрывать потребности наших судов в провианте, угле, боеприпасах и других запасах. Мастерские, доки, эллинги должны сделать возможным проведение ремонта... Во время войны они служат в качестве сборного пункта и опоры для торговых судов — в качестве убежища»³². Тем самым Гольман официально придавал стратегическим и военно-техническим моментам, содержащимся в необходимости флотских стоянок, вид коммерческих связей³³.

Параллельно с поиском опорных пунктов Гольман пытался решать и проблему строительства крейсеров. Весной и летом 1895 г., накануне предстоящих сессий рейхстага, вышел целый ряд брошюр, в которых энергично доказывалась польза таких кораблей как в эскадренном бою, так и в самостоятельной крейсерской войне³⁴. Авторы этих сочинений стремились показать, как мало уделялось внимания со стороны правительства строительству крейсерского флота. В 1895 г. его сторонники создают в Баден-Бадене специальное общество, поставившее целью сбор добровольных пожертвований на постройку крейсеров, для чего предполагалось учредить отделения во всех

²⁵ Matthei D. Op. cit. S. 86.

²⁶ Ibid. S. 280.

²⁷ PA AA. Deutschland 138. Bd. 1. Caprivi an Hollmann. 4. 8. 1890.

²⁸ Ibid. Hollmann an Caprivi. 13. 8. 1890.

²⁹ Salewski M. Op. cit. S. 26.

³⁰ Тирпиц А. Воспоминания. С. 86.

³¹ Steinberg J. Yesterday's deterrent, P. 87-125.

³² Große Politik. Bd. 14 (1). № 3646; Туполев Б.М. Кайзеровский военно-морской флот рвется на океанские просторы // Новая и новейшая история. 1982. № 3. С. 128.

³³ Kaulisch B. Zur überseeischen Stützpunktpolitik der kaiserlichen deutschen Marineführung am Ende des 19. Jahrhunderts und im ersten Weltkrieg // Militärgeschichte. 1980. H. 5. S. 586.

³⁴ Stenzel A. Brauchen wir Panzer-Kreuzer? Berlin, 1895; Fort mit unserer Marine. Berlin, 1895.

городах Германии и даже за границей³⁵. Однако, по сообщению русского морского агента в Германии Э. Э. Кеттлера, большая часть немецкой прессы довольно скептически отнеслась к задачам новоучрежденного общества, указывая на безрезультатность подобных сборов³⁶.

Гольман, в свою очередь, стремился всеми силами восполнить нехватку крейсеров. Принимая во внимание, что в Англии, Франции и Италии частные пароходные кампании давно уже получают от своих правительств значительные субсидии на постройку быстроходных судов, в случае войны способных использоваться как вспомогательные крейсера, морское ведомство заключило контракт с двумя пароходными компаниями — «ГАПАГ» и «Северогерманский Лойд» — на 10 пароходов водоизмещением 5-6 тыс. тонн, в случае надобности обязанных выступить под немецким военным флагом³⁷.

Правительство, в свою очередь, достаточно сдержанно отнеслось к затее использования торгового флота для военных целей. Газета «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» писала 15 мая 1895 г., что руководство рейха не собирается следовать примеру других стран и устанавливать премии на строительство наиболее быстроходных судов, так как пароходные компании и без того, в случае надобности, предоставят морскому министерству самые лучшие суда³⁸.

Зимой 1894 г. Вильгельм II намеревался выступить перед рейхстагом, предполагая провозгласить курс на крейсерскую войну. Однако Тирпиц, исполнявший тогда обязанности начальника штаба главного командования флота, завел речь на приеме у кайзера о необходимости строительства линейных кораблей. Результатом беседы стало то, что император говорил в рейхстаге уже о крейсерском и линейном флотах³⁹. Таким образом, приблизительно с середины 90-х годов XIX века можно говорить о повороте во взглядах германских правящих кругов на перспективы флотского строительства.

Окончательная победа сторонников флота «открытого моря» обычно связывается с приходом в морское министерство адмирала Тирпица в 1897 г. С конца этого года сторонником идей Тирпица становится и кайзер.

Тем не менее, от крейсеров полностью не отказались. Адмирал В. А. Алафузов пишет о «компромиссе» между сторонниками крейсерского и почитателями линейного флотов⁴⁰. Б. М. Туполев также писал о том, что немцы не отказались от опорных пунктов для крейсеров вплоть до начала Первой мировой войны⁴¹. В связи с этим закономерен вопрос: почему Тирпиц, ярый противник крейсерской или торговой войны, включал в свои законопроекты о флоте крейсера. Так, флотский закон 1906 г. утвердил строительство 6 больших крейсеров, отвергнутых рейхстагом в 1900 г. Вероятно, дело в том, что с 1896 г. в германском военном флоте появился новый тип корабля — броненосный крейсер. Русский морской офицер Л. Б. Кербер, сравнивая тактико-технические свойства первого немецкого броненосного крейсера «Фюрст Бисмарк» и линейного броненосца типа «Кайзер», пришел к выводу, что по своей защите, скорости и запасу угля такой крейсер скорее может быть причислен к типу линейных броненосцев⁴².

Таким образом, немецкий броненосный крейсер с конца 90-х годов XIX века фактически являлся линейным кораблем. Возможность использовать крейсера как в линейном бою, так и для заграничного плавания объясняет позицию морского министра в отношении данного типа кораблей.

³⁵ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1473. Л. 8.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Л. 7.

³⁸ Там же.

³⁹ Тирпиц А. Воспоминания. С. 98.

⁴⁰ Алафузов В. А. Доктрины германского флота. С. 28.

⁴¹ Туполев Б. М. Кайзеровский военно-морской флот рвется на океанские просторы.

⁴² Кербер Л. Б. Записки по иностранным флотам. Курс Николаевской морской академии по отделению военно-морских наук. СПб., 1903. С. 229.

После политического и военного сближения России и Франции в начале 90-х годов XIX века ситуация для Германии осложнилась. Несмотря на преобладание антианглийских красок⁴³, Двойственный союз рассматривался исключительно как антигерманский⁴⁴. Немецкие флотоводцы уже рисовали ужасные последствия блокады своих берегов русско-французскими эскадрами. И без того слабый германский флот был поделен на восточный и западный⁴⁵. Восточному флоту предписывалось создание свободного тыла немецкому армейскому корпусу, расквартированному на границе с Россией. Это можно было сделать через обеспечение связи по морю между Кенигсбергом и западными балтийскими гаванями. Кроме того, германский флот должен был парализовать сухопутные войска противника, угрожая нападением с моря, а в случае необходимости уничтожить соединения французских и русских эскадр. Другая часть боевого флота предназначалась для нанесения удара по побережью Франции, чтобы склонить противника к сражению в открытом море⁴⁶.

Для защиты от французского нападения с моря еще в 1890 г. был приобретен остров Гельголанд⁴⁷. Заговорили и о необходимости создания современной военно-морской базы против русских. Так как речь шла главным образом о защите прусских провинций, выбор пал на Данциг. И в скором времени на одной из докладных записок, посвященной необходимости обустройства опорного пункта для флота на Балтике, Вильгельм II собственноручно начертил: «Данциг должен стать военной гаванью первого ранга»⁴⁸.

Сам кайзер приблизительно до середины 90-х годов являлся сторонником концепции обороны германского побережья против Франции и России⁴⁹. Но уже тогда он задумывался о необходимости сильного флота. Еще будучи принцем Прусским, Вильгельм постоянно вращался в кругах моряков. Военные корабли, судостроение, морская история — все это было его хобби⁵⁰. Об эрудиции кайзера в вопросах морского вооружения писал русский морской агент А. К. Полис. В ноябре 1901 г. он обратил внимание на то, что на торжественном заседании германского кораблестроительного общества император со знанием дела говорил о «влиянии размещения артиллерии на постройку броненосцев»⁵¹. Новый кайзер первым делом, менее, чем через месяц после своего вступления на престол, предпринял реорганизацию флота, «чтобы иметь возможность вмешиваться» в дела морского управления и командования⁵². 28 марта 1889 г. был образован кайзеровский морской кабинет во главе с Г. Зенденом-Бибраном. Приказом от 30 марта 1889 г. вновь разделялось Адмиралтейство, которое с 1872 г. исполняло функции командования и управления флотом.

Тема строительства мощного флота все чаще стала звучать в высших морских инстанциях. Об этом писал в апреле 1891 г. и начальник штаба Балтийского флота капитан 1-го ранга Альфред Тирлиц в стратегической части меморандума о дальней-

⁴³ Швейцарская исследовательница Барбара Эмерсон полагает, что в начале 90-х годов XIX века Россию и Францию объединяла не общая враждебность по отношению к Германии, а конкуренция с Великобританией за сферы влияния. См.: Эмерсон Б. Великобритания и франко-русский союз. С. 162 // Россия и Франция XVIII-XX века. Вып. 2. М., 1998.

⁴⁴ В подлинный союз между Россией и Францией немцы долго не верили, несмотря на многочисленные доклады германских дипломатов из Петербурга и Парижа о неформальном сближении двух стран. Судя по сообщению Розберги Гацфельду (май 1895 г.), им показался неожиданным факт, что русско-французская военная конвенция существует уже два года. См.: Ротштейн Ф. А. Международные отношения в конце XIX века. М.-Л., 1960. С. 238-239.

⁴⁵ См.: BA-MA. RM5 / 1627, 1628. Operationspläne gegen Russland. 1894-1897.

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ О соглашении «Гельголанд-Занзибар» см.: Lahme R. Deutsche Aussenpolitik. 1890-1894. Von der Gleichgewichtspolitik Bismarcks zur Allianzstrategie Caprivis. Göttingen, 1988. S. 116-178.

⁴⁸ Цит. по: Hubatsch W. Kaiserliche Marine. S. 97.

⁴⁹ Ротштейн Ф. А. Указ. соч. С. 479.

⁵⁰ Salewski M. Op. cit. S. 25.

⁵¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1925. Л. 298, 305. Рапорт русского морского агента Полиса. Берлин, ноябрь 1901 г.

⁵² Тирлиц А. Воспоминания. С. 85.

шем развитии военно-морских сил⁵³. Однако он не нашел должного понимания со стороны рейхсканцлера. При обсуждении в 1893 г. закона о введении двухлетнего срока службы в армии Каприви заявил Тирпицу буквально следующее: «Лишь после удовлетворения физиологической⁵⁴ потребности народа в войне с Россией, к которой присоединится Франция, мы можем думать о сильном германском флоте»⁵⁵.

В морском министерстве адмирала Гольмана внимательно следили за развитием российского флота, стремясь объективно оценить его слабые и сильные стороны. В апреле 1893 г. атташе германского военно-морского ведомства в Петербурге подвел итоги десятилетнего развития российского флота. Они не впечатляли. Причины скромных достижений русского флота, по мнению атташе, были самыми разными. Например, Россия исторически не являлась морской державой и изначально не имела морского населения. Отсюда, русским в профессии моряка не хватало силы воли, спокойствия, аккуратности и прилежания. Другая причина относительной слабости русского флота — техническая отсталость страны. До сих пор в России, по мнению атташе, не уделялось должного внимания судостроению и производству машин. Наконец, на развитии флота отрицательно сказывались бюрократизация общественной жизни и тяжелое положение народного образования. В морских и иных государственных учреждениях сидели чиновники, не внушающие доверия. Правда, в русском флоте были и настоящие профессионалы своего дела, которых атташе назвал «солью офицерского морского корпуса» — немцы балтийского происхождения, составляющие 13 процентов командного состава флота, а также шведы и финны⁵⁶.

Несмотря на невысокую оценку морских достижений России, немецкие адмиралы были тревогу по поводу превосходства русских и французов в прибрежных водах. В меморандуме верховного командования флота от 14 февраля 1895 г., составленном для руководителя морского ведомства Гольмана, военный потенциал германского флота предстал «в самом неблагоприятном свете»⁵⁷. Германскому побережью на Балтике угрожали 15 броненосцев русского флота (из них 10 современных), а также 9 французских броненосцев — берегам Северного моря. Нельзя было списывать со счетов и Данию, способную поддержать Двойственный союз 4–5 крупными кораблями. Такому мощному давлению на море Германия могла противостоять 25 кораблями устаревшего типа, из которых только 2, броненосцы «Кронпринц» и «Фридрих Карл», считались современными⁵⁸. Не надо быть военноморским стратегом, чтобы не видеть очевидно: при таком соотношении сил германский флот не мог гарантировать успех любой морской операции. «Даже если нам... удастся разбить северный французский флот прежде, чем последует объединение с русскими, то все равно мы не сможем воспрепятствовать *полной* изоляции нашего побережья». Рекомендации командования флота носили программный характер. Германия «должна достигнуть господства в Северном и Балтийском морях, по меньшей мере, против объединенного северного французского и балтийского русского флотов. В противном случае все выделенные накануне средства для флота и (Кильского — С. III.) канала будут затрачены напрасно»⁵⁹.

⁵³ BA-MA. RM 3/32. Denkschrift des Kapitäns z. See A. Tirpitz «Unsere maritim-militärische Fortentwicklung»; выдержки из меморандума опубликованы Ф. Р. Бергханом и В. Дайстом // V. R. Berghahn, W. Deist. Op. cit. S. 82–87.

⁵⁴ Тирпиц в своих мемуарах смягчает высказывание Каприви. Вместо словосочетания «физиологическая потребность» он пишет о «психологической потребности» народа. См: Тирпиц А. Воспоминания. С. 72–73.

⁵⁵ BA-MA. N 253 / 8. Tirpitz 'Notizen zur Arbeit des Kronprinzen Heinrich über die Entwicklung der Marine. 07.04.1909.

⁵⁶ Hubatsch W. Kaiserliche Marine. S. 96.

⁵⁷ Memorandum des Oberkommandos der Marine vom 14.7.1895 // Berghahn V. R., Deist. W. Op. cit. S. 100.

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ Ibidem.

С политической точки зрения меморандум не выдерживал критики. Трудно представить ситуацию, в которой Великобритания равнодушно бы наблюдала за тем, как кайзеровский флот успешно расправляется с русско-французскими эскадрами. Немецкие флотоводцы надеялись на то, что о нейтралитете Великобритании должна побеспокоиться дипломатия. В своих мемуарах Тирпиц указывал на необоснованность таких надежд. Кроме того, придерживаясь принципа «balance of power» (баланса сил), англичане даже в случае победы над Двойственным союзом немедленно повернули бы свою внешнюю политику против Германии⁶⁰.

Таким образом, флот тирпицевской эпохи был далек от того, чтобы стать весомым фактором политического влияния. Причина заключалась не только в его физической слабости. До середины 90-х годов XIX в. он находился под влиянием стратегической идеи «прусской школы». Ее виднейшие представители, такие, как капитан 1-го ранга А. Штенцель и др., полагали, что Германии нужен флот для обеспечения свободы и безопасности германского государства. Военно-морские силы должны были в случае войны, во-первых, воспрепятствовать блокаде немецких гаваней (в Северном море от французов и со стороны Балтики от русских), во-вторых, обеспечить абсолютную защиту германской торговли и добиться расположения нейтральных государств⁶¹. Как флот морской державы второго ранга, он не мог претендовать на ведущую роль в структуре вооруженных сил империи и фактически находился в подчиненном положении по отношению к армии. В годы нахождения в морском министерстве Гольмана осуществился переход от «прусской» к «германской школе» военно-морской стратегической идеи. Последняя стала основой «плана Тирпица» по превращению Германии в крупнейшую морскую державу. Вместе с тем закончилось и время, когда основными противниками Германии считались Россия и ее французская союзница. «Германская школа» указала на другого противника. В «опаснейшего врага» превращалась Англия. Флот же, в связи с постановкой для него новых стратегических задач и оперативной доктрины, стал одним из самых влиятельных военных и политических институтов кайзеровской империи.

2. Формирование внешнеполитической концепции адмирала А. Тирпица

Осенью 1909 г. бывший капитан 1-го ранга, публицист Лотар Персиус писал: «Эра Тирпица» наполнила Германию новым духом и выдвинула ее на авансцену мировой политики. Рейх до и после Тирпица — это совершенно разные политические величины. Германия стала серьезным партнером в европейской и мировой игре. С именем Тирпица и империалистической фразеологией будущие историки будут связывать страх и беспокойство этого времени, задавленного беспримерным вооружением. И отца флота делают ответственным за финансовое бремя, которое мы вынуждены переносить»⁶².

Глава военно-морского ведомства, бесспорно, принадлежал к политической элите германского рейха. Но чтобы достичь этого, ему пришлось пройти все ступени служебной карьеры. Тирпиц родился 19 марта 1849 г. в Кюстрине в семье небогатого чиновника, судебного заседателя Рудольфа Фридриха Тирпица. Он не был дворянином и приставку «фон» к своей фамилии получил лишь в 1900 г. после успешно проведенного через рейхстаг нового законопроекта о флоте. Детство Тирпица прошло во Франкфурте на Одере, в прусской провинции, куда семья переехала в 1850 г. и где высший свет был представлен преимущественно чиновниками и офицерами⁶³.

В прусский военно-морской флот Тирпиц пришел довольно обыкновенным путем. Карьера морского офицера представлялась молодому человеку лучшей, нежели продвижение по сложной иерархической лестнице прусской бюрократии.

⁶⁰ Тирпиц А. Воспоминания. С. 73.

⁶¹ Hobson R. Maritimer Imperialismus. S. 157.

⁶² Цит по: Epkenhans M. Op. cit. S. 1.

⁶³ Kaulisch B. Alfred von Tirpitz und die imperialistische deutsche Flottenrüstung. Berlin, 1982. S. 10.

В 1865 г. он стал кадетом прусского королевского военно-морского флота. Тирпиц оказался способным офицером и быстро продвигался по ступеням служебной карьеры. В 1878 г. он встал во главе минного дела флота. В 1890 г. назначен начальником штаба Балтийского флота, в 1892 г. — начальником штаба главного командования, в 1896 — командующим Восточно-Азиатской крейсерской эскадрой. В 1897 г. Тирпиц стал морским министром (руководителем военно-морского ведомства) и занимал этот пост до 1916 г., после чего ушел в отставку из-за своего несогласия с методами ведения войны на море и политикой правительства⁶⁴.

Тирпиц выражал интересы «производящего класса», являясь сторонником проведения политики «нового курса» и превращения Германии в мировую державу. Еще не будучи адмиралом, он понял, что путь к цели лежит не в крейсерской войне и не в охране колоний крейсерами, а в нанесении противнику решающего удара в бою. Он доказывал, что причина неустойчивости взглядов на дальнейший путь развития германского флота лежит в отсутствии единства мнений по вопросам стратегии и тактики. Это объяснялось общей ситуацией в военном кораблестроении в 80-х годах XIX века, когда быстрое техническое развитие (паровая тяга, броневая защита, тяжелая артиллерия) привело к появлению множества тактических идей и стратегических концепций. Одной из них являлась вышеупомянутая «молодая школа» французского адмирала Теофила Оба, очень популярная в Германии. Ее сторонники выступали за стратегию ведения торговой войны и обороны побережья малыми морскими силами⁶⁵. Технический прогресс в кораблестроении привел и к неоднородности броненосных и крейсерских эскадр. Корабли в одной и той же эскадре сильно отличались друг от друга по вооружению, запасу угля, скорости хода. Таким образом, о тактическом единстве не могло быть и речи. В Англии, например, 14 боевых кораблей, построенных в 80-е годы XIX века, принадлежали к 8 различным типам, их тоннаж составлял от 6200 до 12131 т.⁶⁶ Похожая ситуация была во Франции и России. Англия стала первой страной, перешедшей к созданию однородных эскадр. Строительство такой эскадры предусматривал «Naval Defense Act» от 7 марта 1889 г. Не только Англия, но и такие морские державы, как Франция, Россия, Италия, Австро-Венгрия, приходили к выводу, что 3-4 однородных корабля, включенных в дивизион, дают желательные тактические результаты. Броненосцы, построенные в 60-е годы после службы от 20 до 25 лет, подлежали замене во многих странах⁶⁷.

Тирпиц не мог не видеть господствующих тенденций в мировом кораблестроении, опыт которого он использовал при разработке первого закона о флоте. В своих стратегических построениях он опирался на противоположную «молодой школе» концепцию американского адмирала А. Т. Мэхэна. Мэхэн считал, что крейсерская война, имеющая целью уничтожение торговли противника, не даст решающих результатов. Только сильный боевой флот, составленный из линейных кораблей, может нанести поражение, способное решить исход войны⁶⁸. Тирпиц всячески пропагандировал эти идеи и велел перевести книгу Мэхэна⁶⁹.

На политическое образование Тирпица немалое воздействие оказал Г. Трейчке, лекции которого он посещал в 1876 году⁷⁰. Именно в годы бисмарковской империи Трейчке выступал рупором «нового консерватизма», ратуя во внутренней политике за

⁶⁴ Оперативно-тактические взгляды германского флота. С. 7.

⁶⁵ Reinhardt H. D. Tirpitz und der deutsche Flottengedanke in den Jahren 1892-1898 // Phill. Diss, Marburg, 1964.

⁶⁶ Rohwer J. Kriegsschiffbau und Flottengesetze um die Jahrhundertwende // Marine und Marinepolitik im kaiserlichen Deutschland 1871-1914. Düsseldorf, 1972. S. 213.

⁶⁷ Ibid. S. 215.

⁶⁸ См.: Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на французскую революцию и империю (1793-1812). Т. 1-2. М.-Л., 1940; Раскин А. П. Зарубежная историография теории морской силы Мэхэна // Зарубежная историография проблем классовой борьбы и международных отношений. Л., 1977.

⁶⁹ Тирпиц А. Воспоминания. С. 145.

⁷⁰ Там же. С. 144.

борьбу против социалистов, либералов и евреев, во внешней — за приобретение колоний и строительство мощного военно-морского флота. Уже тогда Трейчке предвидел неизбежность конфликта за мировое господство между Англией и Германией, исходил из примата внешней политики над внутренней. Тирпиц оказался способным учеником и также считал внешнюю политику «еще важнее, чем внутреннюю, поскольку последняя сильно зависит от первой»⁷¹.

В январе 1892 г. Тирпиц был назначен начальником штаба верховного командования военно-морского флота, получив личное указание кайзера разработать тактику флота «открытого моря»⁷². На основе осенних маневров 1893 г. Тирпиц подвел итоги своей тактической работы в «меморандуме IX». Этот документ, датированный 16 июня 1894 г., содержал основные положения военно-морской стратегии и тактики. В меморандуме подчеркивалось, что любая европейская нация не может ограничиваться одними доходами со своей земли. Поэтому она имеет мировые интересы и должна постоянно «усиливать свою мощь за территориальными водами»⁷³. Важнейшим средством достижения указанных целей называлось «морское сражение». Поэтому «естественным назначением флота является стратегическое наступление». Морская оборона принципиально отклонялась. Под «сражением» Тирпиц понимал не отдельную стычку, а генеральный бой между основными силами. Главным способом ведения морской наступательной войны адмирал считал эскадренную войну, которой должно быть подчинено все развитие флота. Эскадры следовало составлять из линейных кораблей, формируя «позвоночный хребет» всей морской силы. Наиболее подходящей формой для соединения, применяющего линейную тактику боя, являлась, по мнению Тирпица, эскадра из 8 кораблей. При наличии большего количества кораблей составлялось несколько эскадр⁷⁴. В «меморандуме IX» наиболее подходящим назывался штатный состав флота из 17 линкоров (2 эскадры по 8 кораблей и один флагманский корабль). Кроме того, предусматривалось создание 6 миноносных флотилий, а также необходимости иметь 6 больших и 12 малых крейсеров⁷⁵.

В документе содержались рассуждения и политического характера. Они вращались главным образом вокруг идеи флота как функции экономических «морских интересов»⁷⁶. Более подробно о них Тирпиц писал Штошу в декабре 1895 г. Под «морскими интересами» он понимал германскую внешнюю торговлю, экспортную промышленность, рыболовство, колонии, пароходные компании⁷⁷.

По всему видно, что во главу военно-морского ведомства Тирпиц приходит со сложившимися тактическими и политическими взглядами, которые становятся вскоре основой «новой флотской политики» правящих кругов. Строя флот, Тирпиц придерживался той точки зрения, что вступление с конца 90-х годов XIX века немецкой промышленности в соревнование с английской на территориях, которые исконно считались сферой приложения английских капиталов, неизбежно обострит отношения с Великобританией. Он полагал, что Германия лишь в том случае сможет улучшить отношения с Англией, если остановит свое промышленное развитие и опустится до положения «бедной аграрной страны»⁷⁸.

⁷¹ Цит по: Schack K. Op. cit. S. 250-251.

⁷² Тирпиц А. Воспоминания. С. 89.

⁷³ Richter D. Zur seestrategischen Konzeption des deutschen Imperialismus vor dem ersten Weltkrieg // Zeitschrift für Militärgeschichte. 1965. H. 6. S. 692.

⁷⁴ Reinhardt H. D. Op. cit. S. 14-15.

⁷⁵ Auszüge aus «Taktische und strategische Dienstschriften des Oberkommandes der Marine» Nr. IX vom 16 Juni 1894 über «Allgemeine Erfahrungen aus den Manövern der Herbstübungsflotte» // Berghahn V. R., Deist W. Op. cit. S. 87-99.

⁷⁶ Ibidem.

⁷⁷ Hallmann H. Der Weg zum Deutschen Schlachtflottenbau. Stuttgart, 1933. S. 125.

⁷⁸ Tiritipz A. Politische Dokumente. Bd. 1. S. 3.

Политическая мотивация флота для Тирпица была ближе, нежели экономическая. В. Дайст цитирует интересное в данном отношении частное письмо Тирпица от 18 июля 1897 г. Новый глава военно-морского ведомства в своем порыве во что бы то ни стало отстоять морские интересы Германии был готов сразиться с любой державой мира: «Наступление со всех сторон наций Америки, Великобритании, славян и, возможно, монголоидной расы во главе с Японией уничтожат в наступающем столетии Германию или вытеснят ее, если Германия не противопоставит им за границей европейского континента свою политическую мощь»⁷⁹.

Тирпиц никогда не сознавался, что строил флот против Англии. Последняя упоминается им как страна, от которой необходимо защищаться. Тем не менее, наивно предполагать, что так тщательно разработанная стратегия наступления Тирпица служила лишь целям обороны: планы войны против Англии разрабатывались и Морским генеральным штабом. Первый такой план в 1896 г составил адмирал О. Дидерихс. В меморандуме от 5 марта 1896 г. Дидерихс считался с возможностью блокады английским флотом германских берегов. Но он видел все-таки шанс на успех в том, что большая часть английских кораблей рассредоточивалась в дальних морях. В Северном море в плавании находились корабли 2-го класса, неспособные противостоять всему германскому флоту. План был весьма условным и не мог удовлетворить экспертов, резонно считавших, что Англия, прежде чем начать войну с Германией, сосредоточит в Северном море большой флот⁸⁰.

31 мая 1897 г. кайзеру был представлен другой план военных операций против Англии, составленный начальником Морского генерального штаба адмиралом Э. Кнорром. Предусматривалось проведение операции военно-морским флотом совместно с сухопутными силами. Кнорр также исходил из того, что основные силы английского флота находятся в дальних морях — для переброски их в Северное море требовалось 15 дней. В указанный срок предполагалось произвести высадку и закрепиться на английском побережье. К тому же Генеральный штаб армии во главе со Шлиффеном ориентировался на войну против Франции и России и не поддержал эти замыслы⁸¹.

В «идеях риска» Кнорра сильно сомневался и Тирпиц, считая, что завоевание Англии невозможно без достаточного морского превосходства в Северном море. Так, Тирпиц заметил канцлеру Гогенлоэ: «Идея завоевания Англии безумна. Даже если мы успешно высадим два армейских корпуса, они не смогут удержаться там без поддержки»⁸².

Тем не менее, желание адмирала померяться силой с владычицей морей прослеживается во многих его документах. Например, в «эмском меморандуме» Тирпица, составленном в июле 1897 г., уже не встретишь упоминания о войне против Франции и России, как в документах военно-морского ведомства первой половины 90-х годов. В меморандуме прямо говорится о возможном конфликте с Англией, которая «в настоящее время является опаснейшим врагом»⁸³. «Вероятность возникновения военной ситуации, — говорилось далее, — требует против Англии такого количества линейных кораблей, какое только возможно»⁸⁴. Таким образом, антианглийская направленность строительства германского военно-морского флота стала очевидна с конца XIX века. Целям борьбы против Англии была подчинена и разработка военно-морской стратегической концепции, что прослеживается в «меморандуме IX» и в «эмском меморандуме» Тирпица. О «повороте против Англии» свидетельствовал постепенный переход от строи-

⁷⁹ Deist W. Flottenpolitik und Flottenpropaganda. Das Nachrichtenbüro des Reichsmarineamtes. 1897-1914. Stuttgart, 1976. S. 110-111.

⁸⁰ Kennedy P. M. The development of German naval operations plans against England 1896-1914 // The England Historical Review. January. 1974. P. 50-51.

⁸¹ Ibid. P. 51-53.

⁸² Hohenlohe-Schillingsfürst. Op. cit. S. 464.

⁸³ Steinberg J. Yesterday's Deterrent. P. 208.

⁸⁴ Ibidem.

тельства броненосцев береговой обороны и крейсеров к боевому линейному флоту. Только последний мог решать задачи на пути достижения морского господства в борьбе с Великобританией. Окончательная победа сторонников строительства линейного флота связана с приходом в морское министерство руководителя «новой флотской политики» адмирала Тирпица и разработкой им первого законопроекта о флоте в 1897 г. Законопроект был принят рейхстагом в 1898 г. и вошел в историю как первый флотский закон.

Однако флотский закон 1898 г. Тирпиц считал лишь правовым фундаментом для последующего усиления морского могущества, позволившим сделать своеобразный «прыжок через палку», подставленную противниками строительства большого флота⁸⁵. Глава военно-морского ведомства не собирался ограничиваться рамками первой программы еще до принятия ее рейхстагом. В меморандуме Тирпица от 1898 г. о переводе кораблестроительного отдела военно-морского ведомства из Шарлоттенбурга в Данцинг указывалось: «После многолетних усилий и борьбы удалось, наконец, создать для обороны страны с моря прочный фундамент для строительства флота»⁸⁶. Эта мысль была выражена более четко в марте 1911 г. в проекте письма финансового отдела ведомства: «Наше флотское строительство до сегодняшнего дня проводилось так, как это было предусмотрено с самого начала»⁸⁷.

Тирпиц не мог не понимать, какое влияние может оказать новая программа увеличения флота на английскую политику в отношении Германии. В данном вопросе он всегда стоял перед дилеммой: с одной стороны, необходимо было всячески избегать любых осложнений с Англией, пока флот не достигнет проектируемых размеров, с другой — удвоение кораблестроительной программы 1898 г. представлялось возможным обосновать только ссылкой на самую мощную морскую державу.

Опасаясь ответных действий со стороны Англии, Тирпиц выдвигает свою политическую стратегию, ядром которой являлась «идея риска», впервые сформулированная в мотивировке второго флотского закона: «Для того, чтобы поставить германскую торговлю и германские колонии в условие безопасности, существует лишь одно средство: Германия должна иметь такой сильный флот, чтобы для даже самой могущественной державы война с ней была сопряжена с риском, который поставит под вопрос ее собственное превосходство. Для этого нет существенной необходимости, чтобы германский флот был так же силен, как флот самой сильной морской державы, потому, что большая морская держава не будет в состоянии сосредоточить все свои силы против нас»⁸⁸. В своей основе данная теория не нова. Нечто подобное уже звучало в меморандуме Тирпица от февраля 1895 г., где он писал: «По опыту история наличие сильного линейного флота есть самое действенное средство, чтобы предотвратить конфликт»⁸⁹. В несколько измененной форме «идея риска» присутствовала и в проекте флотского закона 1898 г. В нем говорилось: флот уменьшит «вероятность войны с той державой, с которой наша сухопутная армия не может быть учтена для защиты мира»⁹⁰.

Тирпиц полагал, что функционирование «идеи риска» возможно при ограниченных размерах флота, для чего требовался период — «опасная зона», в течение которого германская политика должна быть максимально осторожной⁹¹. Именно такую политику предложил морской атташе в Лондоне. По его мнению, нужно успокаивать англичан похвалой их собственного флота и одновременно препятствовать тому, чтобы о нем неблагоприятно отзывалась немецкая пресса: «Хвалить английский флот, не делать шума

⁸⁵ Тирпиц А. Воспоминания. С. 149.

⁸⁶ Berghahn V. R. Der Tirpitz-Plan. S. 160.

⁸⁷ Ibid. S. 59.

⁸⁸ Цит. по: Врангель Ф. Увеличение германского флота законами 1898 и 1900 гг. // Морской сборник. 1901. № 8. Неофициальный отдел. С. 27.

⁸⁹ Berghahn V. R. Der Tirpitz-Plan. S. 225.

⁹⁰ Ibidem.

⁹¹ Tirpitz A. Politische Dokumente. Bd. 1. S. 7.

из наших достижений — это должно стать тактикой. Мы не сможем вести войну с Англией еще несколько лет. Поэтому зачем ругаться, если нельзя ударить?»⁹² Даже кайзер Вильгельм II некоторое время после принятия первого флотского закона в 1898 г. опасался ответных действий англичан. Стараясь до поры до времени скрыть новые планы строительства флота, он посылал английскому адмиралу в отставке В. Монтегю устаревшие проекты немецких линейных кораблей в надежде, что тот немедленно покажет их Адмиралтейству⁹³.

Русский посол в Берлине Остен-Сакен заметил в одном из своих донесений: «...Резкий тон немецкой прессы по отношению к Англии уступил место рассуждениям о выгодах для обеих стран взаимных дружеских отношений»⁹⁴.

Германский канцлер Бюлов неоднократно заявлял, что свою основную задачу в качестве министра иностранных дел, а затем и канцлера он видел в том, чтобы обеспечить Германии возможность спокойно построить мощный флот и провести его через «опасную зону». При этом, как считал он, «...мы все время должны выдвигать на первый план «идею риска» как основную цель сооружения германского флота»⁹⁵. Как показали дальнейшие события, германскому правительству не удалось провести флот через «опасную зону». Мировая война началась раньше, чем предполагал Тирпиц. Для Бюлова флот не был, в отличие от морского министра, выражением «переориентации национально-политических целей», а лишь средством успешного руководства внешней политикой и колониальными делами. Правда, первый закон о флоте он не связывал с внешнеполитическими вопросами. При его обсуждении в декабре 1897 г. Бюлов заявил, что его ведомство в рамках флотской проблемы обсуждало лишь два дела: купца Ф. Людерича и занятие бухты Цзяочжоу⁹⁶. Новый законопроект о флоте Бюлов связывал с предстоящим разделом земель, которое «должно было, вероятно, состояться в XX столетии»⁹⁷.

Недостаток сильного флота, как средства политического давления, Бюлов особенно сильно ощущал в переговорах с Англией о Самоа. 1 апреля он писал в ведомство иностранных дел: «Инцидент на Самоа есть новое доказательство того, что заокеанскую политику можно проводить успешно лишь имея мощный флот»⁹⁸. Об этом же он говорил и русскому послу 15 апреля 1899 г.: «У нас нет в отношении Англии такого сильного средства давления, какое Россия имеет в своем распоряжении на афганской границе»⁹⁹.

В «Воспоминаниях» Тирпиц упоминал, что он долго сомневался, стоит ли включать в обоснование законопроекта «идею риска», допускавшую возможность столкновения с Англией. Однако, выставляя столь необычное требование, как удвоение морских сил, невозможно было обойти вниманием его действительную подоплеку. В итоге Тирпиц представлял дело так, что «боевым назначением флота является почетная оборонительная политика...»¹⁰⁰. А «теория риска» была лишь способом внутренней и внешнеполитической маскировки конечных целей строительства флота. Ее наступательный характер очевиден.

В ходе разработки второго законопроекта о флоте получила свое развитие и военно-морская доктрина, что стало возможным благодаря ликвидации верховного командования флота. Отныне полномочия военно-морского ведомства в решении вопросов морской политики значительно расширились, что позволило Тирпицу предоставить стро-

⁹² Berghahn V. R. Der Tirpitz-Plan. S. 223.

⁹³ Ibidem.

⁹⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 17. Л. 73. Депеша Остен-Сакена. Берлин. 14 (27) апреля 1900 г.

⁹⁵ Бюлов Б. Воспоминания. С. 83.

⁹⁶ Stenografische Berichte über die Verhandlungen des deutschen Reichstages. IX Legislaturperiode. V Session. Bd. 1. S. 60. Berlin, 1897.

⁹⁷ Ibid. Bd. 4. S. 3295.

⁹⁸ Große Politik. Bd. 14. № 4053. S. 592.

⁹⁹ Ibid. № 4017. S. 540.

¹⁰⁰ Тирпиц А. Воспоминания. С. 153-154.

ительству линейных кораблей преимущественное право на много лет вперед. В основу кораблестроительной политики морской министр положил «тройной темп», предусматривающий закладку трех кораблей в год при 20-летней замене устаревших судов. Такая политика предусматривала дальнейшее расширение флотского строительства, выходявшего за рамки и новой кораблестроительной программы. Отсюда вполне закономерно появление соответствующей мотивировки законопроекта, маскирующей конечную цель строительства флота с помощью «идеи риска».

3. Проблема германо-русского союза в начальный период «эры Тирпица»

На сегодняшний день в отечественной историографии существует мнение: германо-русский союз не состоялся исключительно потому, что на него не желала идти Россия. Перечисляются вполне объективные причины, с которыми нельзя не согласиться. Так, союз с Германией мог торпедировать франко-русские соглашения 1891-1893 гг. Следом могли бы последовать и кредитно-финансовые проблемы, которых Россия, в силу зависимости своей экономики от французского капитала, не желала иметь¹⁰¹.

Подобные объяснения причин несостоявшихся германских союзов на рубеже XIX и XX столетий просматриваются и в работах зарубежных авторов¹⁰². И тем не менее. Несмотря на кажущуюся ясность, исследователи вновь и вновь обращаются к страницам германской дипломатической истории указанного периода. При этом образ мышления дипломатов с Вильгельмштрассе часто видится как не поддающийся никакой логике, а политика внешне-политического ведомства характеризуется как политика упущенных возможностей¹⁰³.

Пока Россию и Францию не соединили союзнические узы, Тирпиц видел в России скорее союзника, чем решительного противника. «Вплоть до 1887 года германский и русский флоты чувствовали себя почти братьями по оружию», — писал в своих «Воспоминаниях» адмирал¹⁰⁴.

Благодаря подписанию «договора перестраховки» в 1887 г., Союз трех императоров утратил антифранцузское содержание. Руководитель морского ведомства Каприви вынужден был признать, что отныне Германия даже теоретически не может рассчитывать на поддержку русского флота в войне против французов¹⁰⁵. Идея германо-русского «морского братства» окончательно утратила всякую перспективу в результате политического и военного сближения России и Франции в начале 90-х годов.

Ситуация изменилась при обострении англо-германских отношений. В начале 1896 г. Англия достаточно резко отреагировала на телеграмму Вильгельма II президенту Трансвааля. Германский император поздравил С. Крюгера с успешным отражением набега английских колонистов во главе с Л. С. Джемсоном. В германских военно-морских кругах стали серьезно говорить о грозящей опасности со стороны «владычицы морей». «Как нам вести морскую войну против Англии с надеждой на успех?» — спрашивал адмирал Штош начальника морского штаба Тирпица¹⁰⁶. Последнему пришлось признать, что верховное командование флота не имеет плана войны против Англии. Отсутствие у флота антианглийских рецептов связано с тем, не без сарказма заметил он, что «в войне с Францией и Россией нам ближе всаживать пули»¹⁰⁷.

¹⁰¹ История дипломатии. С. 167; Фейгина Л. Бьёркское соглашение. Из истории русско-германских отношений. М., 1928. С. 76-77; Игнатьев А. В. Внешняя политика России в 1905-1907 гг. М., 1986. С. 50-52.

¹⁰² Хальгартен Г. Указ. соч.

¹⁰³ Berghahn V. R. Der Tirpitz-Plan. S. 414.

¹⁰⁴ Тирпиц А. Воспоминания. С. 201.

¹⁰⁵ Matthei D. Op. cit. S. 86.

¹⁰⁶ Там же. С. 103.

¹⁰⁷ BA-MA. № 253 / 321. Tirpitz an Stosch. 13. 2. 1896; Berghahn V. R., Deist W. Op. cit. S. 115; Тирпиц опубликовал свое письмо Штошу в сокращенном виде. Здесь приводятся ссылка на неопубликованную в «Воспоминаниях» часть письма.

Инцидент с депешей Крюгера позволил Тирпицу наполнить свой главный тезис «флот против Англии» реальным экономическим содержанием. Он сделал вывод о неизбежности столкновений германских и английских интересов, которые должны произойти на территориях, традиционно считавшихся сферой приложения английских капиталов. Высказывал мысли, созвучные со словами его «старого учителя» Штоша. «Поскольку внешняя политика Англии руководится исключительно торговыми интересами, нам следует рассчитывать на враждебность этого островного народа. Последняя претворится в действие, как только этим господам удастся обеспечить невмешательство Франции и России...»¹⁰⁸.

Таким образом, Штош поставил еще одну важную проблему. Что нужно сделать для того, чтобы Россия, а вместе с ней и Франция, сохранила антианглийский дух своей внешней политики и гарантировала тем самым если не поддержку, то абсолютное «невмешательство» в англо-германский конфликт? Возможно, ответ лежит в продолжении традиций бисмарковской политики, почитатели которой не одобряли измены Союзу трех императоров? Союз с Россией, а возможно, и с Францией позволил бы с позиции силы решать проблему англо-германских отношений. Казалось, что на первых порах Тирпиц не исключал такой возможности.

Как только в 1897 г. Тирпиц пришел в морское министерство, он немедленно попытался заручиться поддержкой все еще влиятельного Бисмарка¹⁰⁹. Официальным поводом для визита к бывшему канцлеру послужила идея присвоить одному из новых кораблей название «Фюрст Бисмарк». Князь равнодушно отнесся к затее военноморского ведомства. Насупив густые брови, он заметил: «Я не котенок, который испугится, когда его гладят». Зато Бисмарк проявил интерес к делам международной политики. Когда речь зашла о России, он выразил недовольство политическим курсом правительства. Заметив, что «расторжение германо-русского договора о перестраховке было величайшим несчастьем», Бисмарк рекомендовал в случае англо-русского конфликта руководствоваться девизом «нейтралитет по отношению к России». Тирпиц попытался возражать: «...новый Питт не захочет такого нейтралитета и предпочтет иметь нас врагами». Однако «возможны и иные комбинации, причем только внушительный флот может сделать союз с нами выгодным для России и других держав»¹¹⁰.

Под другими державами Тирпиц, по-видимому, имел в виду Францию, флот которой занимал второе место в мире. Для Тирпица было ясно, что морская сила Тройственного союза совершенно недостаточна для уничтожения английского мирового господства. Именно поэтому в морских кругах имела место тема разговора о желательности пополнить список друзей Германии из числа стран, способных реально угрожать англичанам. Об этом свидетельствовала служебная записка Г. А. Мюллера, которую он составил в 1896 году для принца Генриха, будучи его адъютантом. Этот документ заслуживает внимания исследователей, так как отражает настроения, господствовавшие в военноморском руководстве Германии, да и некоторых политических кругах того времени в вопросе о будущих союзниках Германии. Сам Мюллер выступил за ориентацию на Великобританию. Однако он упомянул о другой идее, которая становилась все более популярной — идее союза с Францией и Россией. Для

¹⁰⁸ Тирпиц А. Воспоминания. С. 102.

¹⁰⁹ По всей видимости, направляясь на встречу с Бисмарком, Тирпиц знал о его негативном отношении к перспективам создания наступательного флота. «Железный канцлер» обнародовал свою позицию по этому вопросу в начале сентября 1897 г. В интервью известному журналисту и редактору Максимилиану Гардену он заявил, что армия для Германии гораздо важнее, чем флот, поскольку будущее колоний решится на европейских полях сражений, а не в море. Личный флот, по мнению князя, подходит лишь для того, чтобы испортить отношения с европейскими государствами и, прежде всего, с Великобританией. См.: Kehr E. Op. cit. S. 88; Förster S. Der doppelte Militarismus. Die deutsche Heeresrüstungspolitik zwischen Status-quo-Sicherung und Aggression 1890-1913. Stuttgart, 1985. S. 77.

¹¹⁰ Тирпиц А. Воспоминания. С. 138.

многих альянс с Францией означал «значительный прирост силы на море, а с Россией, что в этом случае является важнее, приобрести союзника, который мог бы атаковать британскую империю и на суше»¹¹¹.

Такая комбинация в принципе устраивала и Тирпица. Однако он был против соглашения с одной Россией. Так, о «положительном значении» германо-русско-французского договора против Англии Тирпиц писал Рихтгофену в начале ноября 1904 г., когда правительство обсуждало возможность предложения союза России¹¹².

Понимал морской министр и нечто другое. Тезис — русский флот как потенциальный противник — мог эффективно использоваться в мотивировках морского министерства для проталкивания новых флотских планов в рейхстаге. А упоминание об их антианглийской направленности могло вызвать у депутатов, мягко говоря, непонимание.

Поворот германской военно-морской политики против Англии мог наполнить реальным содержанием разговоры о союзе с Россией. Движимый «родственными чувствами» к русскому царю, Вильгельм был не прочь порассуждать и на темы братства по оружию и партнерства в колониальных делах. Правда, братание флотов вряд ли могло произойти на Ближнем Востоке. После армянских волнений в 1897 г. в Германии многие политики находились в напряжении. Там ожидали, что Черноморский флот и Средиземноморская эскадра в ходе совместной военной операции разблокируют проливы Босфор и Дарданеллы и тем самым подорвут германские позиции в Турции¹¹³. Другое дело — политика раздела и порабощения Китая. В этой далекой стране не только флоты, но и сухопутные войска могли найти повод для дружбы. К тому же экспансия царизма на Дальнем Востоке была на руку тем германским лидерам, которые не желали видеть на Балтике сильный российский флот. Еще в конце 1887 г. советник посольства в Петербурге Бюлов так сформулировал один из пунктов своей внешнеполитической программы: «надо отсечь Россию от Балтийского и Черного морей»¹¹⁴.

Перспективы ослабления позиций на Балтике заставляли и Петербург подыгрывать идее морской дружбы. Германский посол как-то намекнул С. Ю. Витте, что император Вильгельм II хотел бы примерить форму русского адмирала¹¹⁵. С воспарением на престол Николая II об этом вспомнили, и в августе 1897 г. кайзеру присвоено звание адмирала русского флота. За этим, как полагал Витте, актом удовлетворения «декоративного самолюбия» кайзера скрывался вполне определенный смысл. Во-первых, лишний раз миру и, прежде всего французам, демонстрировалось некое германо-русское согласие и дружба. Во-вторых, Вильгельму II как адмиралу передавались списки личного состава русского флота, вручение которых могло иметь не только политическую, но и некоторую практическую пользу¹¹⁶.

В ноябре 1897 г. кайзер осмотрел крейсер «Владимир Мономах» и немедленно поделился своими впечатлениями с рейхсканцлером. В телеграмме кайзера Гогенлоэ прочитал о том, как был счастлив Вильгельм II при виде режущего по ветру флага русского адмирала Вильгельма. Кайзер пожелал русским морякам счастливого плавания и дружбы с германским флотом в дальних морях и попросил передать русскому царю, что во все времена Россия может рассчитывать на немецкий флот, «если речь пойдет о том, чтобы отвлечь опасность и беду...»¹¹⁷. Можно согласиться с германским историком В. Хубачем, характеризующим экстравагантное высказывание кайзера как «спонтанное» и как результат «моментального» впечатления¹¹⁸. Однако рассуждения

¹¹¹ Der Kaiser. S. 37.

¹¹² Тирпиц А. Воспоминания. С. 195.

¹¹³ Hubatsch W. Kaiserliche Marine. S. 98.

¹¹⁴ Цит. по: Виноградов К. Б. Кризисная дипломатия // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 124.

¹¹⁵ Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 253.

¹¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1924. Морской агент Полис в ГМШ. 8 (21) января 1898 г.

¹¹⁷ Hubatsch W. Kaiserliche Marine, S. 98-99.

¹¹⁸ Ibid. S. 99.

германского императора на темы братства германского и русского оружия звучали все чаще. Русские морские агенты тщательно отслеживали подобные высказывания кайзера, о чем свидетельствуют их подробные отчеты из Берлина. Так, в январе 1898 г. морской агент Кеттлер докладывал о беседе с Вильгельмом II: «По высказанному императором мнению, один броненосец легко может справиться с целой эскадрой крейсеров, и он уверен в том, что, имея на Востоке 4 броненосца «Сисой Великий», «Наварин», «Кайзер» и «Дойчланд», мы (Россия и Германия) в состоянии будем поддерживать там порядок»¹¹⁹.

На другой встрече, во время вручения морским агентом списков состава русского флота, Вильгельм II с удовлетворением отмечал, как русские и немецкие войска «плечо о плечо сражаются и действуют в Китае»¹²⁰. При ссылке морского агента Полиса на общность организации и традиций двух армий он оживился, заметив, что «...при наших дедах между обеими армиями существовали братские отношения»¹²¹. Морской агент также сообщал в Петербург о распространившихся в последнее время разговорах «о храбрости наших войск, наших начальников и выражения желания возобновления прежних союзных отношений»¹²².

Кайзер, казалось, стоял за то, чтобы от разговоров перейти к делу. В начале апреля 1901 г., завтракая в Александрийском полку, Вильгельм II, провозглашая здравицу в честь Николая II, выразил надежду на «восстановление старой дружбы»¹²³. Не прошло и трех недель после встречи в Петербурге, а кайзер уже приглашал русского царя принять участие в совместных маневрах армии и флота перед Данцигом¹²⁴. Последний дал согласие, и во время встречи, состоявшейся в середине сентября, монархи обещали друг другу делать все, чтобы отношения между двумя странами улучшились. В Данциге, а затем и в Ревеле в 1902 г., Вильгельм II указывал русскому царю на возможность подписания соответствующего договора о согласовании политики на Дальнем Востоке¹²⁵.

Насколько страстным было желание кайзера сотрудничать с русскими на море, настолько осторожно относились к этому в германском морском ведомстве. На первый взгляд, поворот военно-морской политики против Англии давал в руки исторический шанс вместе с другими морскими державами разрушить монополию одной державы на моря. Однако в упомянутой выше докладной записке Мюллера принцу Генриху будущий руководитель морского кабинета обрисовал довольно безрадостную картину итогов войны «пестрой коалиции» держав над английским колониализмом. «Большие, заселенные европейцами британские колонии, автономные колонии, станут, очевидно, республиками. Канада может быть присоединена к Соединенным штатам Северной Америки, усиление которых как раз не лежит в наших интересах. Россия из всего этого... получит Индию, а вместе с ней и львиную долю добычи. Кроме того, она получит на Востоке и в Китае свободу рук. Франция приобретет *английский остро- вной канал*, увеличит тропические колонии в Африке и Вест-Индии, а может быть... и

¹¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1473. Л. 536.

¹²⁰ В 1900 г. Россия совместно с другими державами участвовала в подавлении восстания ихэтуаней в Китае. Россия направила в Китай сухопутные войска численностью 17 тыс. человек, а также эскадру Тихого океана в составе 22 кораблей. Вильгельм II, по всей видимости, имеет в виду совместную операцию союзников по разгрому китайских войск в Тяньцзине, определившую исход войны. В конце июня 1900 г. русские войска совместно с германскими начали наступление с востока. Англичане, французы, американцы, австрийцы и японцы наступали с юга. См.: Дашы- шен В. Г. Русско-китайская война 1900 г. Часть II. Поход на Пекин. СПб., 1999. С. 97.

¹²¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1925. Л. 113. Морской агент Полис в ГМШ. 20 августа (2 сентября) 1900 г.

¹²² Там же. Л. 114.

¹²³ Berghahn V. R. Der Tirpitz-Plan. S. 402.

¹²⁴ Wilhelm II an Nikolaus II. 20. 4. 1901 // Große Politik. Bd. 18 (1). № 5384.

¹²⁵ Зелев В. В. Германо-русские отношения в июле-ноябре 1903 гг. // Проблемы истории внешней политики империалистических государств. Томск, 1979. С. 70.

Египет. На долю других держав коалиции, а также Германии, выпадет весьма скудный урожай военных достижений, соответственно выраженных в усилении флота. Больше, чем увеличение Германской Восточной Африки, едва ли следует ожидать»¹²⁶.

Таким образом, война с большим количеством союзников против Великобритании привела бы, по мнению Мюллера, к «самому скверному» результату: Германия дорого платит за право иметь колонии и получает взамен «чудовищное усиление России». Вывод Мюллера звучал в духе внешнеполитических установок Каприви — не конфронтация, а сотрудничество с великой морской державой на основе общих интересов по «подавлению России». Взамен «мы могли бы рассчитывать на поддержку Англии в области внеевропейских приобретений»¹²⁷.

Тирпиц не мог одобрить варианта союза со страной, против которой он собирался строить свой флот. Но не спешил признать продуктивной и идею альянса с Россией. Постепенно он пришел к выводу, что такой союз имел бы значение лишь в случае реальной угрозы британской Индии со стороны России. А поскольку «русские не пойдут через горы в Индию, — заявил он в октябре 1898 г. канцлеру Гогенлоэ, — союз с Францией и Россией не принесет пользы»¹²⁸.

Точка зрения Тирпица на проблему германо-русских отношений во многом совпала с внешнеполитической концепцией Бернгарда фон Бюлова. Бюлов, на один день раньше Тирпица (6 июня 1897 г.) ставший статс-секретарем, должен был проводить такую внешнюю политику, которая могла бы обеспечить реализацию программы строительства наступательного флота. Тем самым Бюлов и Тирпиц сознательно втягивали Германию в борьбу с Англией за морское могущество. Однако серьезное обострение отношений с Англией Бюлов не считал делом ближайшей перспективы. Германскому флоту требовалось время, чтобы достичь могущества. Поэтому создание каких-либо конфликтных ситуаций с владычицей морей на Вильгельмштрассе не хотели. Одновременно Бюлов стремился усилить позицию Германии путем сближения с Россией, так как англо-русские противоречия казались ему непримиримыми.

Став рейхсканцлером, Бюлов усиливает рекламную кампанию Берлина в Петербурге. В середине ноября 1900 г. он выступил в рейхстаге с речью, в которой с большой симпатией отзывался о России. В тот же день германский посол в Петербурге получил указание выступить с похожим заявлением¹²⁹.

Спустя некоторое время Гольштейн изложил немецкую тактику в отношении русских. Необходимо избегать «любой провокации против третьего в делах и словах», а также против России. «Одновременно — и это является главной отправной точкой — необходимо достигнуть разумно поставленные цели без России, поскольку кроме России есть еще и другие страны, которые охотно готовы делать с Германией одно общее дело. Если это дать понять русским, то в дальнейшем они будут более уступчивы и менее высокомерны, чем сегодня; они придут к убеждению, что мы для них просто незаменимы. Если же показать русским, что они незаменимы, как мы это делаем сейчас, что их недовольствие и угрозы действуют на нас, то мы можем оказаться в очень зыбком положении, из которого впоследствии придется выходить только с помощью очень резких движений»¹³⁰.

В свою очередь, и Тирпиц понимал, чем может обернуться новый гнев Англии против Германии. В противоположность высказываниям кайзера о возможном германо-русском военно-морском сотрудничестве на Дальнем Востоке, Тирпиц призвал к более осторожной политике в этом регионе. В ноябре 1897 г. он выступил

¹²⁶ Der Kaiser. S. 38.

¹²⁷ Ibidem.

¹²⁸ Aufzeichnung Hohenlohes. Berlin. 24.10.1898 // Quellen zur deutschen Aussenpolitik im Zeitalter des Imperialismus. S. 200.

¹²⁹ Berghahn V. R. Der Tirpitz-Plan. S. 401.

¹³⁰ Aufzeichnung Holsteins. 4.12.1900 // Große Politik. Bd. 18 (1). № 5166.; Berghahn V. R. Der Tirpitz-Plan. S. 401.

против поспешности в деле захвата китайской бухты Цзяочжоу. Тирпиц тогда опасался не только отрицательной реакции Великобритании, но и протеста России, несмотря на некие устные договоренности по этому делу кайзера и царя. Глава морского ведомства полагал, что отныне всякую враждебную политику в отношении Англии необходимо отклонить. Германии, строя военно-морской флот, важно миновать «опасную зону», через которую она должна пройти по причине неизбежного противодействия со стороны Англии¹³¹.

Подтверждением такой тактики стала позиция морского министра в отношении захвата китайской бухты Цзяочжоу.

4. Захват Цзяочжоу

Раздел Китая знаменовал один из самых критических этапов в развитии международных отношений конца XIX века. Некоторая сыгранность «европейского концерта» в политике по отношению к Китаю нарушилась, когда германская эскадра под командованием адмирала Дидерикса появилась 14 ноября 1897 г. в бухте Цзяочжоу. И хотя акцию германского правительства по захвату китайской территории нельзя назвать неожиданной (она готовилась с 1894 г.)¹³², международный резонанс от ее проведения оказался сильным.

Литература, посвященная данной теме, достаточно обширна. Свидетельством того, что тема не потеряла своей актуальности, является выход в 1998 г. монографии Е. Ю. Сергеева, посвященной политике Англии и Германии на Дальнем Востоке, где германскому «броску в Цзяочжоу» посвящена целая глава¹³³. Документальные публикации из германских и российских архивов позволили историкам представить все дипломатические перипетии по данному вопросу¹³⁴.

В отечественной историографии роль адмирала Тирпица в захвате Цзяочжоу исследована недостаточно глубоко. Как правило, он предстает ярым сторонником планируемой акции. Не последнюю роль в такой интерпретации сыграли мемуары адмирала, в которых он приписывает себе исключительную заслугу в приобретении этого «опорного пункта». Однако имеются документы, свидетельствующие о неоднозначности позиции военно-морского ведомства по этой проблеме.

В германском правительстве давно искали на побережье Китая подходящий пункт для создания экономической и военной базы. Уже в середине ноября 1894 г. кайзер Вильгельм II выступил с такой инициативой. Позже в этом смысле высказывался и немецкий посланник в Пекине. Он предложил захватить Пескадорские острова или Цзяочжоу. Однако Гогенлоэ и А. Г. Маршалль были более осторожны, считая возможным приобретение опорного пункта только в случае раздела Китая между великими державами¹³⁵. В течение 1895 года позиция имперских ведомств неоднократно менялась. Общим было лишь стремление закрепиться в Китае.

Когда в апреле 1896 г. Тирпица назначили командующим Восточно-Азиатской крейсерской эскадрой, ему указали на три возможных объекта: Амой, Замза и Чусан. Город Амой являлся английским селтльментом и лежал к северо-востоку от Гонконга. Ему отдавали предпочтение министерство иностранных дел и морское ведомство. Пустынная бухта Замза (залив Дапэнвань) и острова Чусан (Чжоушань) находились у восточной оконечности Китая, близ Шанхая, и также лежали в сфере английского влияния.

¹³¹ Tirpitz A. Politische Dokumente. Bd. 1. S. 7.

¹³² Irmer A. J. Die Erwerbung von Kiautschou, 1894 bis 1898. Köln-Bonn, 1930.

¹³³ Сергеев Е. Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке 1897-1903 гг. М., 1998. С. 18-65.

¹³⁴ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1905-1907. М.-Л., 1955. С. 49-64; Ротштейн Ф. А. Указ. соч. С. 427-464.

¹³⁵ Altrichter H. S. Konstitutionalismus und Imperialismus. Der Reichstag und deutsch-russischen Beziehungen. 1890-1914. Frankfurt/M. 1977. S. 196.

По прибытию на Дальний Восток Тирпиц приступил к изучению потенциальных опорных пунктов. Он беседует с купцами и военными моряками, чтобы сделать окончательный вывод об их военной и экономической пригодности. Своими первыми соображениями Тирпиц поделился с верховным командованием флота в сентябре 1896 г. Все три названных пункта показались ему неподходящими.

Из бесед с первым секретарем английского посольства в Пекине Бюклером, морским инженером Р. Гардингом, большим знатоком китайского побережья, экспертом по торговле с Китаем консулом Дрэнаном и другими высокопоставленными чиновниками в Китае он понял, что Великобритания считала острова Чусан непригодными для стоянки своего флота. Главными причинами являлись чрезвычайно большие перепады уровней воды и необходимость проведения крупных фортификационных работ. Кроме того, Англия не получила бы никаких преимуществ от этого опорного пункта, поскольку он не обеспечивал контроль над устьем реки Янцзы¹³⁶. И тем не менее в случае занятия островов Чусан Германией, как указывал Тирпиц в своих мемуарах, «следовало рассчитывать на осложнение с Англией»¹³⁷.

Тирпиц не был настроен оптимистично и в отношении Амоя. Кроме морского ведомства и министерства иностранных дел, к этому городу склонялся сам кайзер, а также новый посланник в Китае барон Э. Гейкиннг. Последний встречался с императором в Потсдаме, перед тем как отправиться к месту службы. По прибытию в Чифу Гейкиннг сообщил Тирпицу о встрече с кайзером. Он передал его пожелание плодотворной работы «лучшего посланника и лучшего адмирала». На вопрос Тирпица, на что кайзер «нацелился», Гейкиннг ответил: «На Амой»¹³⁸.

В Берлине почему-то считали, что Англия не станет препятствовать занятию китайского города. Тирпиц придерживался другой точки зрения, хотя сам Тирпиц признавал, что многие англичане в Китае считали справедливой передачу Амоя Германии. Фактическая же уверенность Берлина, как писал Тирпиц адмиралу Кнорру в начале сентября 1896 г. из Хакодаты, основывалась лишь на высказываниях английского адмирала Буллера. Покидая осенью 1895 г. Амой, Буллер допустил возможность занятия бухты германской эскадрой. «Такую позицию английского адмирала едва ли можно принять во внимание без предварительного одобрения английского правительства», — писал Тирпиц командующему германским флотом¹³⁹.

Другим аргументом Тирпица против занятия Амоя были очень сомнительные перспективы в отношении получения экономических дивидендов. Согласно его данным, в период с 1888 г. до 1895 г. объем торговли гавани упал с 1 210 233 таэлей до 701 151 таэля (1 таэль = 3,34 марки) и занимал лишь девятое место среди других китайских портов¹⁴⁰.

Замза страдала недостатками не меньше. Исследования береговой линии и водного пространства бухты, проведенные с кораблей восточно-азиатской эскадры, показали, что вход в нее был недостаточно глубок, а сильное течение создавало водовороты. Наконец, «бухта лихорадок и тифа» не могла стать конкурентом полумиллионного торгового города Фучжоу, расположенного за горами¹⁴¹.

Таким образом, все три бухты, названные Берлином как перспективные для захвата, по мнению Тирпица, не удовлетворяли ни экономическим, ни военным требованиям. Однако на первом плане для Тирпица стояли причины политического характера. В мемуарах он признает, что вторжение в английскую сферу влияния привело бы к китайскому варианту германо-британского конфликта из-за Трансвааля. В этом случае Англия могла лишить германские корабли возможности пользоваться доками. «...Мы

¹³⁶ BA-MA. N 253/45. Tirpitz an Knorr. 05.09.1896. Augenblicklicher Stand der Information über etwaige Stützpunkte.

¹³⁷ Тирпиц А. Воспоминания. С. 110.

¹³⁸ Там же. С. 111.

¹³⁹ BA-MA. N 253/45. Tirpitz an Knorr. 05.09.1896.

¹⁴⁰ Ibid. N 253/45. Kommando der Kreuzerdivision. Anlage 1. Amoy. Wirtschaftliches. 07.12.1896.

¹⁴¹ Ibid. N 253/45 Kommando der Kreuzerdivision. Anlage 2. Samsah. 07.12.1896.

повисли бы в воздухе с нашими нуждающимися в ремонте кораблями, на которых основывался германский престиж в этой части света»¹⁴².

Что касается Цзяочжоу, то для Берлина данный вариант казался неприемлемым. Он был, во-первых, далек от великого торгового пути, во-вторых, использовался русским флотом для зимней стоянки. Последнее обстоятельство, а также опасения, что Россия будет против германской базы на севере Китая, и склоняли к Амою дипломатов и кайзера.

Однако Тирпиц считал: кроме Цзяочжоу, другой военной и экономической базы для германского флота быть не может. Отвечая на замечание Гейкинга, что на эту бухту претендуют в Петербурге, Тирпиц заметил: русским вполне достаточно Кореи и Ляодуна с более близкими к их базе гаванями¹⁴³.

Поскольку верховное командование флотом отдавало предпочтение Чусан, Тирпиц приложил немало усилий, чтобы склонить его к Цзяочжоу. В начале сентября он напомнил командующему флотом адмиралу Кнорру о значении, которое придают в германских торговых кругах Цзяочжоу. Кроме того, это «единственная хорошо созданная самой природой гавань во всем Китае к северу от Шанхая»¹⁴⁴.

Тирпиц не меньше опасался России, чем Англии. Однако из двух зол он предпочел меньшее. Россия была злом меньшим не только из-за слабости ее флота по сравнению с английским. Из «авторитетных источников» германский адмирал узнал, что в русском флоте занятие китайской бухты называют ненужным и даже вредным. «Однако в русских дипломатических кругах были и те, которые признавали важность приобретения Цзяочжоу, например, русский посол в Пекине.

Тирпиц понимал: приобретение Россией Цзяочжоу будет означать «расширение русской сферы интересов над всем Северным Китаем до реки Янцзы» и «это место в случае войны с Англией или Японией станет объектом... высокой цены...»¹⁴⁵. Одновременно Тирпиц пытается убедить адмирала Кнорра и министерство иностранных дел, что в случае захвата бухты Россия еще долгие годы не сможет вкладывать туда средства ни для ее экономического процветания, ни для решения военных задач. И на то есть серьезные причины. «Россия стремится укрепить обороноспособность Порт-Артура, конечного пункта маньчжурской железной дороги, с помощью китайцев и за счет китайских финансовых средств. Как долго это может продолжаться и будет ли достаточно этих средств, не потребуются ли дополнительные русские войска, чтобы гарантировать себя от любой измены китайцев в случае серьезного конфликта... эти вопросы остаются открытыми. Если Россия выберет другой конечный пункт маньчжурской дороги, например Чемульпо, где уже имеются склады угля и госпитальные сооружения, то ей придется укреплять этот пункт. В любом случае России пришлось бы оборонять три места... Как мне представляется, это даже для русского кошелька и русской армии очень тяжело»¹⁴⁶. Итак, Тирпиц полагал, что Россия «имеет в Китае столько, что ей все просто не унести»¹⁴⁷.

Чтобы окончательно убедиться в правильности своего выбора, он отправился во Владивосток, где его интересовало отношение руководства русского флота к проблеме приобретения Германией опорного пункта в Китае. Он прямо спросил об этом командующего эскадрой Тихого океана адмирала Е. И. Алексеева. Последний пытался привлечь его внимание к Амою. Тирпицу казалось вполне естественным желание русских направить германскую экспансию в английскую сферу влияния и тем самым предотвратить создание немецкой военной и экономической базы близ Пекина. Именно там Россия претендовала на роль лидера.

¹⁴² Тирпиц А. Воспоминания. С. 113.

¹⁴³ Романов Б. А. Указ. соч. С. 51.

¹⁴⁴ BA-MA. N 253/45. Tirpitz an Knorr. 05.09.1896.

¹⁴⁵ Ibid. N 253/45 Tirpitz an Knorr. Anlage 4. Kiaotschau. 07.12.1896.

¹⁴⁶ Ibidem.

¹⁴⁷ Ibidem.

Итак, Тирпиц сделал со своей стороны все возможное, чтобы склонить Берлин в сторону Цзяочжоу. Его мнение было доведено до кайзера. Последний, вызвав специалиста по портовым сооружениям, услышал доводы в пользу Циндао¹⁴⁸. Однако понадобился почти целый год, чтобы германское правительство решилось, наконец, на проведение задуманной акции.

Весной 1897 г. Тирпиц получил приказ оставить Восточную Азию и возглавить военно-морское ведомство. По прибытию в Германию он окунулся в работу. Предстояло разработать законопроект о флоте. Едва появившись в Потсдаме после своего назначения в начале июня 1897 г., Тирпиц тут же был уведомлен кайзером, что подготовка к проведению кампании в пользу строительства флота уже окончена и специальная комиссия во главе с адмиралами Кнорром и Бюкселем разработала проект закона. Документ, по мнению Тирпица, оказался «совершенно негоден»¹⁴⁹. Речь шла о тактических и стратегических принципах, на которых должно было основываться строительство германского флота.

Проект главного командования «ставил во главу угла огромный заграничный флот», Тирпицу, судя по его «Воспоминаниям», удалось убедить Кнорра и Бюкселя в нецелесообразности их проекта раньше, чем он (15 июля 1897 г.) был принят кайзером. Последний, «поразительно легко изменивший свое мнение, одобрил... мой план строительства флота; таким образом... проект создания заграничного флота... окончательно исчез с горизонта»¹⁵⁰. Вместе с этим достигалось и окончательное согласие кайзера на строительство линейного (наступательного) флота.

После свидания с кайзером морской министр отправился в Бад Эмс и в С.-Блазиен, где лечился от полученного в тропиках катара легких. Там «собрался кружок лиц, выбранных мною для участия в разработке программы». Среди своих сотрудников, таких, как Г. Алефельд, Ф. Ингеноль, Г. А. Миоллер, Г. Поль, Тирпиц особо выделял капитана Э. Капелле. Эдуард Капелле являлся «виртуозом в государственных делах», был «незаменим для парламентской работы», «прекрасно разбирался в финансовых вопросах»¹⁵¹.

При помощи всех названных людей Тирпиц в течение июня — июля 1897 г. составил подробную записку о целях морского вооружения, ставшую ядром будущего флотского закона и получившую название «Эмского меморандума». Его заголовок — «Всеобщая точка зрения на деление нашего флота по корабельным классам и типам», но по содержанию он выходил за рамки своего названия. В этом, по выражению Стейнберга, «самом примечательном документе истории германского флота»¹⁵², Тирпиц окончательно развил свою стратегическую концепцию. В самом начале меморандума он отклонил крейсерскую войну как бесперспективную для Германии. Называя Англию «опаснейшим противником», Тирпиц считал, что против нее «крейсерская и трансокеанская война» бессмысленна. Германии необходим такой флот, который «значил бы что-нибудь между Гельголандом и Темзой»¹⁵³.

Проведение закона, предложенного военно-морским министром через рейхстаг, открывало перспективы строительства огромного океанского флота, способного решать и колониальные задачи. А пока Германия не достигла поставленной цели, необходимо как можно меньше привлекать к себе внимание необдуманными внешнеполитическими акциями. Отказ от программы строительства крейсерского флота означал для Тирпица определенный пересмотр его позиции в отношении приобретения опорного пункта в Китае.

В июле — ноябре 1897 г. последовали дипломатические переговоры с Россией по поводу захвата Германией Цзяочжоу. На эту тему вели беседу германский посол в Петербурге Г. Радолин с российским министром иностранных дел М. Н. Муравьевым, а также

¹⁴⁸ Тирпиц А. Воспоминания. С. 112–113.

¹⁴⁹ Там же. С. 127.

¹⁵⁰ Там же. С. 128–129.

¹⁵¹ Там же. С. 130.

¹⁵² Steinberg J. Yesterday's Deterrent. P. 129.

¹⁵³ Tirpitz A. Politische Dokumente. Bd. I. S. 7.

кайзер Вильгельм II с царем Николаем II. Неопределенность русского императора немецкая сторона интерпретировала как согласие на свободу действий в отношении китайской бухты¹⁵⁴. Убийство двух германских миссионеров в провинции Шаньдунь 1 ноября 1897 г. в Берлине расценили как удобный повод для начала запланированной акции. В ответ на телеграмму кайзера Николаю II о намерении наказать китайских «мародеров» последний сообщил: «Я не могу ни одобрить, ни не одобрить посылки эскадры в Цзяочжоу, так как я недавно узнал, что эта гавань вообще была в наших руках временно в 1895-1896 гг.»¹⁵⁵. Муравьев высказывался более решительно. Он заявил о возможности посылки в Цзяочжоу военных кораблей для утверждения «права первой стоянки»¹⁵⁶.

Опасность столкновения с Россией вызвала неподдельную тревогу в военно-морском ведомстве. Согласно воспоминаниям рейхсканцлера Гогенлоэ, 11 ноября Тирпиц послал ему телеграмму, в которой выразил несогласие с предстоящей операцией и просил об аудиенции¹⁵⁷. На состоявшейся встрече он заявил о неизбежности войны с Китаем, если программа захвата Цзяочжоу будет осуществлена¹⁵⁸. По всей видимости, ему удалось убедить рейхсканцлера в своей правоте. В эти дни Гогенлоэ писал: «позиция России настолько жестка, что не имеет смысла давать кайзеру какие-либо советы. Он один знает, хочет он войны с Россией или нет»¹⁵⁹. В министерстве иностранных дел разделяли опасения Тирпица. Бюлов ратовал за осторожную дипломатическую тактику в отношении Цзяочжоу¹⁶⁰. Такой же точки зрения придерживался и близкий друг Вильгельма II германский посол в Вене Ф. Эйленбург. В переписке с советником министерства иностранных дел Ф. Гольштейном он указывал: «приобретение Киао-Чао затруднительно и может быть малопопулярным в Германии. Немцы тяготеют к качеству, а не к количеству... Я больше за другую гавань, так как Киао-Чао называют мне очень авторитетные люди как непригодный объект»¹⁶¹. Главным авторитетом в данном вопросе дипломат считал морского министра, образно выразив его позицию словами: «...будет лучше, если не вливаться в Киао-Чао, как вошь в восточноазиатскую шкуру»¹⁶².

Однако, судя по письму от 10 ноября 1897 г. барона Гольштейна Эйленбургу, кайзер находился под большим влиянием руководителя морского кабинета Г. Зендена-Бибрана, чем Тирпица. Именно он заявил на совещании во внешнеполитическом ведомстве: «дальнейшее улаживание вопроса вокруг Киао-Чао является делом дипломатии, которая должна иметь в руках достаточное количество козырей против России»¹⁶³. По мнению Гольштейна, «Германия потеряла козыри против России вследствие телеграммы президенту Трансвааля Крюгеру и проекта континентальной лиги против Англии. Телеграмма Крюгеру была инициирована Зенденом; он тот, кто вталкивает в первую очередь кайзера против Англии и является слишком глупым, чтобы осознать значение потери нашей позиции по отношению к России и Франции»¹⁶⁴.

Таким образом, будучи командующим восточно-азиатской эскадры, Тирпиц стался вывести германскую дальневосточную политику из «опасной зоны» столкновения с Англией и направить ее в сферу отношений с Россией. Однако, став морским министром и приступив к разработке первого закона о флоте, он начал избегать осложнений и с Россией, конфликт с которой мог бы негативно отразиться на приня-

¹⁵⁴ Altrichter H. S. Op. cit. S. 197; Ротштейн Ф. А. Указ соч. С. 407-424.

¹⁵⁵ Цит по: Ротштейн Ф. А. Указ соч. С. 418.

¹⁵⁶ Altrichter H. S. Op. cit. S. 199.

¹⁵⁷ Hohenlohe-Schillingstuf. Op. cit. S. 412.

¹⁵⁸ Holstein an Hatzfeld. Berlin. 13.11.1897 // Die Geheimen Papiere Friedrich von Holsteins. Göttingen, 1963. № 630. S. 44.

¹⁵⁹ Hohenlohe. Op. cit. S. 411.

¹⁶⁰ Bulow B. Denkwürdigkeiten. Bd. 1. S. 184.

¹⁶¹ Eulenburg an Holstein. Wien. 13.11.97 // Die Geheimen Papiere... S. 47. № 631.

¹⁶² Friedrich von Holstein an Eulenburg. Berlin. 10.11.97 // Philipp Eulenburgs Politische Korrespondenz. Bd. 3. Krisen. Krieg und Katastrophen. 1895-1921. № 1352.

¹⁶³ Ibidem.

¹⁶⁴ Ibidem.

тии первого законопроекта о флоте. История с захватом бухты Цзяочжоу показала, что отношения Германии с Россией, как и с Англией, глава военно-морского ведомства относил к проблеме прохождения германского флотского строительства через «опасную зону».

5. Влияние «комплекса Копенгагена»

Опасения спровоцировать Англию к выступлению выработали у военно-морских стратегов с Тирпицем во главе так называемый «комплекс Копенгагена»¹⁶⁵, в жертву которому они были готовы принести не только планируемое германской дипломатией соглашение с Россией, но и другие, как более мелкие, так и равные по значению военные и политические инициативы. Среди них заслуживает внимания предложенный российской стороной проект проведения русско-германских флотских маневров и «любимая идея» Вильгельма II — германо-русско-датское соглашение о нейтрализации входа в Балтийское море¹⁶⁶. И в том, и в другом случае германское военно-морское ведомство в лице Тирпица оказалось решительным противником планируемых акций. Впрочем, наряду с политическими причинами формальным поводом для отказа со стороны ведомства Тирпица от проведения совместных маневров послужили некоторые практические соображения, связанные с сомнениями немецких адмиралов в эффективности совместных действий с русскими на море. Данная тенденция усилилась в связи с перспективами переброски кораблей Балтийского флота на Дальний Восток.

В январе 1901 г. военно-морское ведомство было информировано военно-морским атташе о новой «Программе дислокации русских военно-морских сил». Она свидетельствовала о намерениях царского правительства «всеми средствами и так быстро, как только возможно, усилить флот в Восточной Азии... за счет домашнего Балтийского флота». В этой связи русский флот «долгие годы не будет иметь существенного значения»¹⁶⁷.

Англо-японский договор 1902 г. осложнил международную ситуацию. Политике России на Дальнем Востоке противопоставлялся единый фронт Англии и Японии, отчасти поддерживаемый и Соединенными Штатами Америки¹⁶⁸. Выдержит ли такое серьезное испытание франко-русская дружба? В Германии не без удовлетворения отмечали нежелание Парижа поддерживать дальневосточную политику царизма. «...Наш непримиримый и все еще самый умный враг Делькассе делает все, чтобы сохранить мир», — жаловался Бюлов Гольштейну накануне русско-японского конфликта¹⁶⁹. Французской стороной, как сообщал германский атташе, «в последнее время много было сделано для того, чтобы продемонстрировать миру сердечное согласие между французскими и русскими моряками. Попытка французов придать им нечто особенное носит односторонний характер и не находит с русской стороны обнадеживающей предупредительности»¹⁷⁰. Зато Берлин всячески подбадривал русских в намечавшейся схватке с японцами. Как писал в 1910 г. известный русский историк и военно-морской теоретик Н. Л. Кладов, немцы, «воспользовавшись смотровым благополучием нашего флота, которое увлекло нас самих», как «опытные моряки видели... сколь эфемерно это благополучие», вероятно, говорили: «Как вам с таким чудным флотом не завладеть Тихим океаном! Дерзайте!»¹⁷¹

¹⁶⁵ О германском «комплексе Копенгагена» см.: Steinberg J. Der «Kopengagen-Komplex» // *Kriegsausbruch 1914, deutsche Ausgabe des «Journal of Contemporary History»*. Н. 3. München, 1967. S. 31-59; См. выше. С. 6.

¹⁶⁶ Berghahn V. R. Der Tirpitz-Plan. S. 162.

¹⁶⁷ BA-MA. RM 3/2843. Marineattache an Tirpitz. 21.01.1901.

¹⁶⁸ В начале русско-японской войны США отправили в европейские воды эскадру в составе 6 броненосцев и 5 крейсеров. А 14 апреля 1904 г. в Манилу прибыл дивизион миноносцев. Германское Адмиралтейство расценило эти шаги американского правительства как желание быть ближе к театру боевых действий с большими военными силами. См.: BA-MA. RM 5/886. Zum Immediatvortrag. Berlin. 02.05.1904.

¹⁶⁹ Bülow an Holstein. 16.01.1904 // *Die Geheimen Papiere...* Bd. 4, № 818. S. 249.

¹⁷⁰ BA-MA. RM 5/1433. Marineattache an Tirpitz. Juni 1902; Hubatsch W. Kaiserliche Marine. S. 100-101.

¹⁷¹ Кладов Н. Значение флота в ряду военных средств государства // *Военно-морская идея России. Духовное наследие Императорского флота*. М., 1999. С. 66.

В Петербурге хотели верить в искренность заверений о дружбе германского кайзера. Летом 1903 г. петербургский кабинет, готовя будущую встречу монархов, уже рассматривал возможность заключения секретного договора с Германией на условиях сохранения франко-русского союза. А вскоре появилась и возможность подкрепить слова конкретными шагами тесного сотрудничества.

В августе 1903 г. начальник Главного морского штаба контр-адмирал Рожественский предложил германскому атташе в Петербурге П. Гинце провести совместные маневры германских «больших» против «малых» русских кораблей в Балтийском море¹⁷². «Мы являемся хорошими друзьями», — так мотивировал Рожественский свою инициативу и, после паузы, добавил: «на данный момент». Гинце немедленно сообщил Тирпицу о почти сенсационном предложении русских.

Тирпиц с ходу отменил рискованное в политическом отношении мероприятие. Внимательно изучив донесение атташе, руководитель морского министерства разглядел многозначительность в паузе русского адмирала, подчеркнул слова «на данный момент» двумя чертами и поставил восклицательный знак¹⁷³. В целесообразности проведения совместных маневров сомневался и Гинце. «Насколько я могу видеть, мы будем иметь от таких маневров с русским балтийским флотом меньшую, чем русские, пользу. ...Мы получим опыт борьбы только с неполноценным противником; такие совместные маневры позволят... получить глубокие представления об организации, руководстве и тактике (германского флота — С. Ш.), и если мы действительно русский флот, как полагаем, превосходим в этом отношении, то я замечаю отсутствие пользы на нашей стороне и вижу ее очень отчетливо на другой. Наконец, нам будет необходимо положить в основу совместных маневров широкое согласование, примерно по аналогии нашего предписания для осенних маневров. Уже этим станет очевидным многое из того, что мы сейчас храним в тайне. Последствия, которые в политическом смысле будут иметь флотские маневры, я не берусь обсуждать. У меня сложилось впечатление, что Рожественский предложил это вполне серьезно, и все же я хотел бы воздержаться от окончательного мнения... до более близкого знакомства с побудительными мотивами обсуждаемой идеи»¹⁷⁴.

Итак, в Берлине дальше обещаний о соблюдении прорусского нейтралитета не шли. Осенью 1903 г. в Висбадене Вильгельм II отговорился от просьбы царя в случае возникновения русско-японской войны заявить от имени германского правительства о дипломатической поддержке России. Кайзер (читай: Тирпиц — С. Ш.) опасался, что англичане могут использовать такое заявление как предлог для вооруженного выступления¹⁷⁵. Таким образом, вернуться к теме совместных маневров флотов было так и не суждено.

Тирпиц был убежден в том, что в нарастающий конфликт между Россией и Японией ни в коем случае вмешиваться нельзя. Германия должна поддерживать дружественные отношения с обоими государствами. Рано или поздно напряженные отношения между Россией и Японией выльются в войну, поэтому речь не может идти о заключении союза с какой-либо из сторон. Германия должна соблюдать нейтралитет и проводить «политику качелей» между двумя державами. В отношениях с Токио также надо держаться подальше. Если состоится германо-японский союз, то это с большой долей

¹⁷² Рожественский попал в поле зрения германского военно-морского ведомства еще в 1901 г. Уже тогда германский морской атташе назвал стоящего во главе учебно-артиллерийской эскадры бодрого и молодого контр-адмирала «будущим вождем» русского флота. Среди командного состава Рожественский производил «наилучшее впечатление». В Германии он выделялся фигурой, которая должна «где только возможно» стоять в оппозиции вице-адмиралу Макарову. Последний якобы был нелюбим начальством, отчасти — из-за своенравного характера. Кроме того, он выделялся из состава старых морских офицеров «наибольшей тучностью». См.: BA-MA. RM 3/2843. Marineattaché an Tirpitz. St. Petersburg, 26.01.1901.

¹⁷³ BA-MA. RM 3/2846. Hintze an Tirpitz. 13.08.1903.

¹⁷⁴ Ibidem.

¹⁷⁵ Зелев В. В. Указ. соч. С. 70.

вероятности настроит царя против Берлина. В результате давление русских на восточной границе Германии только усилится. В случае же германо-русского альянса опасность конфронтации с англичанами становилась почти реальной, а ее вследствие теории «опасной зоны» следовало бы избегать¹⁷⁶.

Движение Германии в сторону улучшения считавшихся до сих пор прохладными отношений с Данией, началось в 1900 году. Тогда немецкий посланник в Копенгагене В. Шён получил задание наладить династические связи. Благодаря его усилиям в октябре 1902 г. датский кронпринц посетил Берлин. С ответным визитом, на успех которого он надеялся не без основания, Вильгельм II отправился в Копенгаген в апреле 1903 г. Еще в 1902 г. антигерманские по своей сути консервативное правительство уступило место либералам, предпочитавшим придерживаться политики нейтралитета. Надежды кайзера склонить новое правительство к сотрудничеству в экономической и политической области усилились в связи с объединением немецкой паровой компании «ГАПАГ» и «Восточно-азиатской компании». Основателем последней был датский судовладелец и предприниматель Андерсен¹⁷⁷.

Идея кайзера заключалась в том, чтобы с помощью трехстороннего договора между Германией, Россией и Данией обеспечить «защиту» Балтийского моря. Дания обязалась бы в случае войны закрыть для военных судов других стран проливы Бельтов и Зунд в обмен на гарантию неприкосновенности. Таким образом, в случае германо-английского конфликта Россия должна была помочь своими военно-морскими силами оборонять германское балтийское побережье. В то время основные силы германского флота могли оставаться в Северном море для более успешных действий против английских эскадр.

Тема нейтрализации датских проливов и защиты балтийского побережья стала предметом обсуждения на упомянутой выше встрече царя и кайзера в Висбадене в ноябре 1903 г. Надо заметить, что интерес к соглашению проявляла и Россия. После заключения англо-японского договора германская помощь на Балтике, несмотря на опасность, как считал В. М. Ламздорф, попасть в зависимость от Германии¹⁷⁸, могла оказаться весьма кстати.

В конце 1903 г. обсуждение плана участия Германии и России в нейтрализации проливов вступило в новую фазу. Толчком к этому послужила дискуссия в датской прессе о вооруженном нейтралитете. Консервативная «Vart Land» писала, например, что уровень военного и экономического потенциала страны явно недостаточен для того, чтобы гарантировать неповторение событий 1864 г.¹⁷⁹, и даже в том случае, если Германия будет связана другим противником. Следовательно, Дания должна подготовиться к тому, чтобы парировать удар и «не оказаться оккупированной какой-либо из воюющих держав»¹⁸⁰. Гинце, комментируя статью, в письме Тирпицу высказал сомнения относительно успехов новой атаки на Данию. Германия «не сможет выделить достаточного количества военных и военно-морских сил для захвата Копенгагена». Однако можно воспользоваться страхом датчан и предложить им гарантии нейтралитета со стороны Германии и России, что, по мнению Гинце, «означало бы союз трех государств в случае войны»¹⁸¹.

В среде германских дипломатов высказывались сомнения относительно целесообразности внешнеполитического проекта кайзера. Даже Бюлов, поддержавший его сначала, вскоре, после дискуссий с Гольштейном, стал выступать против¹⁸². Свою позицию

¹⁷⁶ Berghahn V. R. Der Tirpitz-Plan. S. 385.

¹⁷⁷ Vogel B. Op. cit. S. 162-163.

¹⁷⁸ Игнатьев А. В. Внешняя политика России в 1905-1907 гг. С. 247.

¹⁷⁹ В 1864 г. войска Пруссии и Австрии перешли границу Дании. Результатом войны стало отторжение Шлезвига и Гольштейна от датской территории. По Гаштейнской конвенции 1865 г. Австрия получила Гольштейн, а Пруссия — Шлезвиг. Об этих событиях см., напр.: Галкин И. С. Создание германской империи. 1815-1871 гг. М., 1986. С. 105-107.

¹⁸⁰ Hintze an Tirpitz. Kopenhagen. 5. 12. 1903 // Paul von Hintze. S. 129.

¹⁸¹ Ibid. S. 131. Реакция Тирпица на сообщение Гинце от 5 декабря неизвестна. Статс-секретарь не оставил на нем никаких помет. Зато видно, что с донесением 15 декабря ознакомился кайзер, который наложил следующую резолюцию: «Подшить к делу морского кабинета».

¹⁸² Vogel B. Op. cit. S. 163.

Бюлов обозначил в переписке с германским послом в Лондоне Меттернихом. «Сможет ли Германия, — задавался канцлер вопросом, — одна участвовать в нейтрализации Балтийского моря, а также в защите проливов от Англии и Америки. Или Германия должна выступать совместно с Россией по этому вопросу?»¹⁸³ По его мнению, столкновение с англичанами и американцами вызовет для Берлина и Петербурга разные последствия. Германское участие в нейтрализации датских проливов будет рассматриваться англосаксонскими державами меньше всего с точки зрения защиты немецкого побережья Балтики. Наоборот, германо-русское соглашение воспримется как германская помощь в защите русских берегов¹⁸⁴. Меттерних был согласен с канцлером. «Любой англичанин, — отвечал он, — воспринял бы совместное русско-германское закрытие Балтийского моря... только как акцию против Англии. В случае нашего присоединения к союзу..., английский флот нападал бы на наши порты в Северном море, а также торговые суда там, где только возможно. Русский же флот на Балтике, по моему мнению, не очень силен, так как его значительная часть переброшена в Восточную Азию. Поэтому для защиты наших берегов такой флот слабый союзник... Антибританская политика России воспринимается англичанами как явление вполне обычное..., между этими нациями нет жесточайшей вражды. Если мы закроем Балтийское море, то это вызовет возмущение в первую очередь не против России, а против Германии...»¹⁸⁵. Судя по ответу Бюлову, Меттерних не возражал против германо-русского сближения и даже альянса в принципе. Правда, необходимым условием этого должен стать роспуск франко-русского союза. Но и в этом случае дипломат полагал, что соглашение против Англии не защитило бы интересы империи за океаном. В итоге германский посол в Лондоне предложил достаточно сомнительную политическую формулу: союз с Петербургом, но «не направленный против Англии и не предусматривающий закрытие Балтийского моря»¹⁸⁶.

Таким образом, причина опасений вступить в соглашение с Данией и Россией была все та же — договор о нейтрализации датских проливов может спровоцировать конфликт с Великобританией. К тому же соглашение, считали дипломаты, выгоднее для России.

А что же германское военно-морское ведомство? Придерживался ли Тирпиц теории «опасной зоны» в отношении союзных комбинаций с Данией? Судя по мемуарам, он не являлся их противником. Он полагал, что с точки зрения морской политики германо-датский договор принес бы значительно большую пользу, чем союзные отношения с Австрией. Более того, ради морского и экономического соглашения с датчанами статс-секретарь был готов пойти на территориальные уступки. Так, в беседах с герцогом Глюксбургским, состоявшим в родстве с датской королевской династией и выступавшим за соглашение о «ютских землях» Северного Шлезвига, Тирпиц соглашался на пересмотр условий Пражского мирного договора¹⁸⁷. О том, что Тирпиц ради союза с Данией был готов возвратить Северный Шлезвиг, свидетельствовал и Бюлов¹⁸⁸. Однако следует усомниться в том, что руководитель военно-морского ведомства поддерживал эту идею накануне и во время русско-японской войны. Трудно согласиться с мнением Б. Фогеля, которая со ссылкой на мемуары адмирала считает, что «планы кайзера о датском нейтралитете пересекались с главным намерением датской политики Тирпица, нацеленной на мирное завоевание Дании»¹⁸⁹. Очевидно: «комплекс Копенгагена» не мог позволить Тирпицу видеть Германию и в составе союза с Данией. Тому есть некоторые документальные свидетельства.

¹⁸³ Bulow an Metternich. Telegramm. Konzept. Berlin. 21.12.1903 // Große Politik. Bd. 19 (1). № 5966.

¹⁸⁴ Ibidem.

¹⁸⁵ Metternich an Bulow, Telegramm. London. 23.12.1903 // Grosse Politik. Bd. 19 (1). № 5968.

¹⁸⁶ Ibid. S. 80.

¹⁸⁷ Тирпиц А. Воспоминания. С. 206.

¹⁸⁸ Бюлов Б. Бюлов Б. Воспоминания. М.-Л., 1935. С. 284.

¹⁸⁹ Vogel B. Op. cit. S. 163.

В разгар русско-японского конфликта Вильгельм II решил установить более тесные отношения с Данией. В феврале 1905 г. он телеграфировал об этом Бюлову. Рейхсканцлер не поддержал идеи своего императора. Его ответ гласил, что союз с датчанами только «усилит неустойчивость мирового положения». В «Воспоминаниях» этот случай прокомментирован следующим образом: «Я никогда не сомневался относительно того, что всякая попытка вызвать или даже вынудить более близкие отношения с Данией наверняка столкнет нас с Англией, возможно, с Францией, а быть может, даже с Россией»¹⁹⁰.

Узнав о намерениях кайзера, забил тревогу из Копенгагена и Шён. В эти дни он писал Гольштейну о неблагоприятной ситуации для поднятия столь «щекотливого вопроса». Кроме того, «Россия нас не простит, если мы используем ее затруднительное положение для получения ключей от Балтийского моря...»¹⁹¹. Если верить мемуарам адмирала Тирпица, поддержка союза с Данией со стороны военно-морского ведомства могла выглядеть логичной. О пользе соглашения с датчанами, как уже можно было убедиться, писал и пользующийся доверием Тирпица Гинце. Однако все произошло «с точностью до наоборот». В записке, которая хранится в архивном фонде Тирпица, это просматривается без труда¹⁹². Уже первая фраза документа не оставляет никаких сомнений в позиции статс-секретаря: «Я считаю договор... для нас нецелесообразным». Тирпиц почти не скрывал своего раздражения новой попыткой кайзера вступить на путь союзнических отношений с Данией. Не меньше его возмутило и желание кайзера соединить Германию договором с Голландией. Тирпиц опасался, что договорные обязательства свяжут по рукам и ногам военное руководство империи, понимающее, что война с Англией требует действий, «далеких от наших желаний». А именно в случае войны, считал Тирпиц, кайзеровскому рейху вряд ли удастся избежать оккупации государств, с которыми планируется оформление союзных отношений. Появится лишний повод для того, чтобы осудить действия Германии, что принесет пользу только Англии. Отсюда было бы ошибкой подписывать договор, играющий «на руку Англии»¹⁹³. Что касается перспектив «балтийского дома мира»¹⁹⁴, то он «для нас страшно невыгоден». И все по той же причине. «У нас нет потребности в большем мире, чем тот, который имеется в данный момент. Любое изменение будет происходить только в пользу Англии»¹⁹⁵.

Без труда видно, что Тирпиц, по крайней мере в период русско-японской войны, отметал всяческие перспективы соглашения с Россией и Данией, что противоречит его высказываниям по данной проблеме в мемуарах. И германская дипломатия, и военно-морское ведомство рассматривали северный альянс опять-таки сквозь призму того, как на него отреагирует Великобритания. Очевидно, что кайзеровский проект союза на Балтике представлялся для адмирала слишком рискованным внешнеполитическим мероприятием.

Итак, военно-морская политика 70–80 гг. не имела самостоятельного лица, ее значение ограничивалось рамками общей военной доктрины бисмарковской эпохи. Поскольку главным военным противником Бисмарк считал Францию, а сухопутный генеральный штаб во главе с Гельмутом Мольтке разрабатывал военные планы и против России, соответствующим образом формулировалась и военно-морская оперативная доктрина. В оперативных планах германского флота Россия рассматривалась как страна,

¹⁹⁰ Бюлов Б. Указ соч. С. 284.

¹⁹¹ Schoen an Holstein. Kopenhagen. 11.02.1905 // Die Geheimen Papier. Bd. 4. № 877.

¹⁹² BA-MA. N 253/9. Vorläufiger Standpunkt zur Frage. Abschrift. 1905(?).

¹⁹³ Ibidem. Что касается пользы союзного договора для Дании и Голландии, то здесь Тирпиц не смог удержаться от иронии: «Что можно дать с нашей этим двум государствам в политическом и военном смысле. Не нашу же любовь, в которую они не верят. Мы, к сожалению не та нация, которая вызывает чувства. Это факт».

¹⁹⁴ Здесь Тирпиц не удержался от иронии, употребляя английское выражение «freedom of the Baltic».

¹⁹⁵ BA-MA. N 253/9. Vorläufiger Standpunkt zur Frage. Abschrift. 1905(?).

которая вместе со своими потенциальными союзниками в лице Франции и Дании могла блокировать побережье в Балтийском и Северном морях и тем самым нанести огромный ущерб бурно развивающейся германской промышленности и торговле. Чтобы этого не произошло, германский флот в случае войны должен был продемонстрировать свою не наступательную, а оборонительную мощь, для чего предпочтение отдавалось строительству броненосцев береговой обороны. Действия флота, само собой, приходилось согласовывать с армейским командованием.

Ситуация изменилась в «эру Тирпица». С ее наступлением флот становился функцией германских морских интересов, с переходом Германии от европейской к мировой политике расширившихся до границ английской колониальной империи. Оборонительные идеи военно-морской стратегии уступили место теории Мэхэна — Тирпица о достижении морского могущества. Изменился и вектор развития германской флотской политики. Она отстранилась от армейских доктрин и приобрела индивидуальные черты. Теперь она должна была соответствовать простой аксиоме, которую вывел Вильгельм II: «Unsere Zukunft liegt auf dem Wasser!»¹⁹⁶, означавший одно — неизбежное столкновение с Англией.

Появление нового «опаснейшего врага» подготовило благоприятную почву для создания очередных проектов союза с Россией, а также реанимации старых идей «военного братства». Последние Вильгельм II был не прочь реализовать и в области военно-морского сотрудничества двух родственных династий. Однако этого не произошло. Пока Германия находится в «опасной зоне» столкновения с Англией, а «флот риска» не достиг внушительных размеров, «план Тирпица» не предусматривал каких-либо союзнических и иных обязательств Германии. Такая позиция военно-морского ведомства в отношении России обозначилась практически сразу, с появлением в его руководящем кресле адмирала Тирпица. Хотя еще в 1897 г. в беседе с Бисмарком Тирпиц настаивал на том, что строительство флота сделает Германию для России более привлекательной с точки зрения оформления союзного договора. Однако в дальнейшем, не являясь противником соглашения, о чем Тирпиц настаивает в своих мемуарах, он не видит в нем необходимости. Причины такого поведения следует мотивировать не только теорией «опасной зоны». Очевидно и другое. Глава военно-морского ведомства все больше обращается к такой проблеме, как военная целесообразность союза. Уже в связи с переброской русских эскадр на Дальний Восток в начале 90-х годов Тирпиц начинает сомневаться в боеспособности балтийской части российского флота. Отчасти это характеризует его позицию по вопросу совместных флотских маневров в августе 1903 г. С началом же русско-японской войны военная слабость царского самодержавия становится одним из главных аргументом в его атаках на идею союза с Россией.

¹⁹⁶ Наше будущее на воде.

ГЛАВА II

В «ОПАСНОЙ ЗОНЕ» ПЕРИОДА РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (1904–1905 гг.)

Как военным, так и международным событиям периода русско-японской войны в научной литературе разных стран уделялось много внимания¹. Это связано с тем, что ее ход и итоги имели судьбоносное значение не только для воюющих сторон. Как вспоминал российский министр иностранных дел А. П. Извольский, долгое время европейская международная система базировалась на равенстве сил Двойственного (Франция и Россия) и Тройственного (Германия, Австро-Венгрия и Италия) союзов. Поэтому «неудачная война с Японией не только ослабила Россию, но пошатнула все здание европейской политики»². Военный конфликт на дальневосточной периферии не оставил и следа от проводимой Лондоном политики «блестящей изоляции». Огненные британцы и французы стали союзниками, договорившись в 1904 году о «сердечном согласии». Касательно же Германии большинство исследователей пришло к вполне обоснованному выводу: на Вильгельмштрассе подталкивали Россию к решению дальневосточных проблем силой оружия. Целью такой политики являлось стремление ослабить Франко-русский союз, столкнуть Россию с Англией и тем самым укрепить позицию рейха на международной арене. Таким образом, объявленный Берлином «благожелательный нейтралитет» и даже «дружественная поддержка» кайзером Вильгельмом II своего кузена царя Николая II были во время войны далеко не бескорыстны³. Именно в эти достаточно непростые для России годы, особенно с точки зрения возможности дипломатических маневров, Берлин дважды — в октябре 1904 г., т. е. в разгар Гульевского инцидента, и в июле 1905 г., накануне подписания Портсмутского мира, предлагает Петербургу союз.

Какую же позицию занимали военно-морское ведомство и Адмиралтейство в годы военного противостояния России и Японии? Насколько соответствовала политика этих военно-морских учреждений теории «опасной зоны»?

¹ Автор не ставит задачу анализа всей литературы, посвященной русско-японской войне. Она необозрима. Тем не менее, следует указать на ряд изданий, заслуживающих внимания. См., напр.: Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т. 1–9. СПб., 1910; Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном штабе. Кн. 1–7. СПб., 1912–1917; История русско-японской войны 1904–1905 гг. Под ред. И. И. Ростунова. М., 1977.

В связи со столетием начала русско-японского конфликта интерес исследователей к данной теме усилился. Из последних работ российских историков см.: Грибовский В. Ю., Познахирев В. П. Вице-адмирал З. П. Рожественский. СПб., 1999; Семанов С. Н., Грибовский В. Ю. Последние адмиралы: Адмирал Макаров. Вице-адмирал Рожественский. СПб., 2002.

Достаточно богата палитра зарубежных исследований о русско-японской войне. См.: Maltzahn C. Der Seekrieg zwischen Russland und Japan 1904 bis 1905. Bd. 1–2. Berlin 1912–1913; Official History (Naval and Military) of the Russo-Japanese War. Vol. 1–3. London, 1910–1920; Nish J. H. The Anglo-Japanese Alliance. The Diplomacy of Two Island Empires. 1894–1907. London, 1966; Martin C. The Russo-Japanese War. London, 1967.

² Извольский А. П. Воспоминания. Минск, 2003. С. 24; См. также: Остальцева А. Ф. К вопросу о влиянии русско-японской войны и революции 1905 г. на перегруппировку европейских империалистических держав // Ученые записки Саратовского университета. Т. LV. Исторический выпуск. 1956.

1. Начало военных действий: взгляд из военно-морского ведомства и Адмиралтейства

Как писал Тирпиц в «Воспоминаниях», он сожалел, что русско-японская война не была предотвращена. В 1903 г. кайзер послал его к Николаю II в Петербург с неким «деликатным поручением», которое он не сумел выполнить. Причиной явилось постоянное присутствие «англофильски настроенной» императрицы⁴. Воспользовавшись визитом, Тирпиц предупредил царя о грозящей восточно-азиатской опасности, учитывая известный ему «декоративный характер русского восточно-азиатского флота». Николай II ответил, что опасность явно преувеличена. К тому же Россия достаточно сильна, чтобы не бояться японцев⁵.

В один из январских дней 1904 г. в корреспонденции на имя влиятельнейшего сотрудника германского внешнеполитического ведомства барона Фридриха Гольштейна оказался конверт. Ввиду важности персоны его отправителя он был немедленно вскрыт. Письмо посвящалось теме, с некоторого времени ставшей одной из самых обсуждаемых в кругах германской политической и военной элиты. Его автор рассуждал о русско-японском конфликте. И хотя война еще не началась, о ней говорилось как о свершившемся факте. Например, насколько будет «полезен» данный конфликт для Германии. А именно: можно ли надеяться на то, что русские задержатся в Восточной Азии и не активизируют свою европейскую политику, «переживет» ли годы военного лихолетья франко-русский союз. Был и такой вопрос: «Не полагаете ли Вы, что война... должна привести к обострению противоречий между Россией, с одной стороны, и Англией-Америкой, с другой?» Демонстрируя большую осведомленность в международных делах, автор сетовал на то, что «непримиримый враг» немцев французский министр иностранных дел Т. Делькассе делает все для сохранения мира. Да и в самой Германии есть люди, не видящие «плюсов» войны. Так, адмирал Тирпиц рассматривает ее как «несчастье», поскольку существует опасность, что «в дальнейшем англичане могут захватить Янцзы»⁶.

Гольштейн, ввиду важности затронутой темы, немедленно взялся за перо и бумагу. Барон полагал, что дальневосточные события не смогут разрушить союз Петербурга и Парижа, если одновременно не начнется война на Балканах. Однако, если Россия уступит дипломатическому давлению Японии и Америки, то такая политика будет по сердцу лишь французам. Что касается возможной германской поддержки русских, здесь необходимо учитывать то, что Россия со времен создания своей государственности еще не имела столько врагов. Англичане и американцы не являются исключением. Отвлечь их на себя — задача невыполнимая, в том числе и по причине «морского вопроса», то есть неготовности германского флота к грядущим сражениям. Среди прочих именно этот факт заставляет усомниться в пользе сотрудничества с Россией. Таким был ответ Гольштейна. На конверте стояла дата отправления: 17 января 1904 года, а также имя получателя: канцлер Германской империи граф Бернгард Бюлов⁷. До начала японской атаки на Порт-Артур оставались считанные дни.

В ночь на 27 января (9 февраля) 1904 г. японские миноносцы атаковали стоящие на внешнем рейде в Порт-Артуре главные силы Тихоокеанской эскадры. В результате ночной атаки получили повреждения броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер

³ Позиция Германии накануне и в годы русско-японской войны анализировалась в ряде работ российских и зарубежных историков. См., напр.: Романов Б. А. Указ. соч.; Зелев В. В. Указ. соч.; White J. A. *The Diplomacy of the Russo-Japanese War*. Princeton, 1964; Vogel B. *Op. cit.*; Steinberg J. *Germany and the Russo-Japanese War* // *The American Historical Review*. № 7. 1970. и др.

⁴ Николай II был женат на принцессе Алисе Дармштадской, которая воспитывалась при дворе английской королевы и была наречена при миропомазании Александрой Федоровной.

⁵ Тирпиц А. *Воспоминания*. С. 198.

⁶ Bülow an Holstein. Berlin, 16.01.1904 // *Geheimen Papiere*. № 818, S. 249-250. Тирпиц, видимо, опасался, что с «захватом Янцзы» англичане будут контролировать путь в Индию.

⁷ Holstein an Bülow. Berlin, 16.01.1904 // *Geheimen Papiere*. № 819, S. 251.

«Паллада». Несколько часов спустя в корейском порту Чемульпо был потоплен крейсер «Варяг», получивший серьезные разрушения в неравном бою с японцами. Моряки взорвали и канонерскую лодку «Кореец», чтобы не сдать ее врагу⁸. Хотя русская эскадра и понесла существенные потери, она, тем не менее, не потеряла своей боеспособности. Таким образом, расчеты японского командования на внезапность не оправдались. Порт-Артурский вариант «копенгагирования» не состоялся.

После первых атак японцев на русские корабли Тирпиц поделился своей тревогой и с баварским посланником. Руководителю военно-морского ведомства мерещится, сообщал на следующий день представитель мюнхенского двора, что «Англия использует какое-либо обстоятельство для того, чтобы уничтожить находящийся в стадии строительства германский флот». Тирпиц, по словам посланника, не скрывал своего беспокойства и был «огорчен неудачами русских, так как ослабление России ведет к устранению ее как серьезного противовеса Англии»⁹. Итак, в ведомстве Тирпица начало русско-японской войны не было воспринято с оптимизмом. Впрочем, и в штабе Адмиралтейства по данному поводу не выражали восторга. Так, командующий Восточно-азиатской крейсерской эскадры адмирал К. Притвиц получил следующий приказ: ни при каких обстоятельствах не позволять втягивать себя в конфликт. Правда, строгое распоряжение на сей счет поступило из Берлина еще 7 января. Теперь же эскадра должна была находиться в состоянии боевой готовности. Каждому крейсеру указывался конкретный район для патрулирования. «Герте» предписывалось быть у Шанхая, «Бисмарку», «Ганзе» и «Тетису» — вести разведку севернее¹⁰. А неделю спустя после начала действий Вильгельм II подписывает «приказы кораблям Его Величества, находящимся за границей на случай войны». Среди потенциальных противников Германии в восточных водах назывались США (приказ А), Франция (приказ В), Англия (приказ D), Япония (Е). В одном из приказов предусматривался и такой вариант: война против Франции и России (приказ С). Против одной России плана ведения боевых действий не существовало. Возможно, в штабе Адмиралтейства не сомневались в том, что Притвицу придется иметь дело с объединенными военно-морскими силами Двойственного союза.

Однако заслуживает внимания намерение Адмиралтейства нанести удар по военно-морским силам русско-французского альянса в союзе с Англией или Японией. Если Германии пришлось бы в одиночку действовать против Франции и России, то перед Притвицем ставилась задача «ослабить французские военно-морские силы в Восточной Азии до соединения их с русскими». В случае неудачи немецкой эскадре надлежало вести крейсерскую войну¹¹.

Россия, как возможная союзница кайзеровского рейха на Дальнем Востоке, ни в одном из вариантов боевых действий на Дальнем Востоке не называлась. Правда, в случае войны против Англии предусматривался вариант совместных действий с «крупными военно-морскими силами». В случае успеха в войне с Японией к ним вполне можно отнести и российский флот¹². Как видно из утвержденного Вильгельмом II документа, действия германской эскадры на Дальнем Востоке должны были носить характер обороны — и не иначе! В Адмиралтействе прекрасно осознавали, что эскадра не настолько сильна, чтобы планировать активные, наступательные действия. Исходя из данных обстоятельств, тактика адмирала Притвица была вполне предсказуема.

После нападения японцев на Порт-Артур указание Берлина о неукоснительном соблюдении нейтралитета было подтверждено¹³. Притвицу вменялось строго следить за всеми передвижениями судов. Когда германский крейсер «Герта» потерял из виду английский

⁸ О бое крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» см. подробнее: Пономарев И. И. Герои «Варяга». М., 1954; История русско-японской войны. С. 115–117.

⁹ Цит. по: Berghahn V. R. Der Tirpitz-Plan. S. 386.

¹⁰ Hubatsch W. Der Admiralstab. S. 114.

¹¹ BA-MA. RM 5/886. Allerhöchste Befehle an S. M. Schiffe im Auslande für den Kriegsfall. Berlin. 16.02.1904.

¹² Ibidem.

¹³ Hubatsch W. Der Admiralstab. S. 14.

пароход с 500 пехотинцами на борту, следовавший предположительно в Чингвантау (Chingwantau), Притвиц немедленно отправил на поиски «Тетис». В связи с подозрениями о нарушении англичанами нейтралитета о движении британского судна проинформировали кайзера, иностранное ведомство, Тирпица и начальника Генерального штаба Шлиффена¹⁴.

Английский пароход действительно прибыл в Чингвантау. Однако на берег сошли только 71 человек команды с офицером во главе. Вероятно, английский отряд прибыл для охраны дипломатической миссии в Сеуле, хотя, по свидетельству германского посланника, японцы «образцово поддерживают там порядок»¹⁵. С другой стороны, пока русский флот в Порт-Артуре сохранял свою боеспособность, а русская армия готовилась нанести поражение противнику на суше, постоянное присутствие японцев в корейской столице гарантировать было нельзя. Итак, в случае военного успеха русских действия англичан по усилению охраны своего представительства представлялись вполне логичными.

Тем не менее Притвиц нервничал. С одной стороны, вверенная ему эскадра должна была демонстрировать военное присутствие Берлина, обеспечивать безопасность своих граждан, наконец, вести разведку в зоне военного конфликта. С другой, и это он остро чувствовал, любой просчет мог спровоцировать если не военное столкновение, то уж дипломатический конфликт и сопутствующие ему обвинения в нарушении нейтралитета — наверняка. Адмирала беспокоили и антигерманские выступления местной английской прессы. В адрес кораблей эскадры то и дело отпускались язвительные замечания. Ее действия назывались, например, как «любопытство, выходящее за грань приличия», «разведка японской деятельности» и т. д. Газеты припомнили и вызывающее поведение Германии во время испано-американской войны¹⁶. Берлин, как известно, отправил к Маниле, тем самым заявив о своих претензиях на Филиппины, довольно сильную эскадру под командованием опытного адмирала Дидерикса, «героя» захвата Цзяочжоу. О том, что немцы заявили о своей решимости участвовать в дележе испанского колониального наследства, свидетельствовал и факт, что прибывший на Филиппины Дидерикс по рангу превосходил своего американского коллегу Дж. Дьюи, эскадра которого также находилась в Манильской бухте. Наглость, с которой вели себя немцы в манильской бухте, вызвали тогда негодование в Вашингтоне¹⁷.

Не меньше раздражал Притвица и флот микадо своими, как он считал, провокационными действиями. Однажды, например, японский крейсер настойчиво сопровождал германский крейсер «Тетис», направляющийся из Чемульпо в Чифу¹⁸.

Опасения спровоцировать международный конфликт заставили Притвица ограничить плавание немецких судов в районе боевых действий, о чем он уведомил кайзера и германского посла в Токио. Это необходимо сделать, докладывал он Вильгельму II, так как и англичане, и американцы, хотя и планировали отправить свои корабли в Вэй-хай-вей и в Чифу, остались южнее Шанхая. Перед Чемульпо, например, стоял только один английский крейсер. Чтобы не спровоцировать англичан на активные действия, Притвиц приказал своему заместителю во время своего отсутствия в Циндао ограничить всякие передвижения эскадры и не торопиться с заменой «Буссарда» у Чемульпо. А когда к Притвицу через германского консула обратился французский генеральный консул в Шанхае с просьбой взять с собой почту, если один из немецких крейсеров отправится в порт Дальний, адмирал ответил вежливым отказом. Он заявил, в частности, что в ближайшее время командировка к русским не планируется¹⁹.

¹⁴ BA-MA. RM 3/4300. Chef des Admiralstabes Buchsel an Tirpitz, Berlin, 17.02.1904.

¹⁵ Ibid., RM 3/4303. Chef des Kreuzergeschwaders Vize-Admiral Prittwitz an den Kaiser. Honkong, 08.03.1904.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ См.: Шацкило В. К. Расчет и безрассудство. Германо-американские отношения в 1898-1917 гг. М., 1998. С. 32-33. О дипломатических перипетиях по данной проблеме см. также: Ротштейн Ф. А. Указ. соч. С. 501-515.

¹⁸ BA-MA. RM 3/4303. Chef des Kreuzergeschwaders Vize-Admiral Prittwitz an den Kaiser. Honkong, 08.03.1904.

¹⁹ Ibidem.

Перечисленные факты свидетельствовали о напряжении, которое испытывало командование германским флотом в связи с началом военных действий на Дальнем Востоке. Дело даже не в приказе соблюдать строгий нейтралитет. Тот же английский представитель в Гонконге, получив подобное указание, по выражению самого Притвица, соблюдал нейтралитет очень «робко». Здесь, где немецкий адмирал не обнаружил ни одного печатного органа, представляющего точку зрения русского правительства, как, например, «ECHO de Chine» в Шанхае, и не пытались скрыть заинтересованность в успехе японцев²⁰.

В целом, некоторые действия командующего германской эскадрой носили излишне перестраховочный характер. Притвиц не знал, как поведет себя «владычица морей», если характер плавания его крейсеров в районе боевых действий станет трактоваться англичанами как несоответствующий позиции нейтралитета. Поэтому Притвиц действовал очень осторожно, рассчитывая каждый шаг и согласуя все важные решения с кайзером.

Тем временем в германском штабе Адмиралтейства, судя по докладам «на высочайшее имя» кайзера, формировалось свое видение международной ситуации. Первую информацию Вильгельму II о ходе военных действий командование флота подготовило 15 февраля. И хотя сообщения из столиц воюющих держав носили противоречивый характер²¹, было ясно одно: «пострадали русские сильно, а японцы вообще не пострадали»²². В Адмиралтействе полагали, будто Токио использует военную неподготовленность противника для того, чтобы закрепить первый успех быстрыми и мощными ударами с суши и моря²³. Однако дальнейшие действия армии и флота микадо разочаровали германских экспертов морского Генерального штаба. Там считали, что японцы действовали недостаточно решительно и в начале мая они оказались «немногим дальше того, чем если бы война началась сегодня»²⁴. Теперь стало ясно: конфликт будет продолжительным, и еще неизвестно, выиграет ли от него Германия.

В Адмиралтействе просчитали разные варианты. Получалось, что в быстром окончании войны не заинтересована прежде всего Великобритания. Затяжные военные действия обескровят противников, таким образом позволив англичанам выступить «добрыми посредниками» и собрать в таком качестве целый «урожай наград». Япония окажется в финансовой зависимости от своей союзницы, так как без крупных займов она не сможет довести войну до победного конца. Эксперты Адмиралтейства считали, что в своих притязаниях Токио довольствуется Кореей и, может быть, Квантунским полуостровом. Такое ограничение военных целей «не противоречит английским интересам и главному содержанию англо-японского союза»²⁵. Таким образом, естественен вывод: затягивание конфликта между Россией и Японией не отвечало интересам Адмиралтейства, который тайл в себе опасалось усиления Великобритании.

О том, что японцы не так активны, как могли бы быть, заметили и в военно-морском ведомстве. Подводя итоги первым месяцам войны, морской атташе Гинце докладывал Тирпицу, что в Токио упустили возможность быстрой победы. Поэтому ситуация может измениться в пользу русских, для чего есть все основания. К ним следует отнести гладко протекающую мобилизацию в русской армии и флоте, а также ошибки противника, допущенные после нанесения внезапных ударов. Успеху России может способствовать и «близкая к корректной» позиция нейтральных государств, и даже сдержанность Китая. Наконец, в

²⁰ Ibid. RM 3/4302. Prittwitz an Wilhelm II. Hongkong. 31.03.1904.

²¹ Как о «несогласованной информации» в докладе кайзеру говорилось о сообщениях русских, что у Порт-Артура один японский броненосец получил серьезные повреждения, потоплены малый крейсер и три миноносца. Как «правдоподобное» в Адмиралтействе восприняли японское сообщение о полном отсутствии потерь и небольших повреждениях на некоторых кораблях. В докладе не сообщалось о потере японцами миноносца близ Чемульпо. См.: BA-MA. RM 5/886. Zum Immediatvortrag. Berlin 15.02.1904.

²² BA-MA. RM 5/886. Zum Immediatvortrag. Berlin. 15.02.1904.

²³ Ibidem.

²⁴ Ibid. RM 5/886. Zum Immediatvortrag. Berlin. 02.05.1904.

²⁵ Ibidem.

Петербурге ушли от состояния подавленности и уверены в победе. Такой поворот в настроениях российского общества, по мнению атташе, объясняется национальным характером русских, которые во всем предпочитают экстремальность²⁶.

Пожалуй, именно Гинце способствовал своими донесениями формированию видения военно-морским ведомством перспектив войны. Было похоже, что и Тирпиц поверил в способности России нанести военное поражение Японии. Да и поведение правящих кругов Великобритании говорило о том же.

Первые признаки готовности Лондона к улучшению отношений с Россией, обнаружались в апреле 1904 г. Проводником этой идеи являлся сам английский монарх. Пожелания Эдуарда VII озвучивались русскому посланнику в Копенгагене А. П. Извольскому, а также послу в Лондоне А. К. Бенкендорфу. «Мирные» планы англичан были доведены и до царя²⁷. Перед Берлином появились пока туманные, но грозящие стать реальными перспективы англо-франко-русского соглашения. Тем более, что Англия и Франция уже пришли к «сердечному согласию». Такой поворот событий не отвечал германским интересам.

Информация о том, что на берегах Темзы не так активно желают победы «желтому человеку», стали поступать в Берлин летом 1904 года²⁸. В поддержку России выступила и часть германской прессы, полагая: вслед за русскими японцы скоро возьмутся за всех «белокурых варваров». Тон сменил и известный ранее своими антироссийскими выступлениями журнал «Zukunft». В июле 1904 г. его издатель М. Гарден опубликовал обширную статью под названием «Война и мир»²⁹. Он предостерег от возможных ошибок тех германских политиков, которые считали, что чем больше обескровят себя «белый медведь и рыжая лисица», тем будет лучше для Германии. Война уже расстроила русские финансы, и долгие годы Россия останется «безвредной». После окончания войны она станет выгодным клиентом германской промышленности, так как немедленно возьмется за реорганизацию армии и флота, а также выделит огромные денежные средства на железнодорожное строительство. Однако надежный мир, считал Гарден, возможен, лишь когда Россия добьется некоторых военных успехов. Это позволит избежать тяжелых условий подписания мирного договора³⁰. В целом, влиятельный журнал агитировал за продолжение войны, что соответствовало видению проблемы германским правительством и кайзером.

Сторонником лозунга «Россия, вперед!» оказалось и германское военно-морское ведомство. Война на море для любого адмирала — опытный полигон для развития морской тактики и стратегии. Для Тирпица разгром или, как минимум, нанесение урона японскому флоту означали и ослабление морской силы Великобритании. Могло случиться и так, что с победой России на Дальнем Востоке англичанам пришлось бы обеспечивать свои дальневосточные интересы за счет переброски какой-то части флота из Северного моря в Тихий океан. В таком случае опека британцев германских военно-морских сил могла быть ослаблена. Поэтому Тирпиц настаивал, чтобы Гинце деликатно подталкивал руководство российского флота к более активным действиям. Правда, сам атташе не был категоричен в оценке успехов плавания балтийской эскадры на Дальний Восток.

В начале апреля Гинце допускал два варианта развития событий. С одной стороны, поспешность в подготовке операции, а также длительность перехода с неизбежными поломками скажутся на боеспособности русских кораблей. И тогда они станут легкой добычей японцев. С другой, если балтийская эскадра благополучно воссоедин-

²⁶ Hintze an Tirpitz. St. Petersburg. 01.04.1904 // Paul von Hintze. S. 132-133.

²⁷ См.: История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. М., 1999. С. 173; Vogel B. Op. cit. S. 201.

²⁸ О публикации журнала сообщил в Петербург агент министерства финансов. См.: РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 277. Агент министерства финансов — Коковцову. Берлин. 14 (27) июля 1904 г.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

нится с Тихоокеанским флотом, то военное счастье может оказаться на стороне русских. К тому же с предполагаемым введением в строй к июлю 1904 г. новых броненосцев шансы России на успех вырастут³¹. Последний вариант, по мнению германского атташе, представлялся желательным для нейтральных государств и, в первую очередь, для Германии. Хотя, полагал Гинце, активность России на морском театре военных действий может подтолкнуть Великобританию к выступлению на стороне Японии³².

Однако Тирпиц желал видеть только то, что могло быть полезно его любимому флоту. Он дважды — в июле³³ и сентябре³⁴ 1904 г. — просил Гинце обратить внимание российского военно-морского руководства на необходимость наступательных действий. При этом сентябрьская директива исходила из ведомства Бюлова, которым также завладела идея подрыва морского могущества Японии³⁵.

Важно заметить, что инициатива канцлера, поддержанная Тирпицем, появилась, когда в русско-японском противостоянии наметилась первые признаки надвигающейся катастрофы. Предпринятый 28 июля (10 августа) очередной прорыв 1 эскадры Тихого океана из Порт-Артура во Владивосток оказался неудачным³⁶. В бою с превосходящими силами противника был убит осколком японского снаряда командующий эскадрой адмирал В. К. Виттефт. Часть кораблей вернулась в Порт-Артур, часть была интернирована в иностранных портах. И хотя порт-артурская эскадра в сражении не потеряла ни одного корабля, она утратила свое значение. На сухопутном театре военных действий русской армии также не сопутствовал успех.

На фоне всех указанных событий в конце августа в Берлин пришла информация о первых признаках примирения противников и о готовности Англии посредничать в этом процессе. Тот же Гинце сообщил Тирпицу: «Некоторые персоны, стоящие близко к Николаю II, полагают, что у англичан есть основания не трогать больше Россию в ее войне с Японией». Гинце сетовал на то, что русские военные ведомства слепы. Они не замечают английской опасности. Королевский флот со дня на день может выступить на стороне Японии так же неожиданно, как в феврале японцы³⁷.

Таким образом, если накануне и в самом начале военных действий на Дальнем Востоке позиция Тирпица резко отличалась от политики официального Берлина на провоцирование русско-японского конфликта, то в дальнейшем она кардинально меняется. Основанием послужили, как минимум, две причины. Во-первых, у статс-секретаря на тот момент, видимо, не без влияния донесений Гинце, появилась надежда на успех военной кампании России. В случае ее победы, позиция Великобритании была бы ослаблена — и не только в Китае. Хотя удивляет, что Тирпиц не увидел в событиях лета 1904 г. «начало конца» российской военно-морской мощи. Правда, не только он. Первые неудачи русской армии и флота не оказали отрезвляющего воздействия даже на Николая II и его окружение. Так, в сентябре 1904 г. царь в письме Е. И. Алексееву рассуждал на тему невозможности получения контрибуции с разоренной Японией³⁸.

Во-вторых, Тирпиц не мог не понимать, какую опасность для его плана таят в себе перспективы англо-русского сближения. Тем более, что достижение «сердечного согласия» между Англией и Францией стало фактом.

³¹ BA-MA. RM 3/4302. Hintze an Tirpitz. 01.04.1904.

³² Ibidem.

³³ Ibid. RM 3/4 Tirpitz an Hintze. St. Blasien. 23.07.1904.

³⁴ Ibid. Aufzeichnung Tirpitz. 24.09.1904; Paul von Hintze. S. 139.

³⁵ Bülow an Auswärtigen Amt. Norderney. 09.09.1904 // Große Politik. Bd. 19 (1). S. 220.

³⁶ Первая попытка прорыва порт-артурской эскадры во Владивосток состоялась 10 (23) июня 1904 г.

³⁷ BA-MA. RM 5/1438. Hintze an Tirpitz. St. Petersburg. 29.08.1904.

³⁸ См.: Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. 2-е изд. М.–Л., 1955. С. 282; История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1999. С. 164.

В таких условиях вполне логичным выглядит стремление официального Берлина и военно-морского ведомства продемонстрировать руководству России нечто большее, чем простое соблюдение условий нейтралитета. Таким «большим» стало обещание Вильгельма II, данное им царю, присмотреть за германским побережьем Северного и Балтийского морей, дабы воспрепятствовать активности японских агентов и якобы возможным операциям японских миноносцев против Балтийской эскадры³⁹. Одновременно Берлин держал экзамен «на дружбу» на Дальнем Востоке в связи с заходом поврежденных в бою русских военных кораблей в Цзяочжоу.

2. Интернирование российских кораблей в Цзяочжоу

История с интернированием в августе 1904 г. в Цзяочжоу броненосца «Цесаревич» и 3 миноносцев («Бесшумный», «Бесстрашный» и «Беспощадный») до сих пор остается малоизученной как в отечественной, так и зарубежной историографии. Возможно, единственным исключением является работа известного историка российского флота Р. М. Мельникова. В серии «Боевые корабли мира» вышли его книги, посвященные плаванию броненосца «Цесаревич». В работе дается резкая критика позиции Германии по вопросу о разоружении русских военных кораблей; действия немецкой стороны названы «бесчестным германским ультиматумом»⁴⁰.

Возможно, этот и другие факты разоружения кораблей российского флота в нейтральных иностранных портах не имели большого значения в глазах исследователей с точки зрения их влияния на отношения великих держав в период русско-японской войны. Тем более, что после окончания военных действий почти все интернированные корабли вступили в строй российского флота. Однако указанная проблема представляет интерес при выявлении особенностей взаимоотношений Берлина и Петербурга в период русско-японской войны. Особенно важна в рамках рассматриваемой темы позиция ведомства Тирпица в вопросе интернирования.

Появление в бухте Цзяочжоу 29 июля (11 августа) поврежденных в сражении с японским флотом русских кораблей стало неожиданностью вызвавшей серьезную озабоченность у командования германской эскадры на Дальнем Востоке. Об этом свидетельствует телеграмма начальника российской почтово-телеграфной конторы Вейнгласса, расположенной в Чифу. В Петербург сообщалось, что немцы не исключают нападения японцев на Цзяочжоу, куда на всех парах ушел германский крейсер⁴¹.

Первые дни пребывания российских кораблей в Цзяочжоу стоили нервов и сотрудникам военно-морского ведомства. Тирпиц узнал о случившемся на следующий день, получив телеграмму от заместителя губернатора Циндао. Опасаясь обострения отношений с Японией, способной расценить любые неосторожные действия Германии как несоответствующие статусу нейтралитета, он срочно созвал совещание. На нем состоялось «устное обсуждение» сложившейся ситуации⁴². Прежде чем дать указания губернатору о его дальнейших действиях, было решено обратиться за консультацией на Вильгельмштрассе. Запрос сделали от имени руководителя конструкторского отделения Р. Эйкштедта, которого прежде всего интересовал международно-правовой аспект проблемы. В частности, должны ли русские покинуть порт после проведения необходимых ремонтных работ, или следовало приступить к разоружению их судов⁴³. Ответ гласил: согласно международному праву, корабли воюющей стороны могут находиться в нейтральном порту до восстановления мореходности, после чего они в течение 24 часов должны либо покинуть свое убежище, либо подвергнуться процедуре интернирования⁴⁴.

³⁹ Vogel B. Op. cit. S. 201.

⁴⁰ Мельников Р. М. «Цесаревич». Часть 1. Эскадренный броненосец 1899-1906. СПб., 2000. С. 88.

⁴¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3081. Л. 4. Телеграмма Вейнгласса. Чифу. 30 июля (12 авг.) 1904 г.

⁴² BA-MA. RM 3/11514. Eickstedt an Staatssekretär des Auswärtiges Amtes. Berlin. 12.08.1904.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Ibid. RM 3/11514. Nuehlberg an Tirpitz. Berlin. 12.08.1904.

Судя по отчету, направленному в конце августа губернатором Циндао А. Труппелем в военно-морское ведомство, право ремонтных работ было предоставлено одному «Цесаревичу». Миноносцы решили разоружить, поскольку, как отмечал Труппель, их команды находились «в тяжелом моральном и физическом состоянии»⁴⁵. Однако дальнейшие события изменили первоначальные планы. 2 (15) августа из Берлина поступила телеграмма, в которой говорилось о распоряжении германского императора разоружить все корабли, не покинувшие порт до начала следующего дня⁴⁶.

Можно с большой долей вероятности предположить, на решение кайзера оказал влияние Тирпиц, а он не мог исключить вероятность японского нападения. Такие опасения имели под собой почву. Российский посланник в Пекине Т. С. Лессар сообщал, что, в связи с заходом «Цесаревича» в германскую бухту, Япония не сочла необходимым связаться с его немецким коллегой в Пекине. Российский дипломат сообщил также: к Цзяочжоу отправлена японская эскадра в составе 4 крейсеров и 4 миноносцев. По своей мощи она превосходила дальневосточный германский флот. Все «поражены наглостью» Японии, — писал Лессар, — и ожидают, как ответит Германия на это оскорбление»⁴⁷.

Однако решительных действий со стороны Берлина не последовало. Вечером 15 августа Труппель узнал от начальника местной почты, что командующий японской эскадры вице-адмирал С. Дева получил какое-то специальное задание. Он донес об отправке зашифрованной телеграммы на борт «Якумо», где находился штаб японского адмирала⁴⁸. Губернатор немедленно провел совещание с адмиралом Притвицем. Они приняли решение защищать русские корабли, если на них будет совершено нападение⁴⁹. Японцы были настроены не менее решительно. Токио предупредил Берлин, что эскадре Девы поручено задерживать русские корабли в случае выхода их из нейтральных портов⁵⁰. 16 августа, бросив якорь в 32 милях от Цзяочжоу, японский адмирал отправил в германскую бухту миноносец «Икацухи» с представителем своего штаба⁵¹.

Вильгельму II и Тирпицу о встрече с японцами Труппель сообщал в тот же день. О реакции руководителя военно-морского ведомства догадаться нетрудно. Кайзер же поспешил отдать приказ: «Что касается русских кораблей... они должны быть тотчас разоружены, команда интернирована»⁵². О содержании беседы японского офицера с губернатором Циндао ничего не известно. Однако, если судить по нервным действиям Берлина (как уже отмечалось, распоряжение кайзера разоружить русские корабли поступило днем раньше), она не могла носить лицепрятный характер.

Появление японского миноносца в Цзяочжоу вызвало бурное обсуждение местной прессы. Все понимали: Япония ведет себя уверенно, без особой оглядки на Берлин. Большую тревогу в германском посольстве в Токио вызвало сообщение газеты «Асахи Симбун», издаваемой в Чифу, что японцы осматривали русские корабли на предмет их разоружения. Подобные действия в нейтральном порту воюющей стороны противоречили бы международному праву. Германское посольство в Токио обратилось с просьбой к губернатору Циндао подтвердить или опровергнуть распространенное прессой сообщение⁵³. Труппелю пришлось пояснить, что японский офицер после беседы с ним посетил лишь телеграфный пункт и не осматривал русские корабли⁵⁴.

⁴⁵ Ibid. RM 3/4305. Gouverneur Truppel an Tirpitz. Tsingtau. 25.08.1904.

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. I. Д. 3081. Л. 33. Секретная телеграмма Лессара. Пекин. 05.08.1904.

⁴⁸ BA-MA. RM 3/4305. Gouverneur Truppel an Tirpitz. Tsingtau. 25.08.1904.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Ibid. RM 3/4305. Telegramm der Kaiserlichen Gesandtschaft Tokio vom 17.08.1904.

⁵¹ Ibidem.

⁵² Ibid. RM 3/4305. Kaiser an Truppel. Telegramm. Wilhelmshöhe. 16.08.1904.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Ibid. RM 3/4305. Truppel an die Kaiserliche Gesandtschaft Tokio. Telegramm. Tsingtau. 19.08.1904.

Уведомление губернатора Циндао о решении германского императора интернировать русские военные суда, если они к назначенному сроку не покинут бухту, было получено 15 августа. В тот же день командир «Цесаревича» капитан 2-го ранга Д. П. Шумов телеграфировал в Петербург, что вынужден приступить к разоружению, так как не имеет возможности выйти в море⁵⁵. О серьезных повреждениях на «Цесаревиче» свидетельствовала экспертиза состояния судна, проведенная немецкими специалистами⁵⁶. Осмотр показал, что корабль получил около 15 попаданий из 30,5 см орудий, не считая снарядов более мелкого калибра⁵⁷. В результате серьезно пострадали бронепалуба, командирская рубка, дымовые трубы, котлы. Два снаряда угодили в подводную часть корабля, повредив броневые плиты. Через пробоины вода затопила одно из отделений. В результате корабль получил 150 тонн воды. Кроме того, в бою были ранены или убиты все офицеры. Получил ранение и командир — капитан 1-го ранга Н. М. Иванов⁵⁸. Команда пребывала в подавленном настроении.

С российской стороны описание повреждений броненосца было сделано офицерами корабля под руководством старшего офицера капитана 2-го ранга Максимова и опубликовано Р. М. Мельниковым. Как оказалось, несмотря на повреждения, «Цесаревич» сохранил боеспособность. Все орудия корабля остались целы. Имелось и достаточное количество материалов, чтобы заделать пробоины от снарядов. Автор исследования о «Цесаревиче» полагает, что корабль мог либо уйти на юг и там в районах французских колоний дожидаться прихода 2-й Тихоокеанской эскадры, либо попытаться совершить прорыв во Владивосток. По мнению Р. М. Мельникова, не стоило заходить в Циндао, где немцы могли ремонт и не разрешить, «изображая нейтралитет». Будучи уже в немецкой бухте, командир и его штаб не нашли в себе сил, чтобы не допустить разоружения броненосца. Вместо решительных действий, заключил военный историк, Иванов и Матусевич уклонились от всяких инициатив и отошли от дел⁵⁹.

Между тем Притвиц, посетивший броненосец, доложил Вильгельму II, что моряки находятся под впечатлением тяжелых потерь, их нервы напряжены. Некоторые апатичны ко всему происходящему. Правда, кайзеровский адмирал отдал должное мужеству офицеров. Несмотря на ранения, большинство из них отказалось лечь в лазарет, продолжая нести службу⁶⁰. Из бесед с членами команды Притвицу стало ясно, что порт-артурская эскадра была плохо подготовлена к боевым действиям. Так, «Цесаревич» не делал тренировочные выходы в море, не проводил артиллерийские торпед. Мало внимания уделялось учебной стрельбе из орудий, она часто подменялась всевозможными работами на корабле. «Только адмиралу Макарову удалось поднять дух, пробудить усердие. После его смерти все стало на прежние места»⁶¹.

15 августа на всех судах были спущены флаги и вымпелы. Началась процедура интернирования, о чем было немедленно сообщено в Берлин и германские посольства в Токно и Пекин⁶².

Специальный приказ губернатора Циндао № 1 относительно русских военных кораблей определил содержание мероприятий по интернированию⁶³. С данной целью броненосец «Цесаревич» и миноносцы передавались губернатору Циндао и специаль-

⁵⁵ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3081. Л. 15. Телеграмма капитана 2-го ранга Д. П. Шумова генерал-адмиралу Великому князю Алексею Александровичу. Циндао. 2 (15) августа 1904 г.

⁵⁶ Экспертиза о состоянии «Цесаревича» была проведена корабельными инженерами Брейманом и Винтером под руководством капитана 2 ранга Функе. См.: ВА-МА. RM 3/4305. Gutachten über Zustand des Linienschiffes Zessarewitsch, das am 11. August 1904 in den Hafen von Tsingtau einlief. Tsingtau. 15.08.1904.

⁵⁷ Авторы «Истории русско-японской войны» говорят о 9 попаданиях снарядов. См.: История русско-японской войны. С. 197.

⁵⁸ Там же. С. 196-197.

⁵⁹ Мельников Р. М. Указ. соч. С. 87.

⁶⁰ ВА-МА. RM 3/4311. Prittwitz an Wilhelm II. Tsingtau. 01.09.1904.

⁶¹ Ibidem.

⁶² Ibid. RM 3/4305. Truppel an Wilhelm II. Telegramma. Tsingtau. 15.08.1904.

⁶³ Ibid. RM 3/4305. Sonderbefehl Nr. 1 betr. russische Kriegsschiffe. Tsingtau. 15.08.1904.

ной команде под управлением фрегат-капитана Якобсона. В приказе говорилось о необходимости уважать национальные чувства русских. Офицерам сохранялось личное оружие. Оружие было оставлено и для обеспечения охраны кораблей. С орудий снимались важнейшие части, подлежали демонтажу торпедные боеголовки, изымались легко воспламеняющиеся вещества, другое военное снаряжение. Заслуживает внимания один из пунктов приказа, где говорилось о том, что разобранные важнейшие детали следует разместить в одном месте с тем, чтобы «в случае необходимости можно было восстановить работу машин»⁶⁴.

Следующий приказ губернатора гласил: команды интернированных судов должны находиться непосредственно на кораблях. Позже, по просьбе России, германское правительство приняло специальное решение не свозить команды на берег⁶⁵. Всякое «неделовое» общение запрещалось. Связь между судами следует осуществлять только для передачи почты, доставки питания, для нужд больных и раненых. Все передвижения по городу осуществлялись лишь при наличии соответствующих сопроводительных документов⁶⁶. Спустя некоторое время, опять-таки приказом губернатора, определился порядок предоставления отпусков. Днем до захода солнца разрешалось выходить в город 100 матросам с «Цесаревича» и по 10 человек с каждого миноносца. В случае появления в бухте других русских или японских военных судов все отпуска прекращались, в силу вступал приказ № 2, устанавливающий строгие запреты⁶⁷.

С офицеров штаба была взята подписка о невыезде из Циндао без разрешения германского правительства⁶⁸. В этой связи возникли сложности с лечением раненых офицеров и вывозом их для этой цели из Китая. Одним из первых с такой проблемой столкнулся капитан 1-го ранга Иванов. Управляющий морским министерством Ф. Авелан вынужден был обратиться к В. Н. Ламздорфу, чтобы министерство иностранных дел по дипломатической линии ходатайствовало перед германским правительством о выезде из Циндао командира «Цесаревича»⁶⁹. Вскоре понадобилось разрешение на выезд другим больным и раненым офицерам, в том числе и контр-адмиралу Н. А. Матусевичу.

Следует отметить, что германское военно-морское ведомство, через которое проходили все подобные просьбы, в общем, не препятствовало выезду раненых офицеров. Тем не менее, в каждом случае приходилось пройти довольно сложную процедуру согласования, включая обращение в германское внешнеполитическое ведомство.

О том, на каких условиях разрешался выезд, можно судить по письму Тирпица Матусевичу (содержание послания Берлин попросил сохранить в строгой тайне)⁷⁰. Тирпиц пожелал скорейшего выздоровления русскому адмиралу и подчеркнул: «...препятствий для продолжения Вашего отпуска не имеются до полного... выздоровления и этим не нарушаются международные права, так как Вы обязались больше не принимать участия в русско-японской войне»⁷¹.

По мере обострения англо-германских противоречий, в русском морском министерстве стали вынашиваться планы восстановления боеспособности «Цесаревича». Еще в августе 1904 г. приказом губернатора Циндао предусматривалось выполнение на броненосце некоторых видов ремонтных работ⁷². Одним из инициаторов данного

⁶⁴ Ibidem.

⁶⁵ О том, что для решения оставить команды на кораблях понадобилось согласие Вильгельма II, свидетельствует телеграмма русского морского агента Долгорукого из Берлина от 28 августа 1904. См.: РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1 Д. 3081. Л. 42.

⁶⁶ BA-MA. RM 3/4305. Sonderbefehl Nr. 2. betr. russische Kriegsschiffe. Tsingtau. 16.08.1904.

⁶⁷ Ibid. Sonderbefehl Nr. 6. Tsingtau. 22.08.1904.

⁶⁸ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3081. Л. 49. Телеграмма капитана 1-го ранга Эбергарда — Вирениусу. Харбин. 3 (16) сент. 1904 г.

⁶⁹ Там же. Л. 52. Авелан — министру иностранных дел Ламздорфу. Санкт Петербург. 5 (18) сент. 1904 г.

⁷⁰ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3081. Л. 105. Ламздорф — Авелану. 4 марта 1905 г.

⁷¹ Там же. Л. 106–107. Тирпиц — Матусевичу. Берлин. 2 марта 1904 г.

⁷² BA-MA. RM 3/305. Sonderbefehl Nr. 6. Tsingtau. 22.08.1904.

проекта был управляющий морским министерством Авелан. По его докладу приняли решение подготовить броненосец «для плавания и для вступления в бой... если работы эти будет разрешено произвести германскими властями»⁷³. Переговоры поручалось вести на месте капитану 2-го ранга Шумову⁷⁴. Вскоре от командира «Цесаревича» пришел ответ: «Германские власти неофициально разрешили производить дальнейшие работы»⁷⁵. Трудно представить, будто такое решение можно принять без согласования с кайзером и морским министерством. Хорошо видно, что Труппель все свои шаги координировал в Берлине.

Оценивая действия немецких властей в Китае по вопросу разоружения российских военных судов, необходимо отметить, что они не были однозначными. Германия, в ведении которой находилась китайская бухта, демонстрировала строгое соблюдение норм международного права и в целом отсутствие всякого желания ссориться с Японией и ее сильной союзницей из-за России. Такая тактика, бесспорно, явилась отражением общеполитической линии, прописанной руководителем военно-морского ведомства в его теории «опасной зоны». История с интернированием российских военных судов не являлась исключением. «В 1904 году, — вспоминал Тирпиц, — мы должны были избегать всякого случая, способного послужить поводом к войне для наших врагов, ибо в то время мы не были способны к войне с Англией»⁷⁶. По всей видимости, и в случае с интернированием он призывал кайзера к осторожности, предупреждая о возможных последствиях втягивания Германии в конфликт с Японией.

О том, что при столкновении с Англией воевать придется и с ее союзницей на Дальнем Востоке, в военно-морском ведомстве не сомневались. Тот же Гееринген, ближайший сотрудник Тирпица, руководивший тогда специальной комиссией по оценке боеспособности германского флота, заключил в середине декабря 1904 г.: Япония, как очевидный враг Германии, уже «вынула меч из ножен» и готова к войне⁷⁷.

Однако по мере обострения отношений с «владычицей морей» и попыток заключения на их фоне союза с Россией проблема «Цесаревича» стала выходить за рамки простого соблюдения германской стороной норм международного права. Документы военно-морских ведомств Германии и России свидетельствуют об определенной лояльности германской стороны к русским морякам. Она просматривается в действиях губернатора Циндао, а также и Тирпица, не препятствовавшего выезду на лечение раненым русским офицерам. Такая тактика Берлина больше напоминала отношения потенциальных союзников, и ей возможно объяснение. Во-первых, демонстрировалась готовность Берлина к более тесным отношениям с Петербургом, особенно в связи с Гульским инцидентом и последующим обострением англо-германских отношений. После перечисленных событий вероятность втягивания Германии в русско-японский конфликт возросла, создавая благоприятную почву для начала переговоров о союзе. Во-вторых, в случае конфликта с Японией и Великобританией современный броненосец мог оказаться полезен при обороне Циндао. Как можно оценить иначе согласие Берлина не препятствовать восстановительным работам на «Цесаревиче»?

3. План командировки морского атташе Гинце на Дальний Восток

Царь был готов принять помощь Вильгельма II. Она имела большое значение для России, особенно в условиях, когда Франция практически отвернулась от своей союзницы. Как демонстрацию «морского братства» двух стран можно расценить предложе-

⁷³ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3081. Л. 88. Вирениус в Главное Управление Кораблестроения и Снабжения. С. Петербург. 11 янв. 1905 г.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. Капитан 2-го ранга Шумов — Вирениусу. Циндао. 12 янв. 1905 г.

⁷⁶ Тирпиц А. Воспоминания. С. 284.

⁷⁷ *Schlufvotum des Vorsitzenden der Kommission zur Prüfung und Verbesserung der Kriegsbereitschaft der Marine, Kapitän z. S. v. Heeringen. 14.12.1904 // Berghahn V. R., Deist W. Op. cit. S. 312.*

ние германскому морскому атташе отправиться с Балтийской эскадрой к театру боевых действий. О том, что это был хорошо продуманный шаг, сомневаться не приходится. Присутствие на флагманском корабле русской эскадры высокопоставленного немецкого офицера продемонстрировало бы японскому противнику, а также Англии и Франции, политическую и моральную поддержку Берлина. Приглашение было озвучено 6 апреля 1904 г. Рождественским — сторонником сближения с Германией, хорошо знавшим Гинце⁷⁸. На этот раз в германском военно-морском ведомстве отнеслись к предложению из Петербурга более внимательно, чем к проекту совместных флотских маневров накануне войны.

Следует заметить, что англичане уже сделали подобный шаг, прикомандировав к штабу адмирала Того, своего представителя. Если верить Тирпицу, именно присутствие английского морского офицера⁷⁹ на флагмане Соединенного флота позволило одержать японцам победу во время боя у Порт-Артура. Англичанин будто бы убедил Того, намеренного прервать бой, сразаться дальше⁸⁰.

Заявление Рождественского сильно удивило Гинце. Он даже засомневался, правильно ли понял контр-адмирала. «Да-да, сообщите Его Величеству кайзеру, — повторил Рождественский, — что я хочу пригласить Вас вместе со мной и моим штабом идти в Восточную Азию»⁸¹. Гинце поспешил передать Тирпицу важную информацию. «Это редкий шанс, — писал он ему, — побольше узнать о русском флоте». Такая командировка дает возможность «приобрести военный опыт». Предупреждая возможные сомнения начальства в отношении своей кандидатуры, Гинце просил не посылать другого офицера. Он понимал, что его статус как морского атташе требует постоянного присутствия в столице страны пребывания. Тем не менее он желал лично отправиться в далекое плавание. «Если этот офицер и получит приглашение (российской стороны — С. Ш.), ему неизвестен ни командный состав флота, ни идущие в поход корабли... Присутствие морского атташе при имперском посольстве в Санкт-Петербурге после ухода Балтийской эскадры станет ненужным, так как оставшийся здесь флотский персонал и военно-морские силы не способны к каким-либо другим действиям, кроме как обороны побережья...». К тому же «подробности военного управления, ежедневные события, высказывания и практические дела высокопоставленных офицеров при штабе эскадры — всю эту информацию можно получить быстрее, точнее и подробнее, чем находясь в Петербурге»⁸².

Так строил Гинце аргументацию в пользу принятия решения о его отправке. Тирпиц, судя по «Воспоминаниям», также оказался сторонником путешествия морского атташе⁸³. На запрос относительно ответа Рождественскому кайзер начертил на полях донесения: «да», «согласен»⁸⁴. Как можно убедиться, и для германской стороны проект Петербурга имел определенный смысл. Тем более, что подобное решение было принято и в отношении германского морского атташе в Токио К. Труммлера. 5 марта его

⁷⁸ BA-MA. RM 5/1438. Hintze an Tirpitz. 07.04.1904.

⁷⁹ Со ссылкой на издаваемую в Гонгконге «South China Morning Post» от 31 марта 1904 г. Притвидж сообщил кайзеру об участии английского военно-морского атташе в Токио Трубриджа (Troubridg) в японском нападении на Порт-Артур. См.: BA-MA. RM 3/4302. Prittwitz an Wilhelm II. Hongkong. 31.03.1904. К этому следует заметить, что наблюдателем на броненосце «Асахи» во время сражения при Цусиме был капитан 1-го ранга Пэкингхэм. См.: Грибовский В. Ю., Познахирев В. П. Указ соч. С. 277.

⁸⁰ Тирпиц А. Воспоминания. С. 198. Тирпиц не называет имени офицера, а также даты сражения у Порт-Артура. Возможно, речь идет о попытке прорыва порт-артурской эскадры под командованием адмирала Витгефта 25 июля (7 августа) 1904 г. О намерениях японского адмирала Того выйти из боя из-за повреждений флагманского корабля и большого расхода боеприпасов см. также: История русско-японской войны. С. 194-195.

⁸¹ BA-MA. RM 5/1438. Hintze an Tirpitz. 07.04.1904.

⁸² Ibidem.

⁸³ Тирпиц А. Воспоминания. С. 198.

⁸⁴ BA-MA. RM 5/1438. Hintze an Tirpitz. 07.04.1904.

прикомандировали в качестве представителя штаба Адмиралтейства к главной военной квартире японского флота. Хотя Трумmlер и не находился на морском театре военных действий, его донесения имели большую ценность для Берлина⁸⁵. В марте 1904 г. адмирал Притвиц вступил в переговоры с прибывшим на Дальний Восток адмиралом Макаровым о командировке двух германских морских офицеров в Порт-Артур. 29 марта Макаров сообщил о готовности принять немецких наблюдателей. Было решено, что офицеров доставит в Порт-Артур между 11 и 13 апреля малый крейсер «Гейер». О принятом решении Притвиц телеграфировал германскому посланнику в Токио, чтобы тот немедленно проинформировал японское правительство⁸⁶.

Подробности новой встречи между Гинце и Рожественским, состоявшейся 25 апреля, неизвестны. Морской атташе сообщил, что на его согласие адмирал ответил пожатием руки и вновь повторил приглашение. На вопрос о времени выхода эскадры последовал ответ: середина или конец августа⁸⁷. Оставалось только найти кандидатуру на выполнение обязанностей морского атташе. В конечном итоге на время отсутствия Гинце в Петербурге полномочия морского атташе при германском посольстве решили передать капитану 1-го ранга барону М. Шиммельману⁸⁸.

Вторая Тихоокеанская эскадра отправилась в путь только 2 (15) октября. При штабе ее командования Гинце не оказалось. О причинах такого поворота событий косвенно можно судить по донесению в военно-морское ведомство капитана 1-го ранга Пусту. Последний находился в Либаве и Ревеле в служебной командировке⁸⁹ и встречался с Рожественским накануне его отплытия на театр боевых действий. В беседе, длившейся около часа, командующий выразил искреннее сожаление по поводу отсутствия при его штабе представителя германского флота⁹⁰. При этом, по словам Пусту, он «всячески подчеркивал общность интересов русского и германского флотов по спорным вопросам международного морского права, таким как задержка, обыск, конфискация и возможность уничтожения нейтральных судов, определение понятия контрабанда, использование торговых судов в качестве вспомогательных крейсеров, остановка, пополнение запасов и ремонт в нейтральных портах»⁹¹.

Итак, Вильгельм II изменил свое решение. Интересно: в своих мемуарах Тирпиц не упоминает о предварительном согласии кайзера на отправку Гинце с русской эскадрой. Он лишь обмолвился об отказе от посылки Гинце с Рожественским, которая «не соответствовала нейтралитету»⁹². Возможно, на императора в этом вопросе оказал давление Бюлов, в силу так называемой теории «опасной зоны» не желавший давать Великобритании лишнего повода для недовольства. Вполне вероятно, что и Тирпиц придерживался того же мнения. К указанному следует добавить: командировка Гинце становилась чрезвычайно опасной. От согласия кайзера на путешествие атташе до выхода эскадры в море прошло много времени. За этот период русские потеряли почти весь Тихоокеанский флот, проиграли сухопутную битву под Ляояном. В тяжелом положении находился осажденный японцами Порт-Артур. Уже не вселяла оптимизма и боеспособность готовящихся к отплытию кораблей, призванных дать решающее сражение японцам.

⁸⁵ Необходимо отметить, что начальник штаба Адмиралтейства адмирал В. Бюксель настоял на ограничении служебных поездок Трумmlера по делам военно-морского ведомства с тем, чтобы они не могли повлиять на его деятельность при главной военной квартире японского флота. См.: K. V. Giessler Op. cit. S. 92-93.

⁸⁶ BA-MA. RM 3/4302. Prittwitz an Wilhelm II. Hongkong. 31.03.1904.

⁸⁷ Ibid. RM 5/1438. Hintze an Tirpitz. 25.04.1904.

⁸⁸ Ibid. RM 3/10264. Pustau an RMA. Berlin. 08.10.1904.

⁸⁹ Свои впечатления о посещении Либавы и Ревеля Пусту опубликовал в трех номерах «Berliner Lokal Anzeiger». Вместе с газетными публикациями немецкий морской офицер направил 8 октября 1904 г. в военно-морское ведомство «совершенно-секретный» отчет о пребывании в русских портах. См.: BA-MA. RM 3/10264. Pustau an RMA. Berlin. 08.10.1904.

⁹⁰ BA-MA. RM 3/10264. Pustau an RMA. Berlin. 08.10.1904.

⁹¹ Ibidem.

⁹² Тирпиц А. Воспоминания. С. 198.

Как сообщил Гинце в военно-морское ведомство, он и его коллеги, а именно шведский, французский и английский военно-морские атташе в Петербурге, пришли к единому мнению в оценке перспектив похода Рождественского. Во-первых, эскадра отправилась в плавание без предварительной подготовки «как персонала, так и материала». Во-вторых, представлялось маловероятным, что военные суда вовремя подоспеют к театру боевых действий в условиях все усиливающегося нейтралитета держав. Наконец, если все-таки эскадра доберется до места, ее шансы на успех чрезвычайно малы⁹³. Еще более критичные высказывания в адрес русского флота можно было услышать и от других морских экспертов. Так, Пустау, беседуя в Либаве и Ревеле с некоторыми русскими моряками, не получил благоприятных впечатлений⁹⁴. Вывод, сделанный им в результате визита в Россию, сводился к следующему: «Между поражениями на Дальнем Востоке и низким моральным духом в широких кругах офицерского корпуса нет связи... Русский военно-морской флот в его теперешнем состоянии не может рассматриваться ни как равноценный противник, ни как надежный союзник»⁹⁵.

Правда, от планов командировки Гинце на Дальний Восток окончательно не отказались. В германских правящих кругах еще, видимо, сохранялась надежда на успех Рождественского. Когда 1 (14) мая 1905 г. кайзер и его свита во время морского путешествия получили известие о соединении эскадр Н. И. Небогатова и Рождественского вблизи бухты Ван-Фонг (26 апреля (9 мая)), адмирал Мюллер записал в своем дневнике: «Сердечные пожелания русским и долгие спекуляции о средствах и путях успеха»⁹⁶. Только после Цусимы Берлин окончательно признал поездку Гинце нецелесообразной, о чем и сообщил в телеграмме на его имя 15 мая 1905 года⁹⁷.

Таким образом, очередной этап «опасной зоны», связанный с командировкой Гинце на Дальний Восток, Бюлов и Тирпиц прошли успешно. Нетрудно представить реакцию Великобритании на известие о присутствии на флагмане Балтийской эскадры, посланной для уничтожения японского союзника, германского атташе. Однако, чем больше Россия увязала в конфликте, тем труднее было Берлину маневрировать в «опасной зоне». Как оказалось, русское военно-морское присутствие на Балтике имело для Германии большее значение, чем казалось раньше. В ведомстве Тирпица увидели, наконец, в русском флоте силу, способную при определенных обстоятельствах сдерживать англичан. Симптоматично, но именно с отплытием в октябре 1904 г. Второй Тихоокеанской эскадры в Англии усилились антигерманские настроения. Факт же снабжения углем эскадры Рождественского немецкой пароходной компанией «ГАПАГ» вызвал в английском обществе стойкую аллергию ко всему связанному с Германией и ее флотом.

4. Гульский инцидент и поставки угля для эскадры Рождественского

Принято считать, что Гульский инцидент⁹⁸ положил начало обострению англо-германских отношений в годы русско-японской войны. Как известно, в ночь на 8 (21) октября 1904 г. эскадра Рождественского обстреляла английские рыболовецкие шхуны,

⁹³ Hintze an Tirpitz. St. Petersburg. 25.10.1904 // Paul von Hintze. S. 140.

⁹⁴ Капитан-лейтенант с «Сисоя Великого», по сообщению Пустау, жаловался, что служба на кораблях эскадры длится почти полный день — с 8 до 11 и с 14 до 18 часов и часто продолжается ночью. Русского морского офицера «беспокоили не мысли о достижении победы, а недостаток запасов продовольствия в длительном походе. Трудности получения в пути писем из дома. Два других офицера и инженер-механик, с половины девятого утра до позднего вечера проводившие время в ресторане моего отеля в Либаве, правда это было в воскресный день, утверждали категорично, что «Олег» и «Измруд» являются броненосными крейсерами». См.: BA-MA. RM 3/10264. Pustau an RMA. Berlin. 08.10.1904.

⁹⁵ BA-MA. RM 3/10264. Pustau an RMA. Berlin. 08.10.1904.

⁹⁶ Der Kaiser. S. 62.

⁹⁷ Giessler K. V. Op. cit. S. 93.

⁹⁸ От названия английского порта Гуль, к которому были приписаны рыболовецкие суда.

приняв их в тумане за японские миноносцы⁹⁹. В действительности, антигерманская кампания началась гораздо раньше. Так, в середине июля 1904 г. английская «Times» поставила вопрос о пересмотре той части морского права, где говорилось о снабжении углем флотов воюющих стран морским транспортом нейтральных государств. Подчеркивалось, что в конкретном случае обеспечения немецкой фирмой Балтийской эскадры по пути следования Россия получала одностороннее преимущество¹⁰⁰.

Нельзя сказать, будто на Вильгельмштрассе не осознавали опасности планируемой сделки. Однако желание политически привязать к себе Россию оказалось сильнее. Внешне все выглядело благопристойно. Официальные Берлин и Петербург не имели никакого отношения к договору о поставке угля и транспорта в нейтральных портах. Он был заключен частными компаниями — немецкой пароходной компанией «ГАПАГ»¹⁰¹ и петербургской торговой фирмой «С. Wachter & Co». Может показаться странным, но в договоре не фиксировались прямые обязательства по снабжению углем кораблей русского флота. Как позже отмечалось владельцами «ГАПАГ», особенность соглашения состояла исключительно в необычно больших объемах морских перевозок и солидной гарантии точного выполнения столь сложной программы. Какие-то особые условия, связанные, например, с опасностью нападения японцев на угольные транспортные суда, не оговаривались¹⁰².

Обстрел английских рыбаков в районе Доггер-банки, по мнению авторов одного из последних исследований биографии Рождественского, лежит на совести командующего эскадрой. Он был уверен, хотя и не без влияния агентурных донесений русской разведки из Копенгагена, что японские миноносцы могут атаковать его эскадру уже в Балтийской проливной зоне¹⁰³.

В ведомстве Тирпица случившееся вызвало немалую досаду. Никто не мог предположить, будто инцидент подобного рода может спровоцировать масштабный конфликт. Поэтому там очень хотели верить в то, что снаряды броненосцев Рождественского летели все-таки в японцев, а не в английских рыбаков. К тому же русский морской агент в Лондоне И. Ф. Бострем клялся своим коллегам из Германии и Австрии, что факт патрулирования Северного моря шестью японскими миноносцами подтверждает самый надежный источник¹⁰⁴.

Германский военно-морской атташе К. Кёрпер провел собственное расследование инцидента. Понимая, что переброска кораблей с Дальнего Востока — задача почти невыполнимая, он высказал предположение о их спуске со ступелей английских судостроитель-

⁹⁹ Сообщение З. П. Рождественского о встрече японских миноносцев расценивалось в германском Адмиралтействе как несоответствующее действительности. Предположительно речь могла идти о русских миноносцах, по которым был ошибочно открыт огонь. См.: BA-MA. RM 5/887. Zum Immediatvortrag. Berlin. 05.11.1904; Очередной доклад Адмиралтейства кайзеру по проблеме Гульсского инцидента строился на донесении германского морского атташе в Лондоне Кёрпера. Русские могут доказать, доносил он после встречи с русским морским агентом Бостремом, что в одном из рыболовецких судов были проделаны отверстия для торпед. Эти события можно связать с информацией, что фирма «Ярроу» заложила судно типа «Каролина», которое в дальнейшем бесследно исчезло. Правда, следует иметь в виду сообщение прессы о том, что один из сотрудников японского посольства в Лондоне говорил о продаже двух английских миноносцев России. Можно предположить, что именно один из них наблюдали с «Авроры». Миноносец шел тем же курсом, что и эскадра, и его ошибочно приняли за японский корабль. См.: BA-MA. RM 5/888. Zum Immediatvortrag. Berlin. 13.02.1905.

¹⁰⁰ BA-MA. RM 3/4304. Metternich an Bulow. London. 16.07.1904.

¹⁰¹ Следует заметить, что поставка угля являлась не первой сделкой германской пароходной компании с Петербургом. В начале русско-японской войны «ГАПАГ» продал России 4 парохода по 12 тысяч тонн водоизмещением каждый для ведения крейсерской войны. Сделка была организована великим князем Александром Михайловичем, на которого царь возложил задачу организации борьбы с военной контрабандой. См.: Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. 2 изд. М., 2001. С. 211.

¹⁰² BA-MA. RM 3/4310. Die Ausfuhrung der von der Hamburg-Amerika Linie abgeschlossenen Verträge zur Versorgung der russischen Kriegsflotte mit Kohlen. Hamburg. 12.01.1906.

¹⁰³ Грибовский В. Ю., Познахирев В. П. Указ. соч. С. 189.

¹⁰⁴ BA-MA. RM 3/4305. Coerper an Tirpitz. London. 05.11.1904.

ных фирм. Однако Кёрперу не удалось обнаружить факты, позволяющие подтвердить эту версию¹⁰⁵. Обстановка накалилась до предела. Часть английской прессы требовала от правительства возвратить «эскадру бешеной собаки» и передать суду ее командующего¹⁰⁶.

В январе 1905 г. руководство «ГАПАГ» якобы из «достоверных источников» получила информацию о том, будто японскому флоту был отдан приказ рассматривать немецкие транспорты как русские. Сведения дополнялись данными о том, что в Индийском океане уже находятся готовые к атаке японские корабли¹⁰⁷. Можно предположить: подобную информацию «ГАПАГ» мог получить из Адмиралтейства. По крайней мере, в докладе кайзеру начальник морского штаба адмирал Бюксель высказал предположение, будто японские вспомогательные крейсера «Гонгонг Мару» и «Ниппен Мару», замеченные в конце декабря в Сингапуре, могли выбрать для мишени угольную флотилию. «Угольщики» якобы спасло то, что они вовремя остановились и ушли на север. Таким образом, японцы могут обращаться с русским угольным транспортом как с частью флота противника и наносить удары по всей трассе продвижения эскадры от самого Зунда¹⁰⁸.

Проблема дальнейшего обслуживания немецкими «угольщиками» похода Рождественского нашла отражение в донесении Гинце от 11 января 1905 года¹⁰⁹. Морской аташе склонялся к тому, чтобы решить ее в пользу русских. По его мнению, Россия вряд ли бросит на произвол судьбы угольные транспорты, поскольку осложнение германо-японских отношений способно привести к вмешательству английского флота. Тогда результат военной кампании был бы предопределен в пользу Японии. Другое дело, рассуждал Гинце, если бы на месте германских судов оказались французские. Франко-японский конфликт на руку Петербургу. Однако в Париже не хотели рисковать¹¹⁰. Когда корабли Рождественского бросили якорь у Мадагаскара, французы попросили покинуть остров как можно скорее, якобы по причине наступающей непогоды¹¹¹.

Чтобы не допустить обострения ситуации, Гинце высказался за то, чтобы предложить русским выкупить у «ГАПАГ» угольную флотилию. В случае благополучного исхода дела за немецкой пароходной компанией оставалось право обратного приобретения своих судов¹¹². Идею поддержали и в Адмиралтействе — после того, как владельцы «ГАПАГ» проинформировали Бюкселя о своих планах отправить часть судов к о. Чусан и там передать их Рождественскому. «Возможно, это следует сделать официально, — подчеркивалось в докладе начальника военно-морского штаба кайзеру, — так как на театре военных действий понятие транспорт противника распространяется на все корабли и они могут быть атакованы даже в нейтральных портах»¹¹³.

Бюксель не мог скрыть раздражения планами русских. Ему казалось, будто российский Главный морской штаб сознательно завышает объем угольных поставок. Исходя из расчета (4 тыс. морских миль), на все путешествие Рождественскому достаточно 8 транспортов и 40 тыс. тонн угля, правда, при условии, что бункеры кораблей также будут заполнены топливом. «Либо русские что-то темнят в отношении направ-

¹⁰⁵ Ibidem.

¹⁰⁶ Грибовский В. Ю., Познахивев В. П. Указ. соч. С. 194.

¹⁰⁷ BA-MA. RM 3/4310. Die Ausführung der von der Hamburg-Amerika Linie abgeschlossenen Verträge zur Versorgung der russischen Kriegsflotte mit Kohlen. Hamburg. 12.01.1906.

¹⁰⁸ BA-MA. RM 5/888. Zum Immediatvortrag. Berlin. 26.01.1905.

¹⁰⁹ Ibid. RM 3/4306. Hintze an Tirpitz. 11.01.1905.

¹¹⁰ По воспоминаниям участника русско-японской войны Г. К. Графа, ни одна из нейтральных держав не относилась к России так недружелюбно, как Франция: «Русским кораблям, ради соблюдения «строжайшего нейтралитета», ни под каким видом не позволяли оставаться больше 24 часов на «дружественном рейде» и «покорно просили» уйти, «во избежание каких либо международных конфликтов». См.: Граф Г. К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. 2-е издание. СПб., 1997. С. 380.

¹¹¹ BA-MA. RM 3/4306. Hintze an Tirpitz. 11.01.1905.

¹¹² Ibidem.

¹¹³ BA-MA. RM 5/888. Zum Immediatvortrag. Berlin. 26.01.1905.

ления движения, либо их заявления о потребностях в угле — ложь», — писал немецкий адмирал¹¹⁴. Видимо, расчет, предполагал глава Адмиралтейства, заключается в том, что даже после захвата какая-то часть транспорта все равно доберется до очередного нейтрального порта. Такие планы меньше учитывают возможности противника и больше рассчитаны на гостеприимство нейтральных государств¹¹⁵. «Если подобные представления будут положены в основу действий адмирала Рождественского..., то это вызывает у меня большие сомнения в их эффективности», — резюмировал Бюксель¹¹⁶.

28 января владельцы немецкой пароходной компании выразили сомнения в допустимости дальнейшего плавания угольных судов от Мадагаскара дальше, в Индокитай. В этой связи прозвучало предложение выкупить угольный флот, чтобы дальнейший путь продолжался под российским флагом и с русскими командами. Идея была отвергнута Рождественским ввиду невозможности защитить суда от японцев. Адмирал питал надежду на то, что немецкие транспорты, идущие под нейтральным флагом, не подвергнутся нападению. В итоге «угольщики» поддались уговорам и транспорты благополучно дошли до берегов Индокитая. Там они бросили якорь в бухте Камранг¹¹⁷. Дальше на север эскадра шла уже без сопровождения угольной флотилии.

Впоследствии, давая оценку действиям Рождественского накануне Цусимского сражения, адмирал Н. И. Небогатов говорил: после Камранга его корабль взял на борт такое количество угля, что броневой пояс практически оказался под водой. В результате перегрузки топливом ход эскадры уменьшился до скорости торговых судов, и она потеряла всякую маневренность¹¹⁸.

Гульский инцидент вызвал гнев англичан и по отношению к «ГАПАГ». Пострадали и сотрудничавшие с немецкой пароходной компанией английские предприятия, деятельность которых была приостановлена¹¹⁹. Берлин, казалось, приблизился к тому, чтобы дрогнуть. Гинце, вернувшись в Петербург из командировки к берегам Черного моря, обнаружил, что в германском посольстве прослеживалась тенденция к заключению мира, по крайней мере желание воздействовать на русское правительство в пользу принятия решения об отзыве эскадры Рождественского¹²⁰. Такая политика удивила его, она явно противоречила директивам военно-морского ведомства о способствовании наступательной активности русского флота против японцев¹²¹. Аташе решил прояснить ситуацию в военно-морском ведомстве¹²². Ответ Тирпица не был четким. По его мнению, те директивы, которые, согласно указаниям канцлера, устно были переданы Гинце, не относятся к вопросам войны и мира. Область политики вне компетенции его учреждения. Просто речь шла о том, что идет война и что в большей степени отвечает военным интересам Германии¹²³.

В феврале 1905 г. гражданский лорд Адмиралтейства Артур Ли перешел к открытым угрозам, заявив: «британский флот готов первым нанести удар прежде, чем другая сторона получит время прочесть в газетах об объявлении войны»¹²⁴. По мнению российского исследователя Д. В. Лихарева, угроза Ли была вполне реальна. Так, еще в

¹¹⁴ Ibidem.

¹¹⁵ Как только произошел инцидент, в бухте Виго испанские власти наложили запрет на загрузку углем пяти германским пароходам. См.: В. Ю. Грибовский, В. П. Познахирев. Указ. соч. С. 194.

¹¹⁶ BA-MA. RM 5/888. Zum Immediatvortrag. Berlin. 26.01.1905.

¹¹⁷ Ibid. RM 3/4310. Die Ausführung der von der Hamburg-Amerika Linie abgeschlossenen Verträge zur Versorgung der russischen Kriegsflotte mit Kohlen. Hamburg. 12.01.1906.

¹¹⁸ St. Petersburg Zeitung. 15/28 Februar 1906.

¹¹⁹ Paul von Hintze. S. 143.

¹²⁰ BA-MA. RM 3/4. Hintze an Tirpitz. St. Petersburg. 11.01.1905.

¹²¹ Ibid. N 253/21. Hintze an Tirpitz. St. Petersburg. 21.12.1904.

¹²² Ibid. RM 3/4. Hintze an Tirpitz. St. Petersburg. 11.01.1905.

¹²³ Ibid. RM 3/4. Tirpitz an Hintze. Berlin. 23.01.1905.

¹²⁴ Цит по: Шапило К. Ф. Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны (1906-1914 гг.). М., 1968. С. 32.

середине ноября 1904 г. в Берлине узнали от морского атташе Кёрпера, что англичане проводят военную игру, имитирующую войну Германии против Великобритании¹²⁵. А в конце ноября первый морской лорд адмирал Фишер обратился к английскому королю Эдуарду VII с предложением уничтожить германский флот¹²⁶.

История с поставками угля для эскадры Рождественского продемонстрировала факт озабоченности военно-морского ведомства сделкой немецкой пароходной компании с русским правительством. Не было от нее в восторге и руководство Адмиралтейства. Донесения морского атташе из Петербурга свидетельствуют о несклонности ведомства Тирпица выбирать между угрозами англичан и рискованными внешнеполитическими проектами кайзера Вильгельма II. Тирпиц был готов любой ценой погасить гнев «владычицы морей», даже ценой расторжения угольного договора с русскими.

5. Дискуссия по проблеме германо-русского союза

Обстрел английских шхун перевел разговоры о германо-русском союзе в практическую плоскость. Однако Тирпиц вновь выступил против заключения союза с Россией. Теперь адмирал обосновывал свою позицию не только ссылкой на вероятные осложнения с Англией, но и отсутствием русского флота на Балтике. «В случае же войны с Англией, — вспоминал Тирпиц, — при нашем еще не развитом флоте, к тому же лишенном тогда поддержки русского Балтийского флота, нам пришлось бы расплачиваться нашей внешней торговлей и колониями»¹²⁷.

Обсуждение плана соглашения состоялось 31 октября 1904 г. у канцлера Бюлова. На заседании присутствовали руководитель внешнеполитического ведомства О. Рихтгофен, тайный советник Ф. Гольштейн, начальник генерального штаба А. Шлиффен, Тирпиц и его сотрудник капитан А. Трота. Гольштейн выступил за то, чтобы вслед за инициативами кайзера, имеющими целью сближение с Россией, предложить ей союз. Он был уверен, что совместное германо-русское военное давление побудило бы и французов вступить в создаваемую коалицию континентальных держав. Бюлов согласился с Гольштейном. Для него соглашение с Россией представлялось своеобразной «клеткой зародыша»¹²⁸ будущей объединенной континентальной Европы, в которой значительно упрочились бы позиции германского рейха в споре с Великобританией за гегемонию на морях.

Тирпиц и Рихтгофен выступили против. Морской министр не видел реальных путей к континентальному союзу. По его мнению, захват Германией Эльзаса и Лотарингии в результате франко-прусской войны препятствовал даже «под дулом револьвера» любому плану совместных действий с Францией¹²⁹.

На следующий день, 1 ноября, Тирпиц дополнил свои рассуждения в письме Рихтгофену. Он подчеркнул: «...для нас польза от союза с Россией в случае войны на море равна нулю». Кроме того, и «в сухопутной войне он не имел бы большого значения», так как помощь «от лишних 100-200 тыс. человек в войне миллионов будет невелика». Руководитель морского ведомства вновь обратил внимание на опасность столкновения с Англией, для чего «достаточно, чтобы плавание русских аргонавтов сопровождалось новыми инцидентами, вроде недавно урегулированного Гульского»¹³⁰. По мнению Тирпица, мысль о союзе с Россией основана лишь на желании оказать на Францию такое давление, чтобы та удержала Англию от войны с Германией. Однако «давление» можно оказать и без «клочка бумаги», фиксирующего союзные обязательства. Германия настолько сильна, что может справиться и в одиночку.

¹²⁵ Лихарев Д. В. Эра адмирала Фишера. Политическая биография реформатора британского флота. Владивосток, 1993. С. 152.

¹²⁶ Там же. С. 154. Король, выслушав Фишера, воскликнул: «Мой бог, Фишер, вы, должно быть, сошли с ума!»

¹²⁷ Тирпиц А. Воспоминания. С. 194.

¹²⁸ Vogel B. Op. cit. S. 207.

¹²⁹ Тирпиц А. Воспоминания. С. 193.

¹³⁰ Тирпиц — Рихтгофену. Берлин. 01.11.1904 // Тирпиц А. Воспоминания. С. 194.

Тирпиц сомневался, что Париж сможет удержать англичан от войны с Берлином. А если это и произойдет, то Англия станет воевать с Германией руками японцев. «Вести же войну с Японией, — считал глава военно-морского ведомства, — без сильных на море друзей и имея за спиной враждебную Англию мы не сможем». По Тирпицу, положительное значение имел бы только «оборонительный союз» трех стран. Однако «эта цель не может быть достигнута с помощью предложенной акции»¹³¹.

В Большом генеральном штабе, кажется, придерживались другого мнения. «Авторитетный стратег» Шлиффен на совещании у канцлера 31 октября стал, как писал Тирпиц, «на чисто военную точку зрения»¹³². Он заявил, что в случае военного похода (Германии. — С. Ш.) на Францию, Россия всегда может мобилизовать еще несколько корпусов¹³³. Был ли тогда Шлиффен одержим идеей нового похода на Францию? По крайней мере, данный вопрос, благодаря известной работе Г. Риттера, поставлен в ряд дискуссионных. Утверждение, будто граф Шлиффен подталкивал кайзера или Бюлова к наступательной войне против Франции, по мнению немецкого историка, не подтверждается достоверными источниками¹³⁴. Тем не менее, на наш взгляд, имеется достаточно свидетельство желания руководителя германского Генерального штаба разделиться с французами.

Еще до Гульсского инцидента Шлиффен предупредил прусского военного министра К. Эйнема о возможности втягивания Германии в конфликт с Великобританией. «Если Англия объявит Германии войну, — писал он, — то Франция в кратчайшие сроки делает то же. Ее первое заявление об этом должно послужить для Германии сигналом к мобилизации армии и флота для предупреждения Франции». Шлиффен считал, что говорить о войне против одной Англии не приходится: «Как в настоящий момент, так и в будущем германский флот не сможет противостоять англичанам»¹³⁵.

Эйнем обратился к Бюлову с просьбой прокомментировать высказывания начальника Генерального штаба. Одновременно военный министр поставил вопрос о несовершенстве существующего мобилизационного плана. В нем, в частности, не предусматривалось отдельной от армии мобилизации флота против «ближайшего противника»¹³⁶. Бюлов отказался обсуждать указанную проблему, назвав ее «чисто академической»¹³⁷. Таким образом, накануне Гульсского инцидента рейхсканцлер мог предполагать, что история с немцами «уголыщиками» может стать очередным камнем преткновения по пути движения Германии в «опасной зоне». Тем не менее, желание канцлера использовать Россию против Англии заставляло канцлера рисковать.

Спустя две недели после совещания 31 октября Шлиффен в письме Бюлову попытался оценить союзнический потенциал России. Русские войска, как считалось, могли бы угрожать английским владениям в Индии, Египте и Тибете. Наступление на Египет и Тибет признавалось Шлиффеном либо невыгодным для Германии, либо малоэффективным для борьбы с англичанами. Другое дело — британская Индия. В ее направлении удар по «владычице морей» мог стать ощутимым. По мнению Шлиффена, Россия

¹³¹ Там же. С. 195–196.

¹³² Судя по «Воспоминаниям» барона О. Ланкена, Шлиффен заявил следующее: «Единственное решение с военной точки зрения я вижу в немедленной войне с Францией. Англия из-за бурских событий еще достаточно слаба, Россия связана войной с Японией, Франция находится в изоляции, с одной же Францией мы еще справимся». См.: Lancken-Wakenitz O. Meine dreißig Dienstjahre 1888 bis 1918, 1931. S. 57.

¹³³ Тирпиц А. Воспоминания. С. 193.

¹³⁴ По мнению Г. Риттера, мемуары Ланкена не являются исключением. См.: Ritter G. Der Schlieffenplan. Kritik eines Mythos. München, 1956. S. 112, 119. Категорически отвергают стремление Шлиффена к превентивной войне против Франции и ряд других западногерманских исследователей. См., напр.: Fischer F. Krieg der Illusion. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914, 2. Aufl., Düsseldorf, 1969. S. 97.

¹³⁵ PA AA. Deutschland 138 secr., R 2283. Bd. 6, Schlieffen an das Königl. Allgemeine Kriegs-Departament. Berlin. 07.10.1904.

¹³⁶ Ibid. Einem an Bülow. Berlin. 17.10.1904.

¹³⁷ Hubatsch W. Der Admiralstab. S. 114.

давно, уже нескольких десятилетий готовит индийский поход, о чем свидетельствует строительство железной дороги Оренбург — Ташкент. При этом русские вполне могут мобилизовать, даже в ходе войны на Дальнем Востоке, дополнительную армию численностью до 200 тыс. человек. Если войска смогут преодолеть все трудности (плохие дороги, афганское и английское сопротивление), то станут решающим вкладом России в борьбу против общего врага. Таким образом, в целях отвлечения английских сил Россия могла бы взять на себя обязательства выдвинуть свои войска в Индию.

Какие же обязательства могла взять на себя Германия? Ответ на этот вопрос генерал сформулировал по-военному четко. Так как война с Англией ввиду слабости флота бесперспективна, остается один путь — нападать на ее союзников. А так как союзниками Великобритании являлись Франция и Япония, Шлиффен тут же уточнил: «...мы должны ограничить свои действия европейским континентом и именно здесь доставить англичанам неприятности».¹³⁸ Итак, речь шла о Франции. Следует только добавить, что союз с Россией мог означать для Шлиффена реальную возможность избежать войны на два фронта. В подобном случае стратегическая ситуация была бы как никогда благоприятна для нанесения превентивного удара по французам.¹³⁹

В своем противодействии германо-русскому соглашению Тирпиц проявил завидное упорство. Поскольку главным аргументом сторонников союза являлись перспективы нанесения удара по «владычице морей» в Индии, Тирпиц решил показать всю несостоятельность таких надежд. С этой целью он поручил сотруднику Информационного бюро морского министерства В. Фоллертуну провести своеобразную военно-политическую экспертизу правительственного плана. Мнение эксперта вполне соответствовало его позиции в данном вопросе.

Фоллертун полагал, и здесь он был единодушен со Шлиффеном, что соглашение с Россией обезопасит восточные границы Германии. Тирпиц, напротив, в письме Рихтгофену подчеркнул: «союз с Россией не принесет нам реальных, то есть военных выгод».¹⁴⁰ Однако Фоллертун поддержал своего шефа в другом. Он считал, что германо-русский союз поставит под угрозу всю восточно-азиатскую политику, а именно «усилит давление на море со стороны Англии и приведет к противостоянию с Японией». Фоллертун также отверг возможность уговорить Францию присоединиться к альянсу Германии и России, так как благоразумные французские политики оценивают «английскую опасность выше, чем вытекающие из русского союза возможные осложнения» (из-за невыполнения обязательств по франко-русскому союзу — С. Ш.)¹⁴¹

Надо сказать, что Фоллертун безошибочно указал на новые тенденции французской внешней политики. По мнению исследователя А. Мардера, во Франции еще в 1890-х гг. отказались от идеи одновременного противостояния Англии на море и Германии на суше. С тех пор французские сметы военно-морского флота, в отличие от расходов на армию, характеризовались тенденцией к понижению.¹⁴² С началом же войны с Японией Россия могла рассчитывать только на «моральную поддержку» своей союзницы. Об этом не без удовлетворения писал германский военно-морской атташе в Париже

¹³⁸ Schliffen an Bülow, Berlin, 16. November 1904 // Quellen zur deutschen Aussenpolitik im Zeitalter des Imperialismus: 1890-1911. S. 298-301.

¹³⁹ Значительное число германских исследователей склоняются к той точке зрения, что Шлиффен при поддержке Гольштейна в годы Марокканского кризиса 1905-1906 гг. был готов атаковать Францию. См., напр.: Förster S. Der doppelte Militarismus. Die deutsche Heeresrüstungspolitik zwischen Status-quo-Sicherung und Aggression 1890-1913. Stuttgart, 1985. S. 146; Он же. Der deutsche Generalstab und die Illusion des kurzen Krieges, 1871-1914. Metakritik eines Mythos // Militärgeschichtliche Mitteilungen 54 (1995). S. 61-95; Raulf H. Zwischen Machtpolitik und Imperialismus. Die deutsche Frankreichpolitik, 1904-1906. Düsseldorf, 1976. S. 78.

¹⁴⁰ Тирпиц — Рихтгофену. Берлин. 01.11.1904 // Тирпиц А. Воспоминания. С. 194.

¹⁴¹ BA-MA, RM 3/4. Vollerthun' Aufzeichnung. Politische und militärische Betrachtungen über einen englisch-deutschen Krieg. Berlin. 27.11.1904.

¹⁴² Marder A. J. The Anatomy of British Sea Power. A History of British Naval Policy in the Pre-Dreadnought Era. 1880-1905. London, 1972. P. 274.

Р. Зигель, ссылаясь на интервью генерал-губернатора Индокитая и бывшего морского министра Ж. Ланессана французской «Figaro»¹⁴³. Последний заявил, что вмешательство Франции в русско-японский конфликт делает его более опасным и грозит войной в Европе¹⁴⁴. «Допустим, — рассуждал Ланессан, — Франция вступит в войну со своими немногочисленными крейсерами и миноносцами, которые у нее имеются в китайских водах. Тогда тотчас появится английская эскадра, которая в два раза сильнее русской и французской вместе взятых. Невозможна и переброска кораблей из Северного и Средиземного морей, где Англия также сильнее Франции»¹⁴⁵.

Мнение бывшего морского министра вполне соответствовало позиции официально-го Парижа. Французов беспокоило чрезмерное увлечение России азиатскими проблемами в ущерб своей безопасности в Европе. В то же время в Париже четко осознавали возможные последствия позиции нейтралитета. По мнению Ланессана, Германия попытается разрушить русско-французский союз демонстрацией бессилия Франции и способностей Германии оказать России действительную и эффективную помощь¹⁴⁶.

Следует добавить, что к поиску более сильного морского союзника французов побуждало отсутствие морской конвенции с Россией. В то же время отказ от противостояния англичанам позволял французам сконцентрироваться против реальных и потенциальных союзников Германии в Средиземном море и, что не менее важно, «развязать руки для решения колониальных задач»¹⁴⁷. Фоллертун ошибочно полагал, будто Франция отказалась от доминирующей в русско-французском союзе антигерманской наступательной идеи и, в рамках соглашения Антанты, перешла к оборонительной концепции¹⁴⁸. В ходе марокканских событий был продемонстрирован антигерманский наступательный характер французской колониальной политики.

Невозможность договориться с Францией, по мнению Фоллертуна, лишний раз доказывала: идеи наступления на Индию русско-германских войск, либо одной русской армии лежат в области утопии. В случае войны с Францией и «при колеблющейся позиции Австрии» Германия не сможет предоставить военный контингент для индийского похода. Фоллертун привел убедительные доводы того, что и Россия не в состоянии вести успешное наступление в Средней Азии «даже при условии получения в Восточной Азии свободы рук»¹⁴⁹.

Аргументы эксперта военно-морского ведомства, доказывающие утопичность идеи русского наступления на Индию, и в целом всей затеи с германо-русским альянсом, были следующие. Во-первых, Россия еще не закончила строительство железных дорог в Азии. «Нацеленные на Индию железнодорожные линии заканчиваются на Востоке в Андижане, а проектируемые дороги от Мерва готовы лишь наполовину; направленное туда (в Индию — С. Ш.) ответвление от Ашебада заканчивается в Машаде, т. е. на полпути между Ашебадом и Гератом». Во-вторых, широкий фронт наступления через Афганистан и Памир «почти исключает единое руководство операциями». В-третьих, имеются «политические проблемы с Афганистаном, который, находясь под английским влиянием, в военном отношении является крупным бастионом против России». Наконец, «предполагаемое русское наступление от персидской провинции Зейстан из-за полного отсутствия дорог равным образом исключается». В результате получалось: «Россия в нынешних условиях едва ли в состоянии провести атаку против Индии с надеждой на успех. Станет ли она вообще в союзе с Германией серьезно думать о том, чтобы пуститься в предприятие, которое привлекает блеском собственной выгоды, и только блеском»¹⁵⁰.

¹⁴³ BA-MA. RM 3/4300. Siegel an Tirpitz. Paris. 11.03.1904.

¹⁴⁴ Ланессан выступил за сближение с Англией еще в 1896 г., сразу после телеграммы Вильгельма II Крюгеру. См.: Ротштейн Ф. А. Указ соч. С. 388.

¹⁴⁵ BA-MA. RM 3/4300. Siegel an Tirpitz. Paris. 11.03.1904.

¹⁴⁶ Ibidem.

¹⁴⁷ Ibid. RM 3/4. Vollerthun' Aufzeichnung. Politische und militärische Betrachtungen über einen englisch-deutschen Krieg. Berlin. 27.11.1904.

¹⁴⁸ Ibidem.

¹⁴⁹ Ibidem.

¹⁵⁰ Ibidem.

Небезынтересно отметить, что еще во времена Фашодского кризиса Париж в своем противостоянии с Лондоном пытался разыграть карту возможного наступления союзной России на британскую Индию. Уже тогда С. Ю. Витте в беседе с В. Н. Ламздорфом весьма скептически оценил перспективы такой «диверсии». «Мы не связаны с Средней Азией, — писал Витте, — непосредственно железной дорогой; нам придется войска вести через Кавказ, Каспийское море, по Закаспийской железной дороге, а если Волга не замерзла, то по Волге, а на это потребуются несколько времени, следовательно, мы могли бы сделать диверсию тогда, когда столкновение между Францией и Англией было бы кончено»¹⁵¹.

Тем временем германское командование флота делало мрачные прогнозы. В начале декабря 1904 г. начальник военно-морской станции в Вильгельмсгафене адмирал Ф. Бендеманн назвал ситуацию для выступления Великобритании как нельзя более благоприятной. Во-первых, отсутствие русского Балтийского флота в Европе на руку англичанам. Во вторых, Франция «не является дружественной» и «нельзя рассчитывать на поддержку» Австрии и Италии. При такой расстановке политических сил шансы на успех в борьбе с английским флотом невелики. Необходимо, предлагал Бендеманн, сконцентрировать все силы флота в Северном море и отказаться от наступательных действий. В Балтийском море следует ограничиться лишь обороной. Блокируя германский флот, англичане оставят на некоторое время без внимания торговлю и судоходство. Этим необходимо воспользоваться и нанести удар по английскому судоходству. И, тем не менее, даже концентрация всех германских военно-морских сил в Северном море не привела бы к сколько-нибудь существенным положительным результатам, и только на время заставила бы англичан отложить стратегическое наступление¹⁵².

Не были утешительны и выводы специальной комиссии, созданной для проверки боеготовности военно-морских сил. Ее председатель капитан 1-го ранга Гееринген пришел к выводу, что «в Англии имеется влиятельная партия, которая пропагандирует мысль о необходимости обеспечить собственную безопасность путем разгрома немецкого флота, который находится еще в стадии развития»¹⁵³. Так как идея войны становится главной во взаимоотношениях великих держав, необходимо держать в полной боевой готовности германский флот, чему мешает ряд обстоятельств. Среди них Гееринген назвал несовершенство закона о воинской повинности. Благодаря призыву в октябре, ноябре и марте боеготовность флота снижается, чем может воспользоваться Англия при нападении. Англичанам не составит большого труда блокировать и линейные корабли в Вильгельмсгафене, если в его доках одновременно будет стоять на ремонте более одного судна. Наконец, следует прекратить распыление денежных средств, например, уменьшить расходы на заграничную службу кораблей¹⁵⁴.

Перспективы столкновения с Великобританией подтолкнули штаб Адмиралтейства во главе с адмиралом Бюкселем к тщательному анализу международной ситуации. В меморандуме от 1 января 1905 г. Бюксель иначе, чем его коллеги из военно-морского ведомства, оценил роль России в англо-германском военном конфликте. Несмотря на финансовые и военные потери, «поведение России становится очень важным для политического положения в целом»¹⁵⁵. И вот почему. Столкновение с англичанами в Северном море приведет к неминуемой гибели. Поэтому следует отказаться от плана оборонительных мероприятий в устье Эльбы. Необходимо скон-

¹⁵¹ Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 467.

¹⁵² Ibid. RM 3/4. Bendemann's Aufzeichnung. Gedanken über die augenblickliche kritische Lage vom 03.12.1904.

¹⁵³ Schlussvotum des Vorsitzenden der Kommission zur Prüfung und Verbesserung der Kriegsbereitschaft der Marine, Kapitän z. S. v. Heeringen, vom 14. Dezember 1904 // Berghahn V. R., Deist W. Op. cit. S. 312.

¹⁵⁴ Ibidem.

¹⁵⁵ BA-MA. RM 3/4. Denkschrift des Admiralstabes über die Kriegsführung gegen England vom 01.01.1905.

центрировать все силы в проливе Каттегат и с помощью атаки английского флота, блокирующего пролив Скагеррак, расчленив и увлечь противника в датские территориальные воды. При этом необходимо подготовить к обороне Малый и Большой Бельт, а также заминировать Флинт-фарватер. Не помешает занять и датский Есбьерг, чтобы разгромить английские войска.

Таким образом, для успешных действий против Англии Бюксель настаивал на оккупации Дании и нарушении нейтралитета Швеции: «В состоянии ли мы будем оккупировать датскую область так, как это было бы лучше для нашего военно-морского руководства, в сущности, будет зависеть от позиции, которую займет Россия. От России будет зависеть и поведение Швеции в отношении нарушения ее нейтралитета вследствие загромождения (минами — С. Ш.) Флинт-фарватера»¹⁵⁶. Итак, для операции на море против Англии необходима поддержка России. Следует заметить, что Бюксель открыто не призывал к заключению германо-русского союза. Вопросы международной политики лежали вне сферы его компетенции. Однако желание руководителя Адмиралтейства достигнуть политического соглашения с Россией просматривается ясно.

В середине февраля 1905 г. Бюксель пытался добиться специального распоряжения, согласно которому руководитель Адмиралтейства должен докладывать рейхсканцлеру о разрабатываемых оперативных планах. Дипломатии не помешало бы иметь их в виду в случае возникновения той или иной политической ситуации¹⁵⁷. С данной целью шли переговоры между Бюкселем и представителем внешнеполитического ведомства А. Кидерленом-Вехтером. Однако рейхсканцлер не поддержал Адмиралтейство. Бюлов считал, что проблема захвата датских проливов носит политический, а не военный характер. Операция германского флота вызвала бы сопротивление Дании и Бельгии. Против плана Бюкселя выступил и Шлиффен. Оккупация Дании стоила бы двух армейских корпусов, необходимых ему для войны с Францией. Кайзер, первоначально поддерживавший Бюкселя, вскоре изменил свое решение. 18 февраля глава Адмиралтейства сообщил Тирпицу, что император рекомендовал ему не рассчитывать на армию¹⁵⁸. Следует подчеркнуть: в данном случае желание Бюкселя стать, как и Тирпиц, «политическим адмиралом» не сбылось. Хотя в будущем такие попытки со стороны руководителей Адмиралтейства имели место, но, как было видно на примере судьбы адмирала Ф. Баудисина, жестко пресекались¹⁵⁹.

Опасность войны с Англией, в отличие от Тирпица, стимулировала Вильгельма II к поиску преданных союзников. В начале декабря 1904 г. он вместе с Бюловым вновь вернулся к вопросу соглашения с Петербургом. Ход переговоров на данную тему хорошо известен¹⁶⁰. Прежде чем дать свое согласие, Россия предложила включить в переговорный процесс французов¹⁶¹. Это не устроило Берлин, который стремился поставить Париж перед свершившимся фактом германо-русского альянса. Немцы рассчитывали, что поставки угля могли стать той интимной темой, в которую посвящать французов было бы с русской

¹⁵⁶ Ibidem.

¹⁵⁷ Hubatsch W. Der Admiralstab. S. 119.

¹⁵⁸ Ibidem.

¹⁵⁹ Баудисин возглавлял Адмиралтейство в 1908–1909 гг. и был отправлен в отставку с поста фактически из-за попыток вмешаться в дела ведомства Тирпица для влияния на военно-морскую политику.

¹⁶⁰ Из отечественных изданий см.: Фейгина Л. Указ. соч.; Острцова М. Л. Бьёрский договор 1905 г. // Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина. 1958. Т. 83. Вып. 4.

¹⁶¹ Как писал в это время Вильгельм II Бюлову, царя «прошибает холодный пот из-за галлов, и он такая тряпка, что даже этот договор не желает заключать без их разрешения, а значит не желает его заключать также и против них. По моему мнению, нельзя допустить, чтобы Париж что-нибудь узнал, прежде чем мы получим подпись «царя-батюшки». Ибо если до подписания договора сообщить Делькассе, что это равносильно тому, что он даст телеграмму Камбону и в тот же вечер ее напечатают в «Times» или «Figaro», а тогда делу конец. Такой оборот дела очень огорчает, но не удивляет меня: он по отношению к галлам — из-за займов — слишком бесхребетен». См.: История дипломатии. Т. 2. С. 166–167.

стороны незитично. 10 декабря Вильгельм II телеграфировал царю: «Никакая третья держава не должна слышать даже и намека о наших планах прежде, чем мы не заключим конвенцию по делу о снабжении углем; иначе последствия могут быть очень опасны»¹⁶².

На решительную игру был настроен и Бюлов: «Сейчас у нас в руках два хороших козыря — поставки угля и предстоящий займ»¹⁶³. Как писала Фогель, в очень энергичной и почти в ультимативной форме царю предложили дать четкий ответ: готово ли русское правительство в условиях постоянно растущих проблем из-за поставок угля защищать Германию «всеми способами»? В противном случае, как считал Бюлов, русским следует отказать в дальнейшей загрузке топлива¹⁶⁴. Вильгельму II пришлось охлаждать пыл канцлера. 10 декабря генерал-адъютант кайзера Мюллер записал в своем дневнике: «Я получил задание переговорить с рейхсканцлером из-за возможных шагов против угольной загрузки русских в Германской Юго-Западной Африке»¹⁶⁵.

Россия прореагировала мгновенно. 12 декабря русский министр иностранных дел В. Н. Ламздорф передал германскому послу Ф. Альвенслебену письменную гарантию военной поддержки России в случае германо-английского конфликта из-за угольных поставок. Кайзер был вынужден поблагодарить Николая II, заметив, правда, что русская гарантия может оказаться недостаточной для избежания проблем, связанных с угольным снабжением эскадры Рождественского¹⁶⁶. Однако настаивать дальше на подписании договора он не стал. Основной повод — угроза войны со стороны Англии в связи с Гулльским инцидентом формально устранили. Усилиями России и при поддержке Франции¹⁶⁷ дело было передано на рассмотрение предусмотренной Гаагской конвенцией 1899 г. Международной следственной комиссии. Ее первое заседание состоялось в Париже 9 декабря¹⁶⁸.

Итак, первая попытка Германии заключить союз с Россией оказалась неудачной. Тирпиц напишет позже, что об этом ему сообщил Гольштейн. Сам союз, убеждал он своего читателя, соответствовал его принципиальным убеждениям, но в тот момент был чрезвычайно опасным, поскольку мог спровоцировать нападение Англии на германский флот. «...Я хотел бы, — писал он в уже упомянутом письме Рихтгофену, — уточнить свою точку зрения, предложив энергично поддерживать дружбу с Россией, особенно личные отношения императоров, но не заключать с ней договора и выжидать развития событий. В общем выигрыш времени и строительство флота являются нашими важнейшими политическими задачами»¹⁶⁹.

Таким образом, Тирпиц четко понимал сам и пытался убедить Бюлова¹⁷⁰, что в данном случае гораздо продуктивнее для Германии был бы не военный договор с Россией, предусматривающий вполне конкретные обязательства сторон, а отношения потенциальных союзников или то, что Тирпиц называл дружбой императоров. Такие отношения могут длиться бесконечно долго и принесут гораздо больше пользы его

¹⁶² Цит по: Фейгина Л. Указ. соч. С. 41.

¹⁶³ Bulow an Holstein. 15.12.1904 // Die Geheimen Papiere. Bd. 4. № 869. S. 287. Что касается займа, то Бюлов говорит о планах его предоставления России в январе 1905 г.

¹⁶⁴ Vogel B. Op. cit. S. 211.

¹⁶⁵ Der Kaiser. S. 60.

¹⁶⁶ Фейгина Л. Указ. соч. С. 42-43.

¹⁶⁷ Посол Франции в Англии П. Камбон призвал к сдержанности английское правительство, намекнув, что англо-русский конфликт может привести к торпедированию «сердечного соглашения». См.: История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. С. 174.

¹⁶⁸ История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. С. 174.

¹⁶⁹ Тирпиц А. Воспоминания. С. 196.

¹⁷⁰ В данном случае Тирпиц просит Рихтгофена довести до Бюлова свою позицию в отношении того, какой политики следует придерживаться в отношениях с Россией. Он писал, в частности: «Поскольку высокая политика является высшей сферой и я участвовал в рассмотрении этого вопроса (заключении союза с Россией — С. Ш.) лишь как посторонний, я обращаю к вам эти строки с просьбой разъяснить мою точку зрения г-ну рейхсканцлеру». См.: Тирпиц А. Воспоминания. С. 196.

флоту, чем конкретные и, следовательно, таящие в себе угрозу ответных английских действий обязательства по союзу.

Понимание Тирпицем «дружбы» не заимствовалось из набора дипломатических приемов и не носило, если иметь в виду родственные связи монархов, сентиментальный характер. Тирпиц был прагматиком. Например, он предлагал использовать «дружественные отношения», чтобы добиться от царя обещания соблюдать нейтралитет. Этого было достаточно, так как Россия еще долгое время после русско-японской войны не смогла бы угрожать восточным границам рейха¹⁷¹.

Тем не менее, Тирпицу так и не удалось окончательно убедить политическое руководство рейха, в том числе — кайзера и канцлера, в бесполезности альянса с Россией. Мысль о том, что угроза похода на Индию сделает Великобританию более покладистой в вопросах строительства флота и позволит избавиться от «комплекса Копенгагена», не давала покоя и адмиралу Мюллеру. На пике обострения отношений с Великобританией в феврале 1905 г., когда стало ясно, что проект германо-русского союза не обязательно станет фактом, адмирал писал Тирпицу с оттенком отчаяния, что в связи с угрозами мистера Ли ответ должен прозвучать так: «Тогда мировая война, которая двинет нашу армию в Индию и Египет. Было бы хорошо, если об этом решении узнают англичане... Быть может, тогда они предпочтут остаться на пути мирного соревнования и не будут подвергать опасности флот, в котором мы нуждаемся для того, чтобы уберечься от политического насилия нашей торговли»¹⁷².

О стремлении Германии напугать англичан русским походом на Индию свидетельствует и история с Бьеркским договором или второй попыткой заключения германо-русского союза в период русско-японской войны. Бюлов испытал состояние, близкое к шоку, когда узнал, что подписанный кайзером в балтийских шхерах в июле 1905 г. союз с Россией касался исключительно Европы. «Когда мне был продемонстрирован текст договора и я наткнулся на дополнение «in Eurgore», то я сначала подумал, что здесь дело в ошибке, допущенной при шифровании...», — писал Бюлов Вильгельму II¹⁷³. Канцлер просил отставку, так как считал: такой договор с русскими теряет всякое значение для Германии. Россия не будет угрожать Индии и станет бесполезной против англичан в Европе. Германия ставит на кон флот, торговлю, приморские города и колонии. Россия — несуществующий флот, ничтожную торговлю, незначительные приморские местности и никаких колониальных владений¹⁷⁴. Вильгельм II бросился уговаривать своего канцлера не уходить в отставку. Не ставить договор под угрозу просил и Гольштейн. Он «вполне приемлем для нас», — успокоил он Бюлова¹⁷⁵. Как писал Б. А. Романов, в продолжительной дружественной и примирительной беседе с кайзером почти трехнедельный скрытый канцлерский кризис был разрешен¹⁷⁶.

Как известно, Бьеркский договор не привел к образованию новой политической комбинации в составе Германии, Франции и России и остался мертворожденным документом. Это отвечало внешнеполитическим установкам Тирпица, хотя теперь он вряд ли знал о результатах морской прогулки по Балтике двух «коронованных адмиралов». Хотя Бьеркский договор так и не был ратифицирован, дискуссии о союзоспособности России на суше и на море продолжались и после 1905 г. Обсуждалась и тема похода на британскую Индию. Вильгельм II вспоминал, что в результате войны с Японией «Россия была отброшена с востока на запад, где она вместо Китая могла снова с пользой заниматься Балканами, Константинополем и Индией»¹⁷⁷. Гинце же вплоть до 1908 г. слал сообщения о перспективах развития и использования русского флота в борьбе против Великобритании.

¹⁷¹ Там же. С. 194–195.

¹⁷² Müller an Tirpitz. 08.02.1904 // Berghahn V. R., Deist W. Op. cit. S. 316.

¹⁷³ Бюлов Б. Воспоминания. М.–Л., 1935. С. 304.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Holstein an Bülow. Telegramm. 21.07.1905 // Große Politik. Bd. 19 (2). № 6203.

¹⁷⁶ Романов Б. А. Указ, соч. С. 470.

¹⁷⁷ Вильгельм II. События и люди 1878–1918: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003. С. 74.

Следует особо подчеркнуть: военно-морская политика Германии в годы русско-японской войны не отличалась строгой системностью. Если вначале Тирпиц отрицательно относился к военному разрешению споров России и Японии, то в дальнейшем военно-морское ведомство колеблется от провоцирования конфликта до его сворачивания. Такое шатание отчасти можно объяснить «политикой лавирования» германского правительства, от которого Тирпиц, несмотря на свой авторитет, не был окончательно свободен. С другой стороны, отсутствие последовательности в действиях военно-морского ведомства объясняется, хотя в этом можно усмотреть какой-то порядок, все той же логикой «опасной зоны». Как только возникала английская угроза, даже в своем потенциальном проявлении, Тирпиц был готов разрушить любые внешнеполитические планы.

Характер отношений между Берлином и Петербургом в период русско-японской войны подтверждает тезис тех исследователей, которые считают, что не только вооружение армии и финансовая политика, но и дипломатия кайзеровского рейха подчинялась «плану Тирпица» и императиву «опасной зоны». В этой связи уместно привести мнение канцлера Бетмана-Гольвега, подчеркнувшего, что вся германская внешняя политика была не менее последовательна, чем сам план строительства флота, на котором она покоилась. В результате на относительно длительный период между дипломатами и сторонниками идей Тирпица установилось принципиальное согласие в том, что германская политика в отношении Англии должна быть максимально лояльной и непровокационной. Следовало избегать и союзнических обязательств с Россией. Однако уже в 1904 г. такие внешнеполитические установки носителей «большой политики» начали заводить в тупик. Поэтому на Вильгельмштрассе пришли к сомнению относительно того, насколько правильно подчинять дипломатию интересам военных структур¹⁷⁸. Консенсус между моряками и дипломатами был нарушен вскоре после русско-японской войны. Не в последнюю очередь непонимание Бюловым «задач флота» обусловило его отставку в 1909 г.

¹⁷⁸ Berghahn V. R. *Der Tirpitz-Plan*. S. 413-414.

ГЛАВА III

ГЕРМАНСКАЯ ВОЕННО-МОРСКАЯ ПОЛИТИКА В ГОДЫ ВОССОЗДАНИЯ РУССКОГО ФЛОТА (1906–1914 гг.)

Германия и Россия после окончания русско-японской войны прошли путь от новых попыток добиться политического согласия до конфронтации. Причины такой эволюции следует искать не только во взаимоотношениях двух стран. В ходе перегруппировки политических сил на международной арене были заложены основы блоковой политики государств. В 1904 г. Англия и Франция достигли «сердечного согласия», а в 1907 г. Россия и Англия договорились о разделе сфер влияния в Средней Азии. Эти соглашения стали фундаментом для создания Тройственной Антанты, объективно противостоящей Центральным державам во главе с Германией — Тройственному союзу. Тем не менее, внешняя политика кайзеровского рейха, а также внешнеполитические установки России указанного периода не были лишены определенной специфики. По мнению большинства российских исследователей, ослабленная войной империя Романовых вплоть до Потсдамского соглашения с Германией в 1911 г. проводила политику лавирования между самой мощной морской державой мира и самым сильным в военном отношении государством¹. В поисках политического равновесия российская дипломатия искала и находила опору и в кабинетах Форин-офиса и в здании на Вильгельмштрассе. Лишь в конце 1910–1911 гг. Россия переходит от политики лавирования к политике опоры на Антанту².

Что касается германской дипломатии, то ее главные заботы касались проблем взаимоотношений с Великобританией в связи с «бесбрежными» флотскими планами. Еще в 1904 г. генерал-фельдмаршал А. Вальдерзее писал в своем дневнике: «Кайзер неотступно преследует цель усилить флот, хотя публично не говорит об этом, что само по себе очень умно, так как объем его планов вызвал бы страх. Бюлов соглашается с кайзером и обещает осуществить его замыслы»³.

В 1905–1906 гг. наступил качественно новый этап гонки вооружений на море между Англией и Германией, вошедший в историю как «гонка dreadnoughtов». В 1905 г. англичане заложили корабль нового типа под названием «Дредноут». Тем самым английское Адмиралтейство хотело оставить далеко позади германский флот, предполагая, что новый тип корабля неприемлем для Германии из-за малых габаритов Кильского канала, соединяющего Северное море с Балтийским. Однако немцы не остановились перед проблемой его расширения и в 1905 г. сконструировали корабль, подобный «Дредноуту», после чего старые корабли фактически обесценивались. В 1908 г. в Германии была принята очередная флотская программа, предусматривавшая замена линейных броненосцев после 20 лет службы вместо 25. Внешне закон выглядел невинно. Фактически же означал очередное крупное увеличение морских сил, так как устаревшие корабли 80-х годов заменялись современными типа «Дредноут». Тройственное согласие в случае заключения военного союза между Англией, Францией и Россией подрывало германскую военно-морскую доктрину, в основу которой Тирпич заложил идею решающего морского сражения. Это сражение не могло состояться даже в том случае, если бы военный флот Германии количественно превосходил английский. В союзе с французскими и русскими военно-морскими силами британский флот все равно остался бы сильнее.

¹ См., напр.: Астафьев И. И. Русско-германские дипломатические отношения 1905–1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М., 1972; Игнатьев А. В. Внешняя политика России. 1907–1914: Тенденции. Люди. События. М., 2000.

² Астафьев И. И. Указ. соч. С. 4.

³ Цит по: Tirpitz A. Politische Dokumente. Bd. 1. S. 11.

Попытки канцлера Булова скорректировать флотскую политику Тирпица зимой 1908-1909 гг. в целях достижения взаимопонимания с Великобританией закончились неудачей. Впрочем, и при его преемнике канцлере Бетмане-Гольвеге военно-морское ведомство продолжало оказывать влияние на германо-английские отношения. В период второго Марокканского кризиса стремление канцлера пожертвовать новой флотской новеллой ради политического соглашения с Англией натолкнулось на сопротивление Вильгельма II и Тирпица⁴. Не помогла и попытка Бетмана-Гольвега уйти в отставку. В 1912 г. рейхстаг принял дополнение к закону о флоте. В ответ на почти 60% увеличение крупных боевых единиц германского флота, Англия приняла решение строить два корабля против одного немецкого⁵.

На фоне постоянно растущей английской опасности германская внешняя политика в отношении России долгое время сохраняла традиционные черты. По-прежнему на Вильгельмштрассе стремились к подрыву франко-русского союза путем заключения двухстороннего политического договора с Россией. Огромным было желание разрушить и Антанту. А когда наступило осознание тщетности таких попыток, идея германо-русского союза окончательно уступила место рассуждениям о необходимости превентивной войны против России и Франции. Она, как заявлялось на так называемом «военном совете», состоявшемся в декабре 1912 г.⁶ с участием кайзера и всего военного и военно-морского руководства империи, будет носить характер «финала в борьбе между славянами и германцами»⁷.

Началась подготовка к военным действиям на суше и на море. Генералы опирались на план А. Шлиффена, изложенный еще в 1905 г. и предусматривающий нанесение первого удара по Франции через Бельгию, в обход укреплений на границе, а затем и по России⁸. Готовились к войне с Россией и на море. В штабе Адмиралтейства разрабатывались соответствующие оперативные планы⁹.

В политическом отношении следует указать на стремление Германии содействовать усилению Швеции и ее флота. Наконец, Берлин проводил «политику стимулирования» турецкого кораблестроения. Поддержка военно-морских сил Турции объективно способствовала отвлечению финансовых и материальных ресурсов России с Балтийского моря.

Архитектура взаимоотношений между империями Гогенцоллернов и Романовых после окончания русско-японской войны была тесно связана с военно-морской тематикой и, прежде всего, с «возрождением» российского флота. Сами по себе усилия, направленные на восстановление статуса страны как морской державы, не могли повлиять на сложившийся баланс военно-морских сил в мире. Однако перспективы появления у России современных кораблей, во-первых, повышали ее привлекательность как потенциального союзника, а во-вторых, заставляли считаться с возможностью появления ее кораблей у своих берегов в качестве противника. В этой связи интерес к России и ее судостроительным программам со стороны Тирпица и руководителей Адмиралтейства являлся вполне оправданным.

Так, основные направления внешней политики России после войны с Японией в Берлине изучали на основе донесений морского атташе о перспективах дислокации будущего русского флота. Не последнюю роль в германской оценке союзоспособности

⁴ Epkenhans M. Op. cit. S. 32, 412.

⁵ История Европы. Т. 5: От Французской революции конца XVIII века до первой мировой войны. М., 2000. С. 529.

⁶ На заседании «военного совета» 8 декабря 1912 г., кроме кайзера Вильгельма II, присутствовали руководитель военно-морского ведомства Тирпиц, начальник Генерального штаба сухопутной армии Г. Мольтке, начальник штаба Адмиралтейства А. Гееринген, начальник морского кабинета Г. А. Мюллер.

⁷ Der Kaiser. S. 125; О заседании «военного совета» см. также: Groh D. «Je eher, desto besser!» Innenpolitischen Faktoren für die Präventivkriegsbereitschaft des Deutschen Reiches» 1913/14 // Politische Vierteljahresschrift. 1972. N. 13. S. 505.

⁸ О плане Шлиффена см., напр.: Ritter G. Der Schliffenplan. Kritik eines Mythos. München, 1956.

⁹ О разработке германских оперативных планов войны на море см.: Lambi I. N. Op. Cit.

России играли доклады штаба Адмиралтейства о российской военно-морской реформе, боеспособности создаваемых соединений кораблей, о профессионализме военно-морского командования и степени выучки персонала. Поддержка ведомством Тирпица отечественной судостроительной промышленности в России и стремление поставить восстановление русского флота в зависимость от военных поставок соответствовали главной цели германской дипломатии — разрушить Антанту. На фоне германской «политики стимулирования» турецкого судостроения Тирпиц и его коллеги не могли обойти стороной и проблему проливов Босфора и Дарданелл, а также связанный с ней вопрос о развития российского Черноморского флота. Наконец, с началом открытой конфронтации между Берлином и Петербургом подлежат рассмотрению и германские военные приготовления в балтийском регионе, тесно связанные с разработкой в Адмиралтействе планов войны на море и попытками Германии использовать в борьбе против России скандинавские страны. Иными словами, говоря о бесспорных фактах влияния «флотской политики» Тирпица на отношения Германии и Великобритании накануне Первой мировой войны, следует поставить вопрос о ее прямом или косвенном воздействии и на развитие германо-русских отношений.

1. Оценка союзнического потенциала России

О позиции ведомства Тирпица по ряду проблем германо-русских отношений 1906–1914 гг. можно судить по корреспонденции германских военно-морских атташе из Петербурга. Особо ценны в данном отношении донесения Пауля фон Гинце как «военно-морского атташе в северных государствах с местопребыванием в Санкт-Петербурге» в 1903–1908 гг., а затем и как германского военного представителя при царском дворе в 1908–1911 гг.¹⁰

Удивительно, но столь влиятельный политик был обойден вниманием историков. Речь не идет об отечественной германистике, где упоминание имени Гинце встретишь редко. На сегодняшний день и в зарубежной историографии нет исследований, посвященных его деяниям. А ведь он был самым компетентным германским экспертом по России не только в военной, но и в политической области¹¹. Более того, сложилась, как кажется, парадоксальная ситуация. Даже в тех — следует вновь подчеркнуть, весьма немногочисленных — зарубежных исследованиях, где институт военно-морских атташе в Лондоне и Париже находил более или менее полное освещение, страницы, посвященные Петербургу, странным образом отсутствуют.

Не является исключением и диссертация западногерманского историка К. Гисслера, посвященная институту морских атташе в кайзеровском рейхе¹². И хотя автор сетует на то, что его коллега Л. В. Хильберт¹³ сузил рамки своего исследования, ограничив рассмотрение деятельности немецких военно-морских представителей в Лондоне именами В. Виденманна и Э. Мюллера¹⁴, тем не менее, и сам не избежал недостатков. Анализируя различные аспекты деятельности указанного института за границей, включая историю его создания и развития, отношения с ведомством иностранных дел, шпионаж, а также военные, политические и экономические стороны, автор почти не упоминает имени Гинце. Оба исследователя основное внимание уделили Виденманну и Мюллеру. Правда, К. Гисслер добавил к ним еще одно имя — атташе в Лондоне К. Кёрпера.

¹⁰ См.: BA-MA. Nachlaß Paul von Hintze (N 536). Marineattaché in St. Petersburg, 1903–1908; Militärbevollmächtigter in St. Petersburg, 1908–1911.

¹¹ Hürter J. Politisch-biographische Skizze // Paul von Hintze. S. 38.

¹² Giessler K. V. Op. cit.

¹³ Hilbert L. W. The Role of military and naval attaches in the British and German Service with particular reference to those in Berlin and London and their effect on Anglo-German relations, 1871–1914. Diss. phil. Cambridge, 1954.

¹⁴ Giessler K. V. Op. cit. S. 12.

Предпосылки для изучения личности Гинце как военного политика и дипломата наступили не так давно. В 1998 г. в Германии опубликовали упомянутую часть служебной переписки Гинце со вступительной статьей И. Хюртера¹⁵. Издание ставит вопрос о влиянии Гинце на отношения Берлина и Петербурга в годы российского этапа его военной и политической карьеры¹⁶. По мнению И. Хюртера, оно не являлось решающим. Гинце следует считать по преимуществу более «наблюдателем», чем «воздействующим лицом», хотя он был самой примечательной фигурой «русской политики» Германии в предвоенный период. Для историка особо не значила и популярность Гинце в глазах Вильгельма II и Николая II. Они также решительно не определяли политику своих стран¹⁷.

Для успешной дипломатической карьеры у Гинце имелись хорошие перспективы. И хотя все европейские военные атташе были флигель-адъютантами и фактически личными дипломатами кайзера, из военно-морских атташе таковым являлся лишь Гинце¹⁸. Его статус, как уже отмечалось выше, давал право личного доклада императору, минуя любые промежуточные инстанции, в том числе ведомство германского канцлера и министерство иностранных дел. Вначале донесения Гинце попадали на стол кайзеру, потом в морской кабинет. С соответствующими пометами Вильгельма II они отправлялись дальше, в том числе в военно-морское ведомство. Можно видеть, что сообщения Гинце очень внимательно читались императором. Об этом говорят его многочисленные пометы от обычных «согласен», «правильно», «да» до более эмоциональных: «браво», «совершенно верно», «превосходно».

Авторитет Гинце в Берлине и Петербурге окреп, когда он стал в 1908 г. военным представителем кайзера при царском дворе. Он был настолько ловок, вспоминал Тирпиц, что «затмевал при петербургском дворе германского посла»¹⁹. Вильгельм II даже хотел в конце 1909 г. перевести своего любимца на дипломатическую работу послом. Однако внешнеполитическому ведомству с большим трудом удалось воспрепятствовать подобному назначению. Там понимали, что следующим этапом карьеры Гинце мог стать пост главы этого ведомства²⁰.

В Петербурге знали об особом статусе Гинце. «Немецкие дипломаты и военные одинаково не любят это лицо, которое держится исключительно особым благоволением императора», — докладывал русский военно-морской агент Е. И. Беренс²¹. В свою очередь, и царь оказывал любимцу Вильгельма II «высокое доверие», но, впрочем, германские дипломаты, полагал руководитель военно-морского ведомства, не смогли им воспользоваться²². Тем не менее, после отъезда Гинце в 1911 г. из Петербурга в Мексику, когда перед лицом обострения германо-русских отношений встал вопрос о ликвидации института военного представительства при царе, на Вильгельмштрассе высказались за его сохранение. Там опасались, что такое решение будет воспринято за границы не иначе как серьезный политический кризис в отношениях двух империй²³.

Совсем не хотелось бы вступать в полемику с И. Хюртером о влиянии Гинце на германо-русские отношения. Безусловно, оно не было прямым и, скорее, носило косвенный характер. Да и сам ученый признает, что определить место Гинце в отно-

¹⁵ Paul von Hintze.

¹⁶ См. также опубликованную в интернет рецензию западногерманского историка М. Буссмана: Bussmann M. Review of Paul von Hintze, Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903-1918. <http://www.h-net.msu.edu>.

¹⁷ Hürter J. Op. cit. S. 49.

¹⁸ Giessler K. V. Op. cit. S. 77.

¹⁹ Тирпиц А. Воспоминания. С. 199.

²⁰ О возможном назначении Гинце на дипломатическую работу Мюллер писал Бетману-Гольвегу 5 декабря 1912 г. См.: Hürter J. Op. cit. S. 37.

²¹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3595. Беренс в Морской Генеральный штаб. Берлин. 21.01.1911.

²² Тирпиц А. Воспоминания. С. 202.

²³ Giessler K. V. Op. cit. S. 47.

шениях Берлина и Петербурга не так просто. Не менее важным представляется ответ и на такой вопрос: насколько донесения морского атташе оказывали влияние на позицию главы военно-морского ведомства в «русском вопросе»? В рамках задач данного исследования следует уточнить: определял ли Гинце взгляды Тирпица на Россию как на возможного союзника и противника? При ответе необходимо учитывать, что Гинце входил в число тех морских офицеров, глазами которого Тирпиц внимательно следил за событиями в России. Даже «русскую душу» и «русский характер» создатель и идеолог германского флота понимал по Гинце. Отвечая на вопрос, почему воюющие японскими руками англичане взяли верх над германским влиянием в России после русско-японской войны, Тирпиц цитирует фрагмент беседы между Рождественским и Гинце. Он вполне согласен со своим атташе, со ссылкой на «героя Цусимы» характеризующим особенности «русского народного характера» следующим образом: «Тому, кто помогает русскому и относится к нему по-дружески, он дает пинка, ибо смотрит на себя, как на холопа; тому же, кто потчует его кнутом, он целует полу одежды»²⁴.

Тирпиц высоко ценил дипломатические способности Гинце. К его удовлетворению, точка зрения атташе на ряд проблем международной политики кардинально отличалась от официальных воззрений. Например, по проблеме Черноморских проливов. Гинце предлагал пойти на уступки России, сделав их открытие предметом политического торга²⁵. Без всяких сомнений, Гинце можно назвать «человеком Тирпица». Последний признался, что видел его на посту руководителя министерства иностранных дел, видимо, надеясь, что тот сможет подправить внешнеполитический курс Германии в интересах строительства флота. Как известно, внешнеполитическое ведомство порой стремилось решить проблемы германо-английских отношений за счет снижения темпов военно-морского строительства. Так было, например, в 1912 г., когда очередная «флотская новелла» Тирпица вызвала бурю негодования в Великобритании²⁶.

Гинце не любили дипломаты. Некоторые из них называли его «фальшивой собакой», «интриганом» и даже «сомнительным моряком». Впрочем, Гинце такие оценки мало смущали. Он не считался с политическими авторитетами и открыто высказывался против германского посольства в Петербурге, при котором он формально состоял. Бюлов «по-дружески» просил Гинце в интересах отечества взаимодействовать с послом и обмениваться с ним своими впечатлениями²⁷. «Подправлять» морского атташе приходилось и Тирпицу, напоминая о том, что область «высшей политики» находится вне компетенции военно-морского ведомства²⁸.

Тирпиц считал Гинце тем политиком, который мог бы спасти мир в июле 1914 г., отправившись на встречу с царем. Он точно знал, что Николай II придерживался мнения тех, кто убежден, что Германия и Россия ничего не выиграют от взаимного кровопролития²⁹. В 1916 г. Тирпиц предложил кайзеру отправить в отставку руководителя внешнеполитического ведомства Г. Ягова и на его место поставить Гинце. «Обладая столь разносторонним опытом», именно он, полагал Тирпиц, был наиболее способен добиться от царя заключения сепаратного мира³⁰. Однако надежды руководителя

²⁴ Тирпиц А. Воспоминания. С. 198.

²⁵ BA-MA, RM 3/18. Hintze an Kaiser. 15.04.1908.

²⁶ О противодействии Тирпица германскому внешнеполитическому ведомству в 1912 г. по проблеме гонки морских вооружений большое внимание заслуживает публикация частной переписки между баварским министром-президентом Г. Гертлингом и баварским посланником в Берлине Г. Лерхенфельдом. См: Dienstliche Privatkorrespondenz zwischen dem bayerischen Ministerpräsidenten Georg Graf von Hertling und dem bayerischen Gesandten in Berlin Hugo Graf von und zu Lerchenfeld. Erster Teil. Boppard am Rhein, 1973.

²⁷ PA AA, R 10486. Notiz vom 02.06.1908; Paul von Hintze. S. 218.

²⁸ BA-MA, RM 3/4. Tirpitz an Hintze. Berlin. 23.01.1905.

²⁹ Тирпиц А. Воспоминания. С. 292.

³⁰ Там же. С. 298.

военно-морского ведомства не оправдались. Гинце вызвали из Мексики, но только для того, чтобы отправить посланником в Пекин. Тирпиц записал тогда в своем дневнике: «Поездка Гинце в Пекин — прямо шедевр, особенно если учесть «поддержку», оказанную ему министерством иностранных дел. У меня может появиться желание стать преемником Бетмана только для того, чтобы выбросить этих типов через окно»³¹.

Итак, ответ на поставленный выше вопрос о влиянии Гинце на позицию Тирпица в «русской политике» Берлина может звучать так: скорее да, чем нет. Что касается оценок союзоспособности, то количество баллов, которое военно-морское ведомство могло выставить России, напрямую зависело от перспектив воссоздания русского флота.

Гибель Балтийского флота в цусимском сражении и, как следствие, поражение России в войне с Японией произвели в Германии колоссальное впечатление. И хотя, как можно было убедиться, мощь российского флота никогда не оказывалась в числе решающих аргументов за принятие немцами решения о заключении альянса, ее потеря имела большое значение в расстановке политических сил на международной арене. Теперь никто даже в самых утопических идеях не мог рассчитывать на морскую силу России. «С Россией, как морской державой, не только в Восточной Азии, а также во всех открытых морях покончено на десятилетия», — писала некая немецкая газета³². Как следствие, позиция сторонников Тирпица, выражающих сомнение в эффективности германо-русского союза, могла только усилиться.

Однако и немецким дипломатам, и военно-морскому руководству было о чем поразмыслить. С одной стороны — поражение России в войне с Японией ослабило франко-русский альянс и открывало новые перспективы для германо-русского взаимодействия. Еще накануне Бьеркского свидания двух императоров канцлер Бюлов подчеркивал, что Россия «при всех обстоятельствах... останется крепкой глыбой, с которой полезно поддерживать контакт, пока она действительно не распадется»³³. Влиятельная германофильская политическая группировка существовала и в России³⁴. Она также рассматривала тесные династические связи как гарантию внутривосточной стабильности двух государств. Прочная связь с Германией могла уберечь и от колебаний самодержавия в области внешней политики³⁵. С другой стороны, можно было бы с большей пользой для себя использовать ослабление России в Балтийском море. Почему, например, не попытаться добиться максимального влияния в Швеции и Норвегии. Последняя вот-вот должна стать независимым государством и могла оказаться удобным плацдармом для операций кайзеровского флота против «владычицы морей». Теперь можно меньше церемониться с Данией и попытаться добиться от нее уступок в деле антанглийского по своей сути договора о северных проливах. Наконец, в связи с отсутствием на Балтике сколько-нибудь сильного противника, открывались перспективы осуществить давний стратегический замысел адмирала Тирпица: собрать в один кулак всю мощь флота против Великобритании. В подобном случае удар по амбициям самой мощной морской державы мог быть весьма болезненным.

³¹ Там же. С. 528.

³² «Победа Японии на море», «Уничтожение Балтийского флота», «Конец русской морской державы», «Обломки Балтийского флота» — вот только некоторые заголовки последующих материалов германских газет. Подборку статей о Цусиме см.: BA-MA RM 3/4308.

³³ Цит. по: Романов Б. А. Указ. соч. С. 462; Große Politik. Bd. 19 (2). № 6202.

³⁴ Среди сторонников прогерманской ориентации назывались имена представителей дома Романовых, императорского двора. В Совете министров и Государственном Совете за сближение с Германией выступали А. В. Кривошеин, П. Х. Шванебах, И. Л. Горемыкин, П. Н. Дурново и др. Прогерманскую позицию занимали и видные дипломаты: товарищ министра иностранных дел Л. А. Губастов, советник министерства иностранных дел М. А. Таубе, послы в Берлине и Вене Н. Д. Остен-Сакен и Л. П. Урусов. См.: Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики 1906–1910. М., 1961. С. 46.

³⁵ Бестужев И. В. Указ. соч. С. 44.

В декабре 1905 г. Тирпиц напомнил, что и «сегодня» Германия по-прежнему находится в «опасной зоне», и такое состояние рейха с большей вероятностью сохранится «завтра». Он заявил, что с данным фактом придется считаться в период дальнейшего развития флота³⁶. Тем самым Тирпиц подтвердил старый тезис, имеющий прямое отношение к России: Германия не должна связывать себя никакими союзными обязательствами до тех пор, пока германский флот не достигнет размеров «флота риска» (т. е. вступление с ним в бой будет сопряжено с риском больших потерь). Если Россия сохранит реваншистские настроения, то станет меньше интересоваться делами Европы и Ближнего Востока. Основные силы российского флота будут по-прежнему концентрироваться в Тихоокеанском регионе и направлены против Японии. Дальневосточная дислокация русского флота позволяла добиться еще одной цели — сохранить напряженные англо-русские отношения. Тогда у кайзера и дипломатов с Вильгельмштрассе было бы меньше шансов увидеть Германию в той или иной политической комбинации с Россией.

Однако надежды военно-морского ведомства на то, что русские задержатся на Дальнем Востоке, постепенно таяли. Отказ от ратификации Бьеркского договора ставил на новый уровень проблему безопасности границ Российской империи. Иллюзии в отношении заключения союза с Германией постепенно уступали место осознанию потенциальной германской угрозы. К тому же географическое положение русской Финляндии и прибалтийских провинций ставило их в зависимость от того государства, чей флот преобладал в Балтийском море.

Опасаясь, что Германия и Швеция могут немедленно воспользоваться результатами «Цусимы» для усиления своего экономического и политического влияния в балтийском регионе, Николай II в своем рескрипте от 29 июня 1905 г. на имя морского министра указал: «Первейшей обязанностью морского ведомства я ставлю безотлагательное обеспечение морской обороны отечественных берегов во всех наших водах, а затем уже в зависимости от средств постепенное воссоздание боевых эскадр»³⁷. Спустя некоторое время в «Объяснительной записке» к судостроительной программе подчеркивалось, что на Балтике положение России все же более тревожно из-за господства могущественного германского соседа, чем на Ближнем и Дальнем Востоке³⁸.

11 апреля 1906 г. Гинце сообщал из Севастополя, что офицеры и команды кораблей Черноморского и Балтийских флотов выступают против реваншистской войны с Японией³⁹. Вернувшись к теме «Россия и ее флот» в январе 1907 г., германский атташе уточнил: «Русский флот ищет реванша за Цусиму не в восточно-азиатских водах». Морские интересы России вновь распространяются на Балтику, и «Европа еще пожалеет о дне, когда бросила Россию на произвол судьбы в ходе русско-японской войны». Именно этот тезис, полагал Гинце, может стать главным в идеологии возрождения морской мощи России⁴⁰.

Оставалось только выяснить, на каком из морей — Балтийском или Черном — остановят свой взгляд в Петербурге. Пока же в ходу была версия, что Балтийское море является неподходящим для целей базирования будущего флота. Говорилось о его малой глубине, невозможности судоходства в зимние месяцы, об отсутствии подходящих военных портов. Такого же мнения придерживался и Гинце, обращая внимание кайзера на слухи о начале русско-английских переговоров⁴¹. Как известно, такие переговоры действительно начались, но касались пока сфер разграничения влияния в Средней Азии. Дискус-

³⁶ Schlusßvotum des Vorsitzenden der Kommission zur Prüfung und Verbesserung der Kriegsbereitschaft der Marine, Kapitän z. S. v. Heeringen, vom 14. Dezember 1904. Tirpitz 'Zusatz vom 20.12.1905 // Berghahn V. R., Deist W. Op. cit. S. 315.

³⁷ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1 Д. 158. Л. 1.

³⁸ См.: Работы офицеров МГШ. Т. 3. СПб., 1907-1909. Объяснительная записка к Малой судостроительной программе для Балтийского моря на ближайшее четырехлетие. 19 ноября 1906 г. С. 1-2.

³⁹ BA-MA. RM 5/1505. Hintze an Kaiser. Sewastopol. 11.04.1906.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ BA-MA. RM 5 /1505. Hintze an Wilhelm II. 22.05.1907.

сия же по Черноморским проливам открылась только в марте 1907 года⁴². Тем не менее, уже в январе Гинце вводил Вильгельма II в заблуждение по поводу ее начала⁴³. Надо сказать, что кайзера весьма беспокоило возможное англо-русское соглашение. Однако, к удовлетворению Берлина, англичане заняли на переговорах неуступчивую позицию. Гинце узнал об этом в мае и поспешил успокоить Вильгельма II⁴⁴.

Информация о ходе русско-английских переговоров исходила от высокопоставленного чиновника морского министерства. Его имени Гинце не называл, но охарактеризовал его как человека, относящегося к «движущим силам флота» и посвященного «в самые глубокие тайны министерства», что походило на правду. Затронутые в разговоре темы свидетельствовали о высокой компетентности собеседника германского атташе. Обсуждались не только русско-английские переговоры, но и будущая дислокация главных сил военно-морского флота. Выбор Черного моря означал давление на Проливы и попытки подрыва германской ближневосточной политики. Воссоздание флота на Балтике грозило в случае военного конфликта атаками русской эскадры на германское побережье и торговые суда.

По словам российского чиновника, переговоры по проблеме Босфора и Дарданелл зашли в тупик по вине Великобритании, из чего явствует, что англичане против открытия Проливов. «Даже среди нас имеются такие, — откровенничал он, — которые под впечатлением неудач на переговорах заговорили о благоприятных факторах закрытия Проливов; они видят, какие усилия необходимо будет предпринять, если английский флот выберет стоянку в Черном море»⁴⁵. Аргументацию противников открытия проливов можно не учитывать, если Россия и Англия придут к взаимопониманию. «Но чтобы Англия для достижения такого взаимопонимания открыла путь созданию русского флота, после того как ее союзник, ей же на пользу, только что его уничтожил — ...к этому она не готова»⁴⁶. На реплику Гинце, что англичан, возможно, не устроила предложенная Россией цена за «открытие улиц», последовал уклончивый ответ: англичане «создавали постоянные трудности переговорам»⁴⁷.

Итак, делает вывод Гинце, в обозримом будущем Черное море отпадает как база для создания нового океанского флота России. Равным образом бесперспективен в качестве опорного пункта Владивосток. Он удален от «силового центра», лишен военных резервов и находится рядом с Японией⁴⁸. Последняя, по мнению представителя

⁴² В начале марта состоялось несколько встреч по проблеме Черноморских проливов между Бенкендорфом, с одной стороны, и Ч. Гардингом и Э. Греем — с другой. Вскоре в переговорный процесс включились А. П. Извольский и А. Никольсон. Выяснилось, что за свою, как выразился А. В. Игнатьев, «платоническую» уступку (вопрос об открытии Проливов не мог быть решен в рамках двухстороннего соглашения) англичане желали получить реальные компенсации в ходе переговоров по Средней Азии. Наконец, британские политики высказались против исключительного права России проводить флот через Босфор и Дарданеллы. В итоге Извольский вынужден был зафиксировать в памятной записке для Никольсона, что Россия, как и Англия, не желает оказаться связанной определенной формулой разрешения вопроса. Правительство рассчитывает, однако, в будущем на благожелательное отношение и содействие Англии в решении столь важной для России проблемы. См.: Игнатьев А. В. Внешняя политика России в 1905-1907 гг. С. 184-189.

⁴³ В письме от 22 мая 1907 г. Гинце напоминал Вильгельму II о своих январском и апрельском донесениях об англо-русских переговорах по вопросу о Черноморских проливах.

⁴⁴ BA-MA. RM 5 / 1505. Hintze an Wilhelm II. St. Petersburg. 22.05.1907.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Гинце, пожалуй, не догадывался, что помимо базирования основных сил русского флота на Черном море и на Балтике, в МГШ обсуждалась возможность развертывания линейного флота в Средиземном море на о. Крит. По мнению автора докладной записки капитана 2-го ранга Б. М. Страховского, «базировавшись на Крите, мы закрываем кому бы то ни было вход в Черное море». Проблема приобретения острова его не смущала. Покупка, оккупация или аннексия острова «не представляет сейчас больших трудностей, как известная компенсация при современных интенсивных стремлениях Италии, Франции, Германии и Англии к захватам в Африке». См.: РГА ВМФ, Ф. 418. Оп. 1. Д. 13. Л. 1-7. «Соображения о ближайшей политике России на море» 1907 (?).

военно-морского ведомства в России, «вновь на нас нападет, если этого пожелает Англия — и Владивосток, как и Порт-Артур, будет ликвидирован»⁴⁹. Гинце выразил сомнение в антироссийской позиции Англии. По союзному договору с французами Россия начнет воевать, скорее всего, на стороне Франции и Англии против Германии. Ответ был категоричен: «Определенно нет; я знаю содержание договора между Францией и Россией. Такого обязательства не существует»⁵⁰.

Донесение Гинце свидетельствовало об озабоченности германских военно-морских кругов перспективами возвращения России на Балтику. Проблема взаимоотношений с балтийской соседкой вновь становилась для Тирпица актуальной. К тому же дипломаты возобновили обсуждение перспектив альянса с Россией.

Словно предвидя такой поворот событий, Гинце приступил к оценке союзнического потенциала Петербурга. В этой связи военно-морское ведомство интересовало достижения царского правительства по воссозданию военно-морского флота. Однако дела у русских шли не так быстро. Из-за отсутствия материальных средств Николай II утвердил в 1907 г. самый недорогой вариант судостроительной программы, получившей название Малой⁵¹.

Не слишком эффективны оказались и мероприятия по реформе морского управления. За ее ходом внимательно наблюдали как в военно-морском ведомстве, так и в Адмиралтействе. Там понимали, что от успехов России в этой области будет многое зависеть.

Реформа управления подтверждала тезис, что одной из причин поражения в войне с Японией были ошибки в организации флота. Считалось, что старая организация флота, созданная еще в 1888 г. по французскому образцу, страдала серьезными недостатками. Так, по мнению некоторых экспертов Адмиралтейства, они проявились в недостаточно эффективном руководстве флотом, отсутствии четкого разграничения полномочий и чрезвычайной централизации управления⁵². До 1905 г. главным начальником флота и Морского министерства являлся великий князь Алексей Александрович. Как представитель дома Романовых и как генерал-адмирал, он подчинялся только царю. «Главному начальнику всего флота» помогал управляющий морского министерства. Совещался великий князь с коллегией флаг-офицеров, так называемым Адмиралтейским советом. Таким образом, управление флота можно назвать «трехглавым». Главному начальнику непосредственно подчинялись командиры портов вместе с принадлежащими им стратегическими военно-морскими силами. Недостатком существующей системы было отсутствие всякой ответственности руководства флота за совершенные ошибки. Нечеткое разграничение полномочий приводило к волоките и срыву материальных поставок. Не случайно морское министерство после окончания войны с Японией общественность иронически называла «цусимским ведомством».

Реформирование началось с того, что в мае 1905 г. (2 июня 1905 г. освобождается от обязанностей) ушел в отставку с поста Главного начальника флота великий князь Алексей Александрович. Оставил место управляющего морского ведомства и адмирал Ф. К. Авелан. Кресло руководителя восстановленного морского министерства занял адмирал А. А. Бирилев⁵³. Он тут же вошел в историю германо-русских отношений тем, что поставил свое имя под Бьеркским договором. На встрече германского и российского монархов в июле 1905 г. Бирилев оказался единственным министром на борту императорской яхты «Полярная звезда». По просьбе царя он подписался на договоре, о содержании которого не имел ни малейшего представления. Это не помешало морскому министру выразить бурный восторг. В чувственном порыве он припал губами к руке

⁴⁹ BA-MA. RM 5/1505. Hintze an Wilhelm II. St. Petersburg. 22.05.1907.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Программа была рассчитана на 1908–1912 гг. и предусматривала строительство 4-х линейных кораблей нового типа «Дредноут», 3 подводные лодки для Балтики и 14 эскадренных миноносцев и 3 подводные лодки для Черного моря. См.: История отечественного судостроения в пяти томах. Т. 3: Судостроение в первой четверти XX в. (1906–1925) / И. Ф. Цветков. СПб., 1995. С. 26.

⁵² RM 5/894. Die neue Organisation der russischen Marine. Zum Immediatvortrag. 26.10.1908.

⁵³ История отечественного судостроения Т. 3. С. 16.

германского императора⁵⁴. Поведение адмирала позже стало поводом для насмешек. По характеристике С. Ю. Витте, Бирилев был «неглупый и недурной человек, но более болтун, нежели делец»⁵⁵. Более резко в оценке о личных качествах реформатора русского флота высказывался германский атташе. Разочарованный медленным ходом реформы морского управления, Гинце писал кайзеру, что только милость царя удерживала Бирилева на своем посту, так как он обладает качествами, «которые больше напоминают бывшего придворного шута, чем морского министра». При этом атташе сослался на рассказ Николая II о том, что во время одной из поездок Бирилев, сопровождая императорскую чету, постоянно смешил его и императрицу Александру Федоровну. Морской министр был настолько «потешным», что «Аликс до полусмерти смеялась над ним»⁵⁶.

Гинце считал: в своем рвении реорганизовать флот Бирилев явно перестарался. Прежде морской министр приступил к созданию множества комиссий, задачи которых не были четко определены. Комиссии, не требовавшие одобрения царя, он утверждал собственным указом. В апреле 1906 г. под его председательством было создано Особое совещание (комиссия Бирилева). Совещание пыталось выработать основные принципы судостроительной политики, включая разработку заданий для проектирования линейного корабля дредноутного типа, морской обороны и вооружения. В мае Совещание приняло решение о создании комиссии для рассмотрения эскизных проектов кораблей. Разработка судостроительной программы поручалась Главному морскому штабу (ГМШ) и Морскому генеральному штабу (МГШ)⁵⁷.

Гинце сообщал императору, что утвержденные комиссии работают изолированно, дублируя функции. Как результат «на свет появилось большое количество бумаг, которые содержали некоторые ценные материалы». Однако Бирилев не утруждал себя их изучением. По мнению Гинце, он не был способен оценить результаты работы своих «детищ». Если сообщения оказывались длинными, «он вообще не считал возможным их читать и действовал по своему усмотрению»⁵⁸. Зато Бирилев преуспел в другом. Он был настойчив в деле проталкивания своего протеже полковника Штенгера на должность начальника канцелярии министерства. Некомпетентность и злоупотребление служебным положением морского министра стали объектом критики со стороны адмиралов И. М. Дикова и Ф. Б. Дубасова. Они пользовались доверием царя, что, по мнению Гинце, способствовало принятию решения об отставке Бирилева. К тому же названные адмиралы с некоторых пор стали рассматриваться как возможные кандидатуры на министерский пост⁵⁹.

Все началось с проекта реформы, составленного в военно-походной канцелярии царя. Морское ведомство делилось на две самостоятельные части с прямым подчинением царю: собственно морское министерство и Морской генеральный штаб. Предусматривалось переподчинение командующих Балтийским, Черноморским флотидами, а также Сибирской флотилии непосредственно Николаю II через его военно-походную канцелярию. Проект в целом копировал германскую систему управления флотом⁶⁰.

⁵⁴ Фейгина Л. Указ. соч. С. 52.

⁵⁵ Цит. по: История отечественного судостроения. Т. 3. С. 16.

⁵⁶ BA-MA. RM 5/1505. Hintze an Wilhelm II. St. Petersburg. 22.01.1907.

⁵⁷ История отечественного судостроения. Т. 3. С. 18.

⁵⁸ BA-MA. RM 5/1505. Hintze an Wilhelm II. St. Petersburg. 12.01.1907.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ МГШ был создан 24 апреля 1906 г. в составе морского министерства. На него возлагали разработку планов войны, мобилизация, подготовка флотов и морских театров военных действий к войне, руководство морскими агентами за границей, а также деятельность морской академии. Начальник МГШ получил право доклада царю в присутствии морского министра. Впоследствии это право отменили. В ведении ГМШ оставались отдел учета личного состава, мобилизационная, строевая часть и боевая подготовка флота. Окончательная организация флота была утверждена в 1911 г. Согласно новой структуре, при морском министре находился совещательный орган Адмиралтейств-совет, председателем которого являлся морской министр. Морскому министру подчинялись МГШ, ГМШ, Главное управление кораблестроения, Главный военно-морской суд, Главное военно-морское судное управление, Главное гидрографическое управление и т. д. См.: Три века Российского флота. В трех томах под ред. И. В. Касатонова. Т. 2: В годы Первой мировой войны. СПб., 1996. С. 37–38; История отечественного судостроения. Т. 3. С. 20.

Бирилев пытался выступить против такой реорганизации, т. к. она ограничивала его полномочия как морского министра. Он даже выразил сомнение по поводу способностей Николая II координировать независимые друг от друга структуры флота⁶¹. Возможно, это переполнило чашу терпения царя. В итоге Бирилев вынужден был признать, что не может быть полезен флоту, и подал прошение об отставке.

Линию поведения в отношении политики возрождения русского флота Гинце прописал в донесении кайзеру в середине апреля 1908 г. Он обратил внимание на то, что в обозримом будущем русский флот не сможет «навредить немцам». Поэтому «вполне в немецких интересах лежит, чтобы Россия сегодня подошла к строительству нового флота», так как «всякое увеличение морских держав нам можно будет использовать в качестве противовеса открытым претензиям Англии на владение морем».

Гинце мало смущал факт подписания русско-английского соглашения: «история показывает, что друзья сегодня могут стать врагами завтра». Если Россия останется врагом Германии, то готовые и находящиеся в постройке русские военные корабли станут «легкой добычей» немцев⁶². Будут захвачены и русские военные гавани, такие, как Либава и базы флота на Аландских островах. Либава, построенная «для вылазок против Германии», будет использована как плацдарм для «революционизирования» балтийских провинций и наступления на Петербург. В свою очередь, Аландские острова — «отличный базис для революционизирования Финляндии»⁶³ и, если будут иметься в распоряжении войска, для высадки десанта на финское побережье⁶⁴.

Сложнее дело обстоит с базой русского флота в Кронштадте, которая прикрывала с моря столицу Российской империи. Германскому флоту Кронштадт «сложно атаковать из-за мелкого фарватера». Тем не менее с севера, со стороны Финляндии, взятие Петербурга германскими войсками при поддержке флота представлялось более простой задачей, чем с запада. Правда, Гинце не переоценивал стратегическое значение оккупации Петербурга. «Петербург не представляет всю Россию, как Париж Францию, хотя и является сосредоточением всей элиты России, начиная с Петра Великого»⁶⁵.

Итак, возрождение морской силы России на Балтике в обозримом будущем не будет представлять опасности для Германии, и «пара больших линейных кораблей более или менее ничего в этом не изменят»⁶⁶. «Превосходно», — сделал заключительную помету кайзер на донесении своего флигель-адъютанта. Это свидетельствует о соответствии взглядов морского атташе на развитие военно-морских сил России точке зрения кайзера. Спустя какое-то время и канцлер Бюлов определил свою позицию. Изложенные в донесении «соображения и предложения» он назвал весьма интересными и сделал следующую запись: «Мы должны желать, чтобы Россия усиливала свой балтийский флот и морские сооружения, точнее возрождала. Но это желание, естественно, мы не должны выставлять на показ». Хорошо бы использовать французов, рассуждал далее Бюлов, способных направить русскую финансовую и деловую активность на строительство флота, тем более, что французский морской атташе в Петербурге высказывался в пользу нового строительства. Необходимо польстить и самолюбия царя перспективами обладания флотом⁶⁷.

⁶¹ История отечественного судостроения. Т. 3. С. 20.

⁶² BA-MA. RM 3/18. Hintze an Kaiser. St. Petersburg. 15.04.1908.

⁶³ С началом Первой мировой войны идея «революционизирования» национальных окраин России нашла практическое воплощение в специальной программе германского правительства. См. об этом: Новикова И. Н. Феномен границ Великого княжества Финляндского (на примере германо-финляндского сотрудничества в начальный период первой мировой войны) // Россия и Финляндия в XVIII-XX вв. Специфика границы. СПб., 1999. С. 46-67.

⁶⁴ BA-MA. RM 3/18. Hintze an Kaiser. St. Petersburg. 15.04.1908.

⁶⁵ Ibidem.

⁶⁶ Ibidem.

⁶⁷ PA AA. R 10486. Notiz vom 02.06.1908; Paul von Hintze. S. 218. Бюлов просил, чтобы П. Гинце ликвидировал проект своего секретного сообщения. Кто-то поспешил успокоить канцлера, сделав запись: «Он уничтожил черновой набросок».

Мнение Гинце разделяли не все немецкие адмиралы. В феврале 1908 г. в Адмиралтействе переработали и выпустили в свет новое издание книги «Русский военно-морской флот». В ней содержалась информация, которая могла быть полезна немецким офицерам «при встречах с представителями русского военно-морского командования, оценки дееспособности флота и понимания процессов его развития...»⁶⁸. Речь шла и об организации военно-морского управления, личном составе, боеготовности флота. И хотя, делали вывод авторы этого своеобразного учебного пособия, «боевая готовность имеется только у малой части флота, а именно миноносцев Балтийского моря, можно ожидать в ближайшем будущем появления такого флота, какой мы до сих пор еще не знали»⁶⁹.

Спустя год, в докладе императору начальник штаба Адмиралтейства призывал не обращать внимания на «внешне малый прогресс» в возрождении русской морской силы. Несмотря на длительную бездеятельность морского министерства и бесплановость его политики, русский флот на Балтике в скором времени достигнет такой силы, с которой нельзя будет обращаться как «quantite' negligeable» (сила, которая не стоит внимания)⁷⁰. Даже при отсутствии на сегодняшний день ведущего дивизиона линейных кораблей имеющиеся у России боееспособные силы в составе крейсеров и миноносцев «повлияют на наши морские операции»⁷¹. При этом Адмиралтейство должно быть в курсе «их дислокации по месту и количеству, чтобы в случае возникновения войны можно было тотчас принять соответствующие меры». Отныне в специальном таблице должно фиксироваться местонахождение и передвижение всех кораблей русского Балтийского флота. Красным штрихом обозначалось передвижение активной части эскадры, голубым — кораблей резерва. Указывалось, что максимально большое количество находящихся на службе кораблей должно приходиться на август—сентябрь. Именно в это время могут проводиться маневры наиболее боееспособной части русского флота в составе 2 броненосцев, 7 больших крейсеров, 49 больших и 70 малых миноносцев, а также 9 подводных лодок. При чем уже в ближайшее время Адмиралтейство ожидало пополнения военно-морских сил за счет вступления в строй новых 2 линейных кораблей, 2 больших крейсеров, нескольких миноносцев и подводных лодок⁷².

Боснийский кризис сделал германо-русские отношения более сложными. В июне 1909 г., уже в качестве военного представителя при царе, Гинце докладывал кайзеру, что не знает ни одного русского, который видел бы пользу от участия в войне с Великобританией на стороне Германии. Пользуясь своим огромным влиянием на императора, он наложил своеобразное вето на союз с Россией. Россия еще в 1907 г. убрала «камень преткновения» с дороги любовного соглашения с Англией. Отныне «в обозримом времени никто не станет думать об индийском походе иначе как авантюре, которая более безнадежна, чем война с Японией»⁷³. Отсюда все разговоры о возможном союзе с балтийской соседкой теряют всякий смысл. Для Гинце гораздо большее значение имела не политическая, а военная составляющая союза с Россией. Против Англии она «исчисляется немногим выше нуля». Во-первых, русская армия «подготовлена, организована и размещена для европейской войны», а не для похода на Индию. Во-вторых, морские амбиции России ничем не подкреплены. Русский флот в обозримом времени «для союзников без пользы», а «совместные операции для него опасны». Одни перспективы усиления России на море не являются решающим аргу-

⁶⁸ RM 5/893. Zum Immediatvortrag. Berlin. 28.02.1908.

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ Ibid, RM 5/1438. Zum Immediatvortrag. Berlin. 22.05.1909.

⁷¹ Ibidem.

⁷² Ibidem.

⁷³ Hintze an Wilhelm II. St. Petersburg. 24.06.1909 // Quellen zur deutschen Außenpolitik im Zeitalter des Imperialismus. 1890-1911. S. 74-75.

ментом для заключения альянса. «Россия с помощью заграницы может строить пригодные корабли. Однако для того, чтобы укомплектовать их соответствующими экипажами, требуется больше времени, чем может ждать Германия...»⁷⁴.

Было очевидно, что в Германии не желали дожидаться, пока Россия вновь станет полноценной морской державой. Тем более, еще неизвестно, с какой целью русские направят свою балтийскую эскадру к Данцигу: для того, чтобы объединиться с кайзеровским флотом в вечном союзе, или с целью блокировать его под аплодисменты английских моряков. Итак, русский флот постепенно превращался в серьезного противника Германии на море.

2. Военно-морское ведомство и проникновение немецких фирм на судостроительный рынок России

На закате вильгельмовской эпохи летом 1917 года представитель германской правящей элиты баварский кронпринц Руппрехт писал барону Г. Гертлингу о том, что «последние двадцать лет вся внешняя политика рейха находилась на службе... крупных промышленников; не благополучие Германии служило мерилom, а прибыль, которую те консорциумы получали или надеялись получить»⁷⁵. Представители разных поколений немецких историков, от Э. Кера и Г. Хальгартена до Ф. Р. Бергхана, В. Дайста и М. Эпкенханса, изучали взаимоотношения политики и экономики, государственной власти и военной промышленности. Обратившись к истории строительства германского военно-морского флота, они рассмотрели истоки формирования так называемого «военно-промышленного комплекса», его влияние на «большую политику» кайзеровского рейха.

Вопрос о планах проникновения германских фирм на судостроительный рынок России, а также целях их правительственной поддержки в борьбе за российские военно-морские заказы является частью этой большой темы. В России немецкие «корабли» ощущали поддержку не только своего императора Вильгельма II, на что указывали неоднократно в своих работах отечественные исследователи⁷⁶. Подлинным вдохновителем идеи захвата российского судостроительного рынка являлось военно-морское ведомство во главе с адмиралом Тирпицем. Но экономическая мотивация защиты интересов верфей в России не являлась единственной. Следует вести речь также о целях политического, военного и даже идеологического характера.

Когда Россия как морская держава в результате морского сражения при Цусиме практически утратила свое значение, в Европе стали задаваться вопросом о воздействии этого события на позицию Петербурга в отношении продолжения войны или заключения мира. Для руководителей германской военной промышленности и судостроения гораздо важнее было правильно оценить влияние Цусимы на будущее развитие русского флота. Планы выделить на ближайшие пять лет для флота 271 млн. рублей, о чем заявлялось в Совете министров 27 мая, говорили о серьезных намерениях царского правительства восстановить утраченную при Цусиме морскую силу. Тем не менее, о дальнейших шагах России в области кораблестроительной политики судить было трудно. «Приведет ли к изменению флотской программы потеря второй эскадры, еще сегодня сказать нельзя», — докладывал в начале июня 1905 г. из Петербурга представитель германского морского ведомства⁷⁷.

⁷⁴ Ibidem.

⁷⁵ Цит. по: Kehr E. Op. cit. S. 453.

⁷⁶ См., напр.: Шацилло К. Ф. Иностранный капитал и военно-морские программы России накануне первой мировой войны // Исторические записки. Т. 69. М., 1960; Он же. Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны (1906-1914 гг.). М., 1968; Он же. Государство и монополии в военной промышленности России (к. XIX в.-1914). М., 1992; История отечественного судостроения. Т. 3.

⁷⁷ BA-MA. RM 3/2850. Hintze an Tirpitz. 02.06.1905.

Германское военно-морское ведомство немедленно предупредило крупнейшие фирмы своей страны о возможных судостроительных заказах со стороны России. В их число входили уже известные активностью на русском кораблестроительном рынке крупновская «Германия» в Киле, бременский «Вулкан» в Штеттине, гамбургская «Блом унд Фосс» и фирма «Ф. Шихау» в Эльбинге⁷⁸. В ответ владельцы верфей выразили глубокую признательность морскому министру Тирпицу за предоставленную информацию⁷⁹.

Предложения от крупнейших мировых фирм об оказании помощи России в строительстве нового флота следовали одно за другим. В начале июня морской атташе Гинце сообщил в Берлин о якобы имевших место инициативах американской фирмы «Шваб» и английского синдиката «Виккерс». В первом случае речь шла о готовности США принять от России судостроительный заказ на 200 млн. рублей. Американцы предлагали длительную отсрочку по платежам взамен на предоставление монополии в деле возрождения российского флота. Предложения «Виккерса» казались также заманчивыми. Английская фирма пожелала вложить в строительство военных кораблей 100 млн. рублей и ждать с расчетами так долго, как только Россия пожелает⁸⁰. По информации Гинце, российская сторона к обоим проектам отнеслась с недоверием, так как США и Великобритания считались «более или менее естественными противниками России». Однако «по этой же причине, — писал морской атташе, — „не имеют перспектив соответствующие германские предложения“»⁸¹.

Тем не менее, германские верфи не теряли надежды укрепить свои позиции в России, где они всегда чувствовали поддержку своего правительства в лице военно-морского ведомства и лично кайзера Вильгельма II. Когда в 1901 г. Россия, вследствие высоких крупновских цен, передала заказы на броню англичанам, именно германское правительство сделало попытку вернуть их назад. В этой связи русский морской агент А. К. Полис сообщал в Петербург: «...император, канцлер, морской министр и другие лица расспрашивали меня о причинах этого и выражали опасение, чтобы мы и впредь не продолжали заказывать броню английским заводам»⁸².

Экономическая выгода всегда являлась одним из главных мотивов для правительства Германии в поддержке немецких судостроителей. Только в период между 1895 и 1898 годами германские верфи выполнили заграничные заказы на сумму 100 млн. марок. В 1904 г. российские военные заказы Германии оценивались суммой более чем в 45 млн. марок⁸³. Возрождение русского флота после русско-японской войны сулило немалые прибыли. Когда в марте 1914 г. возникло так называемое «дело Полякова», речь о котором пойдет ниже, и Россия стала грозить бойкотом немецких судостроительных материалов, германский морской атташе в Петербурге Р. Фишер-Покайнен рекомендовал Берлину уладить дело: «это нам обойдется дорого»⁸⁴.

Однако правительственная поддержка германского судостроения за границей имела не только экономическую основу. Следует указать на внешнеполитическую мотивацию, а именно — на стремление одновременно с поставкой военно-технической

⁷⁸ В 1900 г. фирма Круппа построила крейсер «Аскольд», его проект занял первое место на международном конкурсе. В 1901 г. был спущен на воду построенный фирмой «Вулкан» бронепалубный крейсер «Богатырь», который император Вильгельм назвал лучшим построенным для русского флота кораблем. Фирма «Шихау» неоднократно выполняла заказы морского министерства на постройку миноносцев. См.: История отечественного судостроения. Т. 2: Паровое и металлическое судостроение во второй половине XIX в. / Р. М. Мельников. СПб., 1996. С. 387–394.

⁷⁹ BA-MA. RM 3/2849. AG «Weser» an Tirpitz. 19.05.1905., Krupp an Tirpitz. 19.05.1905., Stettiner «Wulkan» an Tirpitz, «Blom & Voss» an Tirpitz. 20.05.1905.

⁸⁰ Ibid. RM 3/2850. Hintze an Tirpitz. 02.06.1905.

⁸¹ Ibidem.

⁸² РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1925. Л. 316. Донесение морского агента А. К. Полиса. Берлин. 7 декабря 1901 г.

⁸³ Vogel B. Op. cit. S. 295.

⁸⁴ BA-MA. RM 5/1435. Fischer-LoBainen an Tirpitz. 30.03.1914.

продукции усилить политическое влияние. С этой точки зрения политика судостроительной экспансии оправдала себя в отношении Турции и Греции. В России же Германия могла с помощью отечественных фирм ослабить английское и французское политическое влияние.

В то же время политическая мотивация в распределении заказов играла не последнюю роль и для правительства России. Нельзя было игнорировать союзную и дающую кредиты Францию. Да и сами французы угрожали серьезными последствиями для союзнических отношений, если большая часть заказов на пушки и броню будет размещена в Германии. «Мы даем России деньги, а Россия делает на них заказы немцам!» — возмущались во Франции⁸⁵. Боязнь разрыва напряженных русско-английских отношений, как считает немецкая исследовательница Б. Фогель, способствовала раздаче заказов и английской промышленности. Об этом сообщал, например, своему правительству германский генеральный консул в Петербурге Марон. По его мнению, заказ русскими у англичан броненосного крейсера стоимостью 15 млн. марок, а также пулеметов и пушек у «Виккерса» находился в тесной связи с желанием русского правительства успокоить Великобританию вследствие Гульского инцидента, связанного с обстрелом эскадры З. П. Рождественского английских рыболовных судов⁸⁶. Вывод Марона о политической мотивации данного заказа косвенно подтверждается и тем, что первоначально морское министерство склонялось к проекту броненосного крейсера, предложенного американской фирмой в Камдене⁸⁷.

Участие германских фирм в создании русского флота имело, с точки зрения морского министерства, и военное значение. Как считал Тирпиц, «каждый военный корабль, строящийся на земле вне пределов Англии, являлся для нас преимуществом, ибо укреплял равновесие сил на море»⁸⁸.

Помимо военно-политических и экономических мотивов экспорта вооружений, не последнюю роль играли, по мнению М. Эпкенханса, социал-дарвинистские идеи о «германской миссии» (*deutsche Sendung*)⁸⁹. Типичным примером смешения «зендунгидей» с экономическими интересами Германии может служить письмо морского атташе Гинце кайзеру от 27 ноября 1906 г. Имея в виду цель военных поставок в Россию, он подчеркнул: «если мы, немцы, (курсив мой — С. Ш.) это не сделаем, то это сделают англичане, французы, бельгийцы и другие, естественно, с последующими бенефициями...»⁹⁰. Таким образом, целесообразность внедрения на русский рынок морских заказов, а по возможности и его захвата, не вызывала сомнений у германского правительства.

В процессе проникновения германских судопромышленников в Россию после русско-японской войны можно выделить два этапа. На первом, в 1905–1907 гг., в немецких промышленных кругах превалировало желание добиться российских заказов на полное или частичное строительство флота на своих верфях. Исходя из этого, германское морское ведомство вынашивало планы создания судостроительного синдиката с целью борьбы против английских и французских конкурентов.

На втором этапе, с 1908 по 1914 гг., проникновение германских фирм осуществлялась как в форме технического и финансового кооперирования с русскими заводами, так и путем открытия «русских» филиалов. Правда, последняя форма знает лишь единственный случай — открытие отделения фирмы «Шихау». С 1914 г. можно говорить о тенденции к сворачиванию деятельности немецких судостроительных фирм в России, поводом к чему послужило «дело Полякова»⁹¹.

⁸⁵ Ibid. RM 3/2853. Hintze an Wilhelm II. 25.10.1908.

⁸⁶ Vogel B. Op. cit., S. 190; Об условиях постройки крейсера см.: BA-MA. RM 3/2851. Hintze an den Kaiser. 15.08.1906.

⁸⁷ История отечественного судостроения. Т. 3. С. 56.

⁸⁸ Тирпиц А. Воспоминания. С. 203.

⁸⁹ Epkenhans M. Op. cit. S. 298.

⁹⁰ BA-MA. RM 3/2851. Hintze an Wilhelm II. St. Petersburg. 27.11.1906.

⁹¹ См. ниже: с. 101.

На первом этапе ключевой фигурой, отстаивавшей интересы германской судостроительной промышленности в России, был Пауль Гинце, назначенный морским атташе в Петербург в июле 1903 года. Перед поездкой к новому месту службы он выразил желание посетить судостроительные предприятия, в том числе заводы Круппа в Эссене. При этом руководитель отдела вооружений министерства контр-адмирал Г. Зак просил Круппа «сообщить названному штабному офицеру, в какой день встречи может состояться осмотр и оказать справочно-информационную поддержку его намерениям»⁹². Таким образом, германское ведомство с самого начала ориентировало своего атташе на работу в интересах Круппа и германской промышленности. Следует заметить, что в инструкции для военных и морских атташе, разработанной 11 декабря 1890 г., и новой ее редакции от 2 февраля 1900 г., поддержка интересов промышленности не входила в круг ближайших задач военных представителей за границей⁹³. Однако для многих, в том числе и для Гинце, поставка вооружений, судостроение и торговля кораблями часто становились центральной темой переписки с Берлином. Его работа оказалась небезуспешной с точки зрения интересов германской индустрии вооружений. Гинце, пользуясь доверием царя, был вхож в административные кабинеты флота⁹⁴. «Высокое доверие, которое царь оказывал немецким офицерам, особенно Гинце, было ценным политическим капиталом», — вспоминал адмирал Тирпиц⁹⁵.

После цусимской катастрофы в Германии еще надеялись на получение от российского правительства прямых морских заказов. В целях доминирования немецкой промышленности на этом рынке Гинце предложил создать германский синдикат судостроителей при финансовой поддержке «жизнеспособного банка». Синдикат должен был предложить России свои услуги по строительству большей части флота с долгосрочной отсрочкой стоимости поставок. Идея в общих чертах излагалась морским атташе в письме кайзеру 2 июня 1905 г. Так как объединить конкурирующие друг с другом германские верфи было непросто, стимулом для них могла служить, по мнению Гинце, «доля прибыли и влияния, которую, несомненно, принесет содействие в реорганизации русской морской силы»⁹⁶.

Однако вскоре стало ясно, что в России делают упор на поддержку собственной промышленности, а значит, предложение строить корабли в Германии становилось бесперспективным. Тогда Гинце предложил изменить программу судостроительной политики. Отныне она должна была служить цели экономического кооперирования с Россией в военно-морском секторе. Участие в такой кооперации могло заключаться, по словам морского атташе, «в новых формах поддержки русских фабрик специалистами, материалами и фабрикатами». Он резко выступил против представителей германской индустрии, полагавших, отстаивая «национально-экономические тезисы», что, способствуя развитию самостоятельности русских предприятий, они получают в их лице серьезного конкурента⁹⁷. С подобной аргументацией, доказывая Гинце кайзеру в ноябре 1906 г., «мы придем туда, где сейчас стоим: те же «Виккерс» и «Ля Сейн» уже имеют в России право на первый ход»⁹⁸.

⁹² Ibid. RM 3/2846. Sack an Krupp. 08.07.1903.

⁹³ Generalinstruktion des Reichskanzlers für die Militär- und Marineattachés vom 11.12.1890 und die geänderte 2. Fassung vom 2. 1900 // Giessler K. V. Op. cit. S. 257.

⁹⁴ Тирпиц А. Воспоминания. С. 199.

⁹⁵ Там же. С. 202.

⁹⁶ BA-MA. RM 3/2850. Hintze an Wilhelm II. St. Petersburg. 02.08.1905.

⁹⁷ Ibid. RM 3/2851. Hintze an Wilhelm II. St. Petersburg. 27.11.1906.

⁹⁸ Ibidem. В донесении идет речь и о намерениях русского правительства заказать Путиловскому заводу строительство канонерских лодок для дальневосточной речной флотилии. Гинце призывает немецкие фирмы принять участие в реконструкции завода, который в будущем получит большую часть правительственных судостроительных заказов. К тому же, по информации германского офицера, Путиловским заводом с недавних пор заинтересовался зять морского министра Бирилева.

Подобные опасения имели под собой почву. В морском министерстве, например, все больше склонялись к необходимости более тесного сотрудничества с англичанами. Там находились под впечатлением успешно прошедшего испытания «Дредноута». Выступая на Совете государственной обороны от 26 октября (8 ноября), где обсуждался вопрос о строительстве двух броненосцев большого тоннажа, Бирилев настоятельно рекомендовал связаться с английской фирмой «Виккерс» «для получения от нее уже готовых данных по проектированию броненосцев с турбинными двигателями»⁹⁹.

Германское военно-морское ведомство приветствовало столь активную деятельность своего представителя в России и призвало других офицеров за границей использовать свои контакты с руководителями зарубежной промышленности для установления торговых отношений¹⁰⁰.

Утверждение Николаем II Малой программы судостроения в июне 1907 г. усилило надежды многих представителей зарубежного кораблестроения на получение заказов от морского министерства. Однако 13 ноября 1907 г. Совет министров принял решение: все корабли должны строиться в России «из русских материалов и русскими рабочими»¹⁰¹. Расчет получить заказы на строительство целых кораблей не оправдался. Тем не менее «в последнее время, — писал русский морской агент капитан 2-го ранга Долгоруков, — немецкие газеты усиленно занимались вопросом русского кораблестроения одними русскими заводами, надеясь, в конце-концов, что заказы частью все-таки попадут за границу»¹⁰². Так, консервативная «Post» писала, что в этой связи большие надежды возлагались на июльскую встречу императоров в Свинемюнде. Но, даже если ожидания оправдаются, они неосуществимы из-за хронического отсутствия денег у русских на какие-либо постоянно действующие судостроительные программы¹⁰³. Германский скепсис в отношении морских планов российского правительства иногда выходил за грань приличия. Сразу после принятия решения, что новый флот будет возрождаться на российских верфях, на сцене одного из самых посещаемых частных театров Берлина была поставлена пьеса под названием «Чудовище». Ее автор, некий Лейман, попытаться изобразить воровство и продажность русского чиновничества при распределении судостроительных заказов морского министерства. По ходу спектакля царь предлагает прибывшему в Россию английскому принцу осмотреть строящийся броненосец. В последний момент становится известно, что кредиты, отпущенные для броненосца, уже израсходованы, а строительство так и не началось. Царь пытается задержать английского гостя, пока временно из досок не будет сколочен облик корабля. Пьеса не осталась незамеченной в Петербурге. Посольству в Берлине пришлось в виде неофициального представления обратиться с письмом протеста на имя канцлера Булова¹⁰⁴.

И все-таки германское министерство, как могло, подбадривало своих кораблестроителей. «С русским морским министерством можно договориться, если оно однажды заключило договор с определенной фирмой. Это впечатление было получено здешним представителем германской фирмы во время переговоров в министерстве: оно желает получить что-либо реально выгодное и готово дать за это хорошую цену», — так писал Гинце кайзеру в феврале 1908 года¹⁰⁵. В Германии уже знали, какой ключик можно подобрать к российскому военно-морскому министерству. Позже достоянием гласнос-

⁹⁹ РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 81. Л. 3. Журнал Совета государственной обороны от 26 октября и 10 ноября 1906 г.

¹⁰⁰ Giessler K. V. Op. cit. S. 120.

¹⁰¹ Шацилло К. Ф. Государство и монополии в военной промышленности России. С. 182.

¹⁰² РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3569. Л. 34. Морской агент в Берлине капитан 2-го ранга князь Долгоруков в МГШ. 22 августа (5 сентября) 1907 г.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же. Л. 39. Морской агент в Берлине капитан 2-го ранга князь Долгоруков в МГШ. 6-го (19) ноября 1907 г.

¹⁰⁵ BA-MA. RM 3/2852. Hintze an Wilhelm II, 13.02.1908.

ти станут свидетельства о продажности его чиновников при распределении заказов иностранным фирмам, в том числе и германским¹⁰⁶.

Летом 1907 года морское министерство объявило конкурс проектов линейного корабля для Балтийского моря. Для участия в нем были приглашены известные иностранные фирмы и русские заводы, в том числе и 4 германских: «Вулкан», «Шихау», «Блом унд Фосс» и «Германия». Условия конкурса, на первый взгляд, являлись малопривлекательными для возможных перспектив участия завода-победителя в осуществлении своего проекта. Так, морское министерство не гарантировало конкретных заказов на части и механизмы, правда, давало туманное обещание предоставить выигравшей фирме возможность наладить в России производство турбинных механизмов. Корабль должен был строиться на русской верфи «по желанию продающей планы фирмы под контролем ее инженеров». Как вспоминал кораблестроитель А. Н. Крылов, принимавший самое непосредственное участие в отборе проектов, «технические условия для конкурса представляли печатную тетрадь в лист на 30 страницах и были составлены весьма обстоятельно... В своем экземпляре я прежде всего сделал вполне отчетливое подразделение по статьям и для каждой статьи — по пунктам. Таких пунктов оказалось около 150»¹⁰⁷.

Участие в конкурсе показалось малоперспективным для дирекции «Шихау». Ее представитель в Петербурге заявил Гинце об отказе участвовать в соревновании по причине «недоверия к администрации флота». К тому же поставленная задача «будет стоить верфи лучших, столь занятых в настоящее время инженеров»¹⁰⁸. Гинце побуждал германские верфи к более активному участию в конкурсе, тем более, что его условия «выглядят строго лишь на бумаге и по опыту немного значат»¹⁰⁹. Вскоре стало известно: интерес к конкурсу проявили и судостроительные предприятия «Говальдверке» и «Везер». Гинце немедленно встретился с товарищем морского министра И. Ф. Бостремом и попытался расширить круг приглашенных к конкурсу германских фирм. Напористость германского атташе не понравилась русскому контр-адмиралу¹¹⁰. Он неохотно поддерживал беседу и высказался против «Говальдверке», которая «в прошлых отношениях с русским флотом... не всегда поступала честно и, кроме того, еще не построила большого корабля»¹¹¹.

Итоги открытого конкурса подводились после длительной дискуссии на межведомственном совещании в ночь с 24 на 25 октября 1908 г. Лучшим был признан проект фирмы «Блом унд Фосс». Кайзер даже счел возможным поздравить «Блом унд Фосс» с победой. Выступление кайзера отзывалось эхом возмущений французской прессы¹¹². Масла в огонь добавило и решение так называемого добровольного флота, подведомственного военному министерству, заказать у Шихау в Эльбинг 4 парохота водоизмещением 4500 тонн и 2 по 2000 тонн. Уступая давлению собственных военных промышленников, французское правительство поставило успех предстоящих переговоров по размещению русского займа в зависимость от исхода конкурса. Напрасно министр финансов В. Н. Коковцов пытался убедить союзников, что речь идет только о технической стороне дела, а совсем не о заказе судов за границей. Чтобы успокоить разгоревшиеся страсти,

¹⁰⁶ Материалы следственной комиссии о заказе «Шихау» 2 малых крейсеров и 9 эсминцев «Мюльграбенской верфи» см.: РГА ВМФ. Ф. 1248. Оп. 1. Д. 41, 43.

¹⁰⁷ Крылов А. Н. Мои воспоминания. Л., 1984. С. 148.

¹⁰⁸ BA-MA. RM 3/2852. Pourtales an Auswärtiges Amt. Telegramma. 25.12.1907.

¹⁰⁹ Ibid. RM 3/2852. Hintze an Wilhelm II. St. Petersburg. 13.02.1908.

¹¹⁰ В Германии бывший морской атташе в Лондоне Бострем считался одним из тех руководителей флота, который «предпочитал все английское». Когда в начале июля 1908 г. на его место пришел С. А. Воеводский, в штабе Адмиралтейства отметили, что новый товарищ морского министра «будет, возможно, полезен германской промышленности». См.: BA-MA. RM 5/894. Zum Immediatvortrag. 26.10.1908.

¹¹¹ BA-MA. RM 3/2852. Pourtales an Auswärtiges Amt. Telegramma. 25.12.1907.

¹¹² РГА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 316. Л. 45. Неклюдов — Коковцову. 4 (17) сентября 1908 г.

Коковцов поручил агентам министерства финансов во Франции и Германии поместить соответствующие заметки в печати, указав, что «фирма, составившая премированный проект, получит вознаграждение только за техническое руководство»¹¹³.

Гинце был обеспокоен неуместным выступлением кайзера, а также французским протестом против успехов германских судостроительных фирм в России. Он умоляет кайзера 25 октября 1909 г. «в интересах Шихау и вообще германской конкурентоспособности на русском рынке поднимать как можно меньше шума о полученных немецкой промышленностью заказах». В противном случае, предупредил атташе, «русская и зарубежная пресса своими нападениями на морское министерство осложнит ему возможность отстаивать свои решения»¹¹⁴.

Однако французы настояли на своем. Они достаточно умело перевели технический вопрос судостроительной политики в область экономических и политических отношений государств. Чтобы оказались и «волки сыты, и овцы целы», от услуг «Блом унд Фосс» пришлось отказаться. Скорее моральной компенсацией немецкой фирме можно считать сумму в 250 тыс. рублей, за которую и был выкуплен ее проект¹¹⁵.

Таким образом, французские конкуренты нанесли серьезный удар интересам германской судостроительной политики в России. Надежды руководства «Блом унд Фосс» принять более широкое участие в возрождении русского флота таяли с каждым днем. В 1910 г. ему пришлось признать, что, «принимая в расчет шовинизм русского правительства», остается возможным лишь содействовать созданию русской современной военной промышленности в виде поставок судостроительных чертежей, а также частей, которые не производятся в России»¹¹⁶. Практически свернула свою деятельность в России и фирма Круппа, теснимая французскими и английскими конкурентами. Если в 1905-1906 гг. ее поставки в Россию оценивались суммой в 5,79 млн. марок, то уже в 1907 г. они равнялись нулю¹¹⁷. Лишь накануне войны лидер германской индустрии вооружений вновь появился на русском рынке с заказами на сумму лишь в 0,16 млн. марок¹¹⁸.

Спад активности германских судостроительных фирм в России беспокоил не только правительство страны. Почти беспрецедентным событием выглядит обсуждение этого вопроса в рейхстаге. В январе 1910 г. во время дискуссии по морскому бюджету представитель партии Центра попросил статс-секретаря Тирпица прояснить ситуацию с поставками в Россию. «Россия вообще не делает морских заказов за границей, желая, по крайней мере, большие суда строить у себя», — последовал ответ. Члены бюджетной комиссии рейхстага не были удовлетворены разъяснениями адмирала. Среди виновников отсутствия заказов от русского морского министерства назывались и германское правительство со своей неумелой кредитной политикой в отношении России, и немецкая печать, в том числе «Берлинер тагеblatt», которая, по мнению депутата от национал-либеральной партии, «своими постоянными нападениями раздражает Россию»¹¹⁹.

¹¹³ Там же. Л. 55. Телеграммы Коковцова Т. С. Рафаловичу и А. Миллеру. 20 августа 1908 г.; о французском давлении на русское правительство по поводу победы германской фирмы «Блом унд Фосс» в конкурсе см. также: Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. Л., 1970. С. 226-233.

¹¹⁴ BA-MA. RM 3/2853. Hintze an Wilhelm II. St. Petersburg. 25.10.1908.

¹¹⁵ Крылов А. Н. Указ. соч. С. 150.

¹¹⁶ Epkenhans M. Op. cit. S. 301.

¹¹⁷ Недовольство сотрудничеством с Круппом просматривается в письме неизвестного автора в Морской генеральный штаб (сентябрь 1907 г.) По его мнению, завод «Германия» в Киле «даром получает от нас все наши усовершенствования и изобретения в области подводного мореплавания; впрочем, это мое замечание не оспаривается и в морских кружках Германии. Насколько долго тянутся работы по заказам иностранных держав, настолько же поразительно быстро исполняются заказы германского правительства». См.: РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3568. Л. 1-2.

¹¹⁸ Epkenhans M. Op. cit. S. 301.

¹¹⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 313. Донесение Миллера Коковцову. 30 января (12 февраля) 1910 г.

С принятием в 1912 г. «Программы усиленного судостроения Балтийского флота» активность представителей иностранной судостроительной промышленности в России, которым было за что побороться, усиливается. Для реализации программы Государственная дума утвердила сумму в размере 430 млн. рублей. Проект же «Закона о Российском императорском флоте», представленный царю морским министром еще в апреле 1911 г., предусматривал строительство трех эскадр для Балтийского моря в течение 20 лет. До 1930 г. на строительство только военных кораблей предполагалось израсходовать более 2 млрд. рублей золотом. «А на возведение гаваней и верфей», — докладывал германский атташе в Берлин со ссылкой на беседу с неназванным морским офицером, — только в один Ревель, за последующие 12 лет будет вложено 1000 млн. руб.»¹²⁰

По решению правительства заказы на строительство легких крейсеров, эсминцев и подводных лодок передавались отечественным частным судостроительным заводам. Тем не менее, немецкие верфи немедленно усмотрели в этом перспективы получения крупных заказов.

Во влиянии индустрии вооружений на Вильгельма II морской министр И. А. Григорович смог убедиться, когда во время посещения Балтийского порта в 1912 г. кайзер неприятно удивил министра своей навязчивостью. В беседе с Григоровичем он заявил о «необходимости... заказать часть флота... в Германии и о том, что они дадут перво-классные образцы новейших типов судов и построят скоро и хорошо»¹²¹.

На постройке эсминцев специализировалась фирма «Шихау», в прошлом неоднократно выполнявшая заказы морского министерства. После смерти основателя фирмы Фердинанда Шихау предприятие перешло в руки его зятя, инженера Карла Цизе. Нового владельца не устраивала роль технического консультанта русских корабелов. К тому же в данной области явное лидерство принадлежало инженерам «Блом унд Фосс». И хотя фирма регулярно получала заказы на строительство гражданских судов, амбиции германского предпринимателя простирались дальше. Почему бы не попробовать захватить большую долю, а может быть, и весь частный судостроительный рынок России? После утверждения в 1908 г. в Государственной думе Малой программы фирма неожиданно начала проявлять повышенный интерес к лесным массивам Прибалтики. Здесь, недалеко от Риги, «Шихау» стала субсидировать предприятие по переработке древесины и его отделение — бумажную фабрику «Зуо»¹²². Видимо, уже тогда К. А. Цизе и его брат Р. А. Цизе, представитель фирмы в России, вынашивали планы создания кораблестроительного филиала в Риге. Возникнув, новое предприятие получило название Мюльграбенской верфи.

Поскольку заказы на эсминцы передавались только отечественным производителям, а в управление верфи не могли входить иностранные подданные, ее подставным главой записали отставного контр-адмирала русского флота К. Иессен. В марте 1913 г. с ним и был заключен контракт на 9 эсминцев, получен и аванс в сумме 3 375 тыс. рублей¹²³.

Первые шаги филиала «Шихау» в России показали, что братья Цизе не собираются оставаться только статистами в конкурентной борьбе судозаводчиков. Попытка русских промышленников установить монопольные цены (по 2,5 млн. руб. за эскадренный миноносец) провалилась, так как фирма «Цизе» не поддержала инициативу формирующегося судостроительного синдиката, снизив стоимость корабля более чем на 0,5 млн. рублей. Когда во время войны специальная следственная комиссия изучала материалы по этому делу, представитель фирмы Гедике показал: «со стороны синдиката мне, Гедике, предлагали повысить цену или взять обратно смету»¹²⁴. По сути, немецкая

¹²⁰ ВА-МА. RM 5/1435. Hintze an Wilhelm II. 30.03.1914.

¹²¹ Григорович И. К. Воспоминания бывшего морского министра. СПб., 1993. С. 90.

¹²² РГА ВМФ. Ф. 1248. Оп. 1. Д. 43. Л. 5-8. Дело о Мюльграбенской верфи. Доклад юрисконсульта при канцелярии Главного начальника снабжения армий северного фронта капитана Фаленберга. 10.01.1917.

¹²³ История отечественного судостроения. Т. 3. С. 200-201.

¹²⁴ Цит. по: Шацлло К. Ф. Русский империализм и развитие флота. С. 243.

верфь применила в России свой опыт конкурентной борьбы. Как известно, германская судостроительная промышленность еще не была окончательно картелизирована, и конкуренция на внутреннем рынке считалась нормой. К тому же руководители «Шихау» вряд ли хотели портить отношения с морским министерством, уже подвергавшимся нападкам прессы и выступавшим против синдиката. «Последнее время, — сообщал по этому поводу германский морской атташе Фишер-Лоссайнен, — в прессе говорят о судостроительном синдикате, в котором должны объединиться здешние верфи, и русские газеты недовольны тем, что военно-морская администрация отныне будет находиться во власти доброй воли этого треста. Положение военно-морского флота еще никогда не было таким скверным! Тем не менее, это факт, что причастные (к созданию синдиката — С. Ш.) банки добиваются объединения, а военно-морское управление всеми средствами сопротивляется этому»¹²⁵.

В Германии продолжали самым тщательным образом следить за действиями «Шихау» в борьбе за получение военных заказов. Морское ведомство оказывало верфи посильную помощь. Когда в ознакомительных целях на суда и береговые учреждения германского морского ведомства прибыла группа офицеров из России, Тирпиц попытался создать для их работы благоприятную обстановку. Русский морской агент в Берлине Беренс немало удивился тому обстоятельству, что по его просьбе без всяких проволочек выдали пропуск для осмотра германских судов командированному из России капитану К. Ф. Кетлинскому. Беренс буквально терялся в догадках. «Возможно, это сделано с целью облегчить своему новому агенту в Петербурге осмотры и посещения», — писал он в Морской генеральный штаб. Практика показывала: немцы чрезвычайно редко разрешали осмотр боевых кораблей, делая исключение лишь для австрийских и итальянских союзников, а также «если есть уверенность, что такими осмотрами можно поддержать свою судостроительную промышленность...» На сей раз германское морское ведомство инспирировало в печати публикации, в которых факт выдачи разрешения «талантливому русскому морскому офицеру» рассматривался как горячее желание содействовать русскому кораблестроению. «Заказы у Шихау», — резюмировано на полях донесения Беренса¹²⁶.

Итак, причина лояльности германского военно-морского ведомства по отношению к России была установлена с высокой степенью точности. Как и предусмотрено в таких случаях, во время встречи с германским послом Ф. Пурталесом 21 октября 1912 г. Григорович в глубоком дипломатическом реверансе выразил благодарность за то, что «адмирал фон Тирпиц позволил показать комиссии русских моряков много поучительного»¹²⁷.

Далее Григорович сообщил Пурталесу о намерениях своего министерства передать самый крупный заказ на строительство эсминцев Шихау. Посол приветствовал заключенную «сделку в интересах германской судостроительной промышленности» и выразил надежду, что «на этом пути более не встретятся препятствия». Он явно намекал на случай четырехлетней давности, когда активное вмешательство французов не позволило германской «Блом унд Фосс» взять первый приз за проект линейного корабля и следующие из этого привилегии для германской промышленности. Морской министр без труда разгадал ход мыслей собеседника и выразился еще более откровенно: **«Соглашение уже окончательно достигнуто»**,¹²⁸ так как верфь «Шихау» сделала самое выгодное предложение». Григорович не поскупился на похвалу германской индустрии, заявив, что высоко ценит названное судостроительное общество и охотно заключает сделки с германскими поставщиками, так как уверен, **«что при этом не будут разворованы многие и многие сотни тысяч рублей»**¹²⁹.

¹²⁵ BA-MA. RM 3/2856. Marineattaché Fischer-Loßainen an Tirpitz. 01.07.1913.

¹²⁶ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3610. Л. 45. Беренс в Морской генеральный штаб. Берлин. 25 октября (7 ноября) 1912 г.

¹²⁷ BA-MA. RM 5/1441. Pourtales an Bethman Hollweg. 21.10.1912.

¹²⁸ Здесь и ниже подчеркнуто Бетманом-Гольвером.

¹²⁹ BA-MA. RM 5/1441. Pourtales an Bethman Hollweg. 21.10.1912.

Настойчивая ориентация морского министерства на германские судостроительные фирмы при раздаче даже части заказов дорого обошлась российской казне. Только Мюльграбенской верфи и фирме «Шихау» в Эльбинге было выплачено 7 475 тыс. рублей. Если учитывать, что после начала войны стоимость имущества «Шихау» в России, по самым завышенным оценкам, не превышала 4 млн. руб., то ущерб государственной казне составил как минимум 2,5 млн. рублей¹³⁰.

Таким образом, после поражения «Блом унд Фосс» в 1908 г. германские верфи вновь сделали серьезную заявку на лидерство в 1912 г. Прорыв «Шихау» в Россию означал прямой вызов английским и французским конкурентам на частном рынке российских кораблестроительных заказов.

Согласно справке министерства финансов от 16 (29) октября 1912 г., картина распределения судостроительных заказов морского министерства, «с точки зрения их зависимости от иностранных фирм», выглядела следующим образом. Французская группа судопромышленников «контролировала» заказы морского министерства на сумму в 55 млн. рублей, английская — на 67,4 млн. рублей и немецкая — на 69,5 млн. рублей¹³¹. Министерство признало, что преобладающая часть заказов предоставлена германской финансово-промышленной группе и, следовательно, существует прямая зависимость отечественных заводов от немецкой промышленности. Причина такой ситуации виделась в том, что «на изготовление большей части судовых механизмов, как то: турбин, двигателей внутреннего сгорания, взяты привилегии германскими заводами, к содействию которых по необходимости приходится обращаться»¹³². Французы не пришли в восторг от таких объяснений¹³³. Вновь последовали претензии союзников к русскому правительству и морскому министерству, которые Коковцов охарактеризовал как шантаж, «не совместимый с политическим достоинством России»¹³⁴.

Германское министерство могло подводить итоги и намечать планы на будущее. Отныне «интеллектуальное управление (русским кораблестроением — С. Ш.) находится в немецких руках», — победоносно заявил своему руководству германский атташе Фишер-Лоссайнен¹³⁵. Вывод делался на основании распределения заказа на 36 миноносцев по Большой программе судостроения, из которых 9 кораблей должна была построить Мюльграбенская верфь.

Кроме того, в составленной морским атташе для Тирпица таблице распределения заказов видно, что техническими советниками большинства частных российских судостроительных предприятий являлись инженеры «Блом унд Фосс», «Вулкан» и «Шихау». Если к этому добавить передачу нарядов на строительство двух малых крейсеров той же «Шихау» в Данциг, то позиция немецких судостроителей выглядит еще убедительнее¹³⁶.

Намечая возможный план действий германской судостроительной промышленности, Фишер-Лоссайнен обратил внимание руководства военно-морского ведомства на достаточно слабые позиции кораблестроительных заводов в Ревеле, которые, в отличие от Мюльграбенской верфи, вынуждены привлекать значительные иностранные капиталы. «Если даже военно-морское руководство, — писал морской атташе, — в своих понятных стремлениях иметь прямо в Ревеле работоспособные частные верфи постоянно станет снабжать их заказами, то этого еще недостаточно, чтобы удержать их на

¹³⁰ РГА ВМФ. Ф. 1248. Оп. 1. Д. 43. Л. 7. Материалы следственной комиссии.

¹³¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 346. Л. 140. «Справка министерства финансов о распределении судостроительных заказов морского министерства с точки зрения зависимости последних от иностранных фирм». 16 (29 октября) 1912 г.

¹³² Там же.

¹³³ Справка о распределении заказов была переправлена в Париж. См.: РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 346. Л. 144.

¹³⁴ Цит. по: Шацилло К.Ф. Иностранный капитал и военно-морские программы России накануне первой мировой войны. С. 74.

¹³⁵ BA-MA. RM 3/2856 Fischer-Loßainen an Tirpitz. 01.07.1913.

¹³⁶ Ibidem.

Таблица 1

№	Судостроительный завод	Местонахождение	Технический советник	Финансирование через	Заказ
1	Русско-Балтийское судостроительное общество	Санкт-Петербург	Блом унд Фосс	Юнион Паризьен банк Шнейдер-Крезе	2 крейсера 6 эсминцев
2	Русское общество	Ревель	Вулкан(?)	Юнион Паризьен банк Шнейдер-Крезе (?)	2 крейсера 6 эсминцев
3	Петербургский металлический завод	Санкт-Петербург	Вулкан	Русские деньги (банкир Шварц)	6 эсминцев
4	Бекер	Ревель	А. Норман	Петербургский частный коммерческий и Русский торгово-промышленный банки (французские вложения)	5 эсминцев
5	Мюльграбенская верфь	Рига	Ф. Шихау (Эльбинг)	Ф. Шихау (Эльбинг)	9 эсминцев

высоте. В настоящее время устройство той и другой верфи находится в начальной стадии, но, несмотря на это, уже затрачено много средств». По мнению Фишер-Лос-сайнена, ситуацией должны воспользоваться сильные германские верфи, чтобы появиться в России по примеру «Шихау».

Планам германского военно-морского ведомства не суждено было сбыться. Судостроительная промышленность Германии видела все меньше перспектив для безопасного вложения своих капиталов на фоне обострения русско-германских отношений. Не желали рисковать и немецкие банки. По данным Г. Хальгартена, германские капиталы, вложенные в русское судостроение перед войной, главным образом — банком «Дисконтогезельшафт», составляли 23 процента от французских вложений¹³⁷.

В начале марта 1913 г. германские верфи, а вместе с ними и правительство, испытали на себе первые атаки немецкой прессы. Почин принадлежал «Weser Zeitung». Газета назвала «тяжелейшим проступком против интересов германской обороны» сотрудничество германских верфей с русским правительством в деле создания современного флота¹³⁸. Спустя год, в феврале 1914 г., социал-демократ Г. Носке вернулся к данной теме в рейхстаге. Он указал на недопустимость помощи, которую оказывают немецкие фирмы потенциальному противнику на Балтике. Отвечая Носке и другим оппонентам, Тирпиц заявил: «Если мы не поставим России суда, то их построят другие. Нам надо найти работу нашим судостроительным фирмам. Мы не можем предоставить какой-либо стране монополию в деле военно-морского строительства»¹³⁹. С логикой Тирпица согласился депутат от партии Центра М. Эрцбергер, указав: если немецкие верфи уйдут из России, то их место займут английские и французские, а Германия ежегодно не будет досчитываться нескольких миллионов марок¹⁴⁰.

От газетной кампании пострадал и Крупп, несмотря на то, что его присутствие на судостроительном рынке России было не столь заметным. В данном случае примечательна реакция военно-морского ведомства. В личном письме Круппу Тирпиц осудил

¹³⁷ Хальгартен Г. Указ. соч. С. 542.

¹³⁸ Weserzeitung. 04.03.1913.

¹³⁹ Цит. по: Силян А. С. Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны (1908-1914). М., 1976. С. 326.

¹⁴⁰ Erkenhans M. Op. cit. S. 297.

нападки немецкой общественности и прессы против «мировой фирмы». Он заверил промышленника, что при любых обстоятельствах его высокий авторитет никогда не будет поколеблен. «Развитие военно-морского флота и фамилия Круппа неразрывно связаны между собой»¹⁴¹.

Осознание надвигающейся войны приводило и русское морское министерство, ранее отдававшее предпочтение сотрудничеству с германскими фирмами, к мысли о необходимости большей ориентации на Англию в своей судостроительной политике. О такой тенденции сообщал в середине февраля 1914 г. германскому морскому ведомству Фишер-Лоссайнен. По его сведениям, казавшиеся успешными переговоры с германскими фирмами об изготовлении некоторых частей для крейсеров «Адмирал Грейг» и «Светлана» были прекращены. Было принято решение, «по которому части должны прийти из Англии или Швеции»¹⁴². Тенденция вскоре переросла в открытый бойкот германских поставок. Толчком к бойкоту послужило так называемое «дело Полякова».

Военный инженер В. Г. Поляков находился на верфях «Шихау» в Германии как представитель морского министерства. 23 февраля 1914 г., направляясь из Эльбинга в Дуйсбург, он вышел на железнодорожной станции в Кельне, чтобы посмотреть карнавальное шествие. Во время давки в праздничной толпе Поляков, по показаниям свидетелей К. Маузоляфа и Б. Конрада, потянул цепочку часов, находящихся в кармане последнего, за что был арестован и препровожден в камеру. На допросе он отрицал попытку кражи, поскольку «имеет привычку держать руки за спиной во время ходьбы». После 10 дней заточения Поляков явился к русскому военно-морскому агенту Беренсу с заявлением об аресте и жалобой на жестокое обращение кельнской полиции, тюремной администрации и судебных органов¹⁴³. Делу дали ход. Находившийся при свите кайзера генерал Татищев явился в полной военной форме к начальнику императорской главной квартиры Г. Плессену и заявил ему, что, как русский офицер, «считает этим инцидентом задетым и себя». Плессен обещал доложить о случившемся императору, так как все прекрасно понимает и «сам возмущен поведением властей в Кельне». Несколькими днями позже немецкий генерал сообщил, что выполнил свое обещание и «все будет сделано»... А через два дня в прессе появились известие о прибытии в Кельн специальной комиссии¹⁴⁴. Комиссия не нашла ничего особо предосудительного в действиях кельнских властей. Русское посольство в Берлине получило ответ германского министра иностранных дел Г. Ягова¹⁴⁵. В нем, в частности, сообщалось, что секретаря тюрьмы Кельна, по небрежности которого не был дан ход требованию Полякова связаться по телеграфу с русским послом С. Н. Свербеевым, наказали «строгим внушением в соответствии с положениями дисциплинарного устава» и будет переведен в другую часть с понижением. «Внушением» отделались и два других служащих¹⁴⁶. По словам Свербеева, «большого... нельзя было ожидать»¹⁴⁷.

В России «дело Полякова» откликнулось бойкотом германских поставок для флота. Офицерский морской корпус чувствовал себя оскорбленным. «Случай с Поляковым будет стоить Германии не одну копейку», — заявил высокопоставленный офицер германскому морскому атташе. В адрес морского министерства стали поступать письма как частных лиц, так и различных «патриотических» организаций с требованиями расторгнуть контракт с фирмой «Шихау» и не принимать заказан-

¹⁴¹ BA-MA. № 253/173. Tirpitz an Krupp von Bohlen. Berlin. 05.10.1913.

¹⁴² Ibid. RM 3/2857. Fischer-Loßbain an Tirpitz. St. Petersburg. 20.02.1914.

¹⁴³ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3630. Л. 22. Записка о результатах ведомственного расследования по делу морского инженера Полякова; Berliner Allgemeine Zeitung. 18.03.1914.

¹⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3630. Л. 16-19. Донесение морского агента Е. Беренса в МГШ. 14 (27 марта) 1914 г.

¹⁴⁵ Там же. Л. 21. Беренс в МГШ. 15 (28 марта) 1914 г.

¹⁴⁶ Там же. Л. 20. Руководитель германского внешнеполитического ведомства Г. Ягов — российскому послу в Берлине С. Н. Свербееву.

¹⁴⁷ Там же. Л. 21. Беренс в МГШ. 15 (28 марта) 1914 г.

ные немцам корабли¹⁴⁸. Фишер-Лоссайнен панически сообщал в Берлин, что власти Петербурга, Ревеля и других городов стали требовать у предпринимателей свидетельства о происхождении ввозимых материалов, и принято решение о возвращении обратно в Германию поставок специальной стали, литья крупных размеров, труб, договоров на сумму в четверть миллиона рублей. Следовательно, в «деле Полякова» необходимо исходить не из аргументов кельнской полиции, делает вывод представитель германского министерства, а из того «факта, что на пороге раздача первой части заказов Большой судостроительной программы и что чудовищные суммы будут израсходованы на строительство верфей и гаваней»¹⁴⁹.

В ведомстве Тирпица прекрасно понимали: «дело Полякова» — лишь официальный предлог для сворачивания поставок из Германии. Правительство Николая II испытывало все большее давление своих союзников, требующих окончательно отказаться от германских услуг в возрождении морской мощи России. Необходимость изменения судостроительной политики четко осознавали в министерстве иностранных дел, но не в морском управлении. В желании морского министерства взять за образец технический опыт Германии и одновременно существующих установках правительства на экономическое, политическое и военное сближение с Францией и Великобританией заключалось главное противоречие русской кораблестроительной политики.

В этой связи возникает вопрос, насколько успешной оказалась для Германии кораблестроительная политика в России? С экономической точки зрения помощь германских фирм в строительстве флота обошлась России в 69,5 млн. руб. — на 14,5 млн. руб. больше, чем заработала французская промышленность¹⁵⁰. Однако политический эффект получился меньшим, чем ожидался в Берлине. Германии не удалось ослабить влияние англичан и французов.

Следует особо подчеркнуть, что преобладание германских фирм на частном судостроительном рынке России в 1912-1913 гг. было заметным. Это подтверждается не только уверенностью германского военно-морского ведомства в «интеллектуальном» захвате русского кораблестроительного рынка, но и выводами русского финансового ведомства о «прямой зависимости» отечественных заводов от поставок германской промышленности. Болезненность разрыва отношений с германскими фирмами, с которыми русское морское министерство и флот были тесно связаны как заказами, так и технической политикой, стала особенно ощутимой во время войны. В ряде случаев оказывалось невозможно достроить военные корабли, так как части и механизмы для них были заказаны в Германии. К примеру, на стапелях фирмы «Шихау» в Данциге находились почти в полной боевой готовности два малых крейсера, предназначенных для русского флота. Однако об абсолютном преобладании немецкой кораблестроительной индустрии говорить не приходится. «Дело Полякова» показало, насколько шатким может быть положение промышленного лидера без соответствующей политической поддержки. В данном направлении усилия военно-морского ведомства не возымели успеха.

3. Проливы, российский Черноморский флот и германо-турецкое военно-морское сотрудничество

В сложной обстановке перед Первой мировой войной, когда вновь обострился ближневосточный вопрос и в условиях формирования двух военно-политических блоков возрос интерес ко всем механизмам воздействия на международную ситуацию, Черноморские проливы, а также развитие флота на южных окраинах России попали в

¹⁴⁸ См., напр., выдержанное в этом духе письмо председателя отделения «Всероссийского национального союза» Я. Офросимова морскому министру И. К. Григоровичу. См.: РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3650.

¹⁴⁹ ВА-МА. RM 5/1435. Fischer-Loßainen an Tirpitz. 30.03.1914.

¹⁵⁰ Хальгартен Г. Указ, соч. С. 633.

зону особого внимания европейских держав. Исключением не являлась и кайзеровская Германия. При этом представители отечественной исторической науки, как правило, ограничивались констатацией негатива официального Берлина к желанию Петербурга разблокировать выход из Черного моря¹⁵¹. Что касается оценки военно-морским ведомством Черноморского флота и его отношения к германо-турецкому морскому сотрудничеству, здесь интерес исследователей практически не заметен¹⁵².

После заключения англо-русского договора в 1907 г. противоречия двух государств смягчились. Российская дипломатия стала надеяться на более лояльное отношение Англии к инициативам России относительно Босфора и Дарданелл. В дипломатических и военных кругах шла речь о подготовке захвата или, по крайней мере, изменения режима Проливов. При этом в Петербурге рассчитывали, что ни со стороны Германии, ни со стороны Австро-Венгрии не будет противодействий.

Однако «молчаливого одобрения» не получилось. В 1908 г. вспыхнул Боснийский кризис, и в его условиях Берлин проявил полное непонимание русской ближневосточной политики¹⁵³. Морской аташе Гинце доносил кайзеру Вильгельму II: «Константинополь опять является целью политики расширения русского влияния, а Германия рассматривается как враг этих устремлений»¹⁵⁴.

Хотя германская политика могла претерпевать изменения по каким-то тактическим моментам, это не касалось принципиального отношения к проблеме Босфора и Дарданелл, о чем заявил Вильгельм II 22 октября 1908 г.: «Россия знает, что мы не будем оспаривать ее политику относительно Проливов; однако исключено, что при сегодняшнем раскладе сил мы будем ей содействовать, так как это осложнит наши взаимоотношения с друзьями и союзниками»¹⁵⁵.

Во время европейского турне российского министра иностранных дел А. П. Извольского, предпринятого им после Боснийского кризиса, была сделана попытка выявить позиции сторон. Извольский считал, что в качестве компенсации за аннексию Австро-Венгрии Боснии и Герцеговины можно бы открыть для России выход из Черного моря. Однако союзники по Антанте не желали решать проблему Проливов в пользу русских. Это подтвердил английский дипломат Ч. Гардинг при встрече с канцлером Бюловым в Берлине 10 февраля 1909 года. По его словам, Извольскому открыто сказали и в Париже, и в Лондоне, что время для урегулирования вопроса с Дарданеллами еще не подошло¹⁵⁶.

Правда, ранее, в донесении германского посла в Лондоне П. Меттерниха Бюлову от 24 октября 1908 г., это высказывание выглядело более изыщно: Великобритания склоняется к тому, чтобы доказать России свою благожелательность и прекратить прежнее противодействие против открытия Проливов. Однако она боится потерять дружбу Турции, если пойдет на уступки в данном вопросе¹⁵⁷. Одновременно министр иностранных дел Великобритании Э. Грей заявил турецкому послу Рифат-паше, что его страна в переговорах Турции с Россией по вопросу о Босфоре и Дарданеллах развязывает Порте руки и ни в коем случае не станет оказывать на нее давление¹⁵⁸.

¹⁵¹ Например, в одной из последних публикаций, посвященной проблеме Черноморских проливов, ее авторы не анализируют особенностей политики Берлина. Германия причисляется к ряду государств (Англии, Франции, Австро-Венгрии, Италии, Турции), которые были против изменения режима Босфора и Дарданелл. См.: Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетие). М., 1999.

¹⁵² Исключением является книга А. С. Сидина, в которой одна из глав посвящена Германии и морской политике Турции. См.: Сидин А. С. Указ. соч.

¹⁵³ Шацкило К. Ф. Русский империализм и развитие флота. С. 95.

¹⁵⁴ BA-MA. RM 5/1434. Hintze an Wilhelm II. St. Petersburg. 18.03.1908.

¹⁵⁵ Große Politik. Bd. 25. № 9061.

¹⁵⁶ Ibidem.

¹⁵⁷ Ibidem.

¹⁵⁸ Ibid. Bd. 26 (1). № 9178. Der Botschafter in Konstantinopel Freiherr von Marschall an das Auswärtige Amt. Telegramm. Therapia. 25.10.1908.

Разочарование в Петербурге позицией Англии было глубоким. Посол Петербурга в Лондоне А. К. Бенкендорф высказал даже мысль о своем отзыве из страны¹⁵⁹. Австрийский дипломат А. Эренталь в разговоре с кайзером в начале ноября 1908 г. отмечал, что враждебное поведение Извольского в вопросах об аннексии Боснии и Герцеговины объясняется не какой-то особой антирусской политикой Вены, а неудачей его переговоров о Проливах в Англии¹⁶⁰.

И Вильгельм II, и канцлер Булов пытались выработать наиболее удачные варианты действий. Последний посоветовал кайзеру при его визите в Австро-Венгрию вопрос о Босфоре и Дарданеллах не поднимать, а предоставить инициативу австрийцам. Такой ход позволил бы впоследствии заявить, что Германия не выступает активно против русского желания в данном направлении. С другой стороны, при тогдашнем раскладе сил Берлин не смог бы оказывать давление на Порту¹⁶¹.

Временное единодушие в германском руководстве в отношении Проливов исчезло после того, как Вильгельм II решил разыграть эту карту в борьбе против главного соперника — Великобритании.

В декабре 1908 г. кайзер в письме Булову подробно изложил свое видение проблемы. «Если Австрия и Германия продемонстрируют царю, что в вопросах о Проливах они идут России навстречу и все сложности будут устранены (так как мы знаем, что он (Николай II — С. Ш.) делает упор именно на эту проблему и даже не боится призывать к оружию), то они помогут достичь ему нового успеха. Это произошло бы в пику Лондону и одновременно удовлетворило бы русское общественное мнение. Франция вынуждена будет сделать выбор: либо идти со своим союзником — и таким образом с империями, — либо держаться Англии»¹⁶². Далее события развивались бы, по мысли Вильгельма II, следующим образом: Англия окажется в таком положении, что придется или принять сторону Турции и тем самым выступить против открытия Проливов, или открыть Проливы для всех, чего не захочет Россия. Тем самым Англия вызовет к себе ненависть или турок, или русских, и порвет либо со славянским, либо с магометанским миром¹⁶³.

Итак, проблеме Проливов в международной политике Вильгельм II придавал исключительное значение. Очевидно, на него произвела впечатление позиция Николая II, который в беседе с Гинце в качестве цели российской внешней политики назвал свободный вход и выход из Черного моря. Царь считал, что это тема специальной конференции, а не тайного соглашения с турецкой империей¹⁶⁴. В желании Николая II во что бы то ни стало владеть Проливами, Вильгельм II увидел ключ к получению, укреплению и использованию дружбы с Россией. Поэтому Берлин в союзе с Веней должен был предпринять шаги по налаживанию диалога с Петербургом и привязать царя к центральным державам¹⁶⁵. Однако внутренне вполне логичным заключениям противостояли обстоятельства, не позволившие развиваться событиям по сценарию германского кайзера. Более того, они даже навредили отношениям между Россией и Германией.

На одно из таких неблагоприятных обстоятельств указал еще Булов, который высказывался против дипломатической игры Вильгельма II. По его мнению, кайзер не учел, как будет воспринята в России вообще и Николаем II, в частности, инициатива Германии и Австро-Венгрии по вопросу о Проливах. «Возбуждение, господствовавшее длительное время против нас в Англии, — писал Булов, — а также отчасти во Франции так велико, что наше выступление навстречу пожеланиям России скорее

¹⁵⁹ Ibid. № 9181. Kaiser Wilhelm II an Bulow. Neues Palais. 13.12.1908.

¹⁶⁰ Ibid. Bd. 25. № 9088.

¹⁶¹ Ibid. Bd. 26 (1). № 9179. Bulow an Wilhelm II. Berlin. 01.11.1908.

¹⁶² Ibid. Bd. 26 (1). № 9181. Wilhelm II an Bulow. Neues Palais. 13.12.1908.

¹⁶³ Ibidem.

¹⁶⁴ Ibid. 26 (1). № 9180. Pourtales an das Auswärtige Amt. Telegramm. St. Petersburg. 12.12.1908.

¹⁶⁵ Ibid. 26 (1). № 9181. Wilhelm II an Bulow. Neues Palais. 13.12.1908.

напугает, чем будет способствовать решению проблемы»¹⁶⁶. В подобном духе была составлена и записка руководителя внешнеполитического ведомства В. Шёна¹⁶⁷.

Но кайзер стоял на своем. В декабре 1908 г. Гинце в беседе с Николаем II сообщил, что кайзер охотно поддержит желание царя относительно Проливов. Реакцией стало большое удивление со стороны русского императора и заявление, что вопрос будет решаться только «в будущем, в ближайшем будущем». Кайзер, расценив ответ как положительный, на полях сообщения написал: «Очень отраднo! Желанное воздействие достигнуто, и это доказывается удивлением царя. Это же все очень хорошо!»¹⁶⁸

Время показало, что сбылись худшие предсказания Бюлова. В начале мая 1909 г., описывая ситуацию с Проливами, канцлер констатировал: русские убеждены в том, что немцы только усложнили ситуацию. Англия и Франция стали смотреть на Германию с откровенным недоверием, а у Австрии возникло подозрение, что Берлин даже не смог выждать удобный момент, поторопившись с авансами России¹⁶⁹.

Как указывал К. Ф. Шаццло, к весне 1909 г. Россия убедилась в том, что все ведущие государства против ее планов¹⁷⁰. Характерно: когда в связи с кризисом турецкого правительства европейские державы организовали совместный демарш своих кораблей в турецкие воды и Бюлов 21 апреля 1909 г. сообщал кайзеру, что Россия хочет, воспользовавшись ситуацией, решить проблему Проливов в свою пользу, Вильгельм II высказался однозначно. На полях записки канцлера он очень эмоционально написал две фразы: «Только не это! Мы не должны им содействовать в открытии Дарданелл!»¹⁷¹

Итак, Германии не удалось роль стороннего, благоприятственно настроенного к России наблюдателя. Проблема Проливов, как оказалось, заботила германское правительство значительно больше, чем демонстрировалось Петербургу.

Пожоже, в военно-морском ведомстве занимали иную позицию. Главный эксперт Тирпица по России Гинце писал в августе 1908 г., что затягивание решения проблемы Босфора и Дарданелл может привести к усилению боеспособности российского Черноморского флота, который станет «очень опасен для немецких интересов и опасен для Турции». Он высказал также предположение, что вследствие улучшений британо-российских отношений участие англичан в поддержке режима закрытия морских устьев и в неприкосновенности Турции можно исключить. На основании вышеизложенного Гинце сделал вывод: «наступил тот момент, когда стоит поразмыслить о передаче (конечно, за соответствующую плату) России Босфора и Дарданелл путем отказа от соответствующих параграфов Парижского мира»¹⁷². После поражения Германии в войне Тирпиц писал, что ради подписания мира они «...выхлопотали бы России право свободного прохода ее кораблей через Дарданеллы, а если бы она согласилась заключить с нами союз, предоставили бы ей один остров в Эгейском море»¹⁷³. Трудно сказать, насколько такая позиция Тирпица соответствовала его довоенным убеждениям. Тем не менее сдержанность, которую Тирпиц демонстрировал в вопросе военного сотрудничества с Турцией, о чем ниже пойдет речь, характеризует его как сторонника пересмотра статей Парижского мира в пользу России.

¹⁶⁶ Ibid. 26 (1). № 9182. Bulow an Wilhelm II. Berlin. 14.12.1908.

¹⁶⁷ Шён указал на то, что момент для совместного демарша Германии и Австрии в Лондоне по вопросу Проливов неблагоприятен. Англичане ни в коем случае не поддадутся и сделают все, чтобы разрушить планы Германии. В результате туркам было бы продемонстрировано, что их поддерживает одна только Великобритания. «Все выгоды от нашей дружбы в русском представлении будут нивелированы, если мы ничего не добьемся». См.: Aufzeichnung des Staatssekretär des Auswärtigen Amtes von Schoen. 15.12.1908.

¹⁶⁸ Ibid. 26 (1). № 9185. Hintze an Wilhelm II. St. Petersburg. 19.12.1908 // Große Politik. № 9184.

¹⁶⁹ Ibid. 26 (1). № 9186. Bulow an der Rat im Kaiserlichen Gefolge Gesandten Freiherrn von Jenisch, z. Z. in Korfu. Telegramm. Konzept. Berlin. 05.05.1909.

¹⁷⁰ Шаццло К. Ф. Русский империализм и развитие флота. С. 96.

¹⁷¹ Bulow an Wilhelm II., z. Z. in Korfu. Telegramm. Berlin. 21.04.1909 // Große Politik. Bd. 27 (1). № 9588.

¹⁷² BA-MA. RM 3/18. Hintze an Kaiser. 15.04.1908.

¹⁷³ Тирпиц А. Воспоминания. С. 325.

В Берлине понимали: усилия Извольского в борьбе за открытие Проливов могли быть более успешными, имея Россия на Черном море соответствующие ее политическим амбициям военно-морские силы. В этой связи перспективы развития флота на южных рубежах России, его количественные и качественные характеристики находились под постоянным вниманием военно-морского ведомства.

Бернгард Бюлов в своем сообщении на «высочайшее имя» в конце декабря 1908 г. заметил: отсрочка решения вопроса о Проливах со стороны России не в последнюю очередь объясняется и тем, что русский Черноморский флот пока был еще не в состоянии извлечь соответствующую выгоду из открытия Дарданелл. При этом канцлер сослался на премьер-министра П. А. Столыпина и министра финансов В. Н. Кокочова, высказавшихся неодобрительно в адрес политики Извольского. По их мнению, Россия не может интересоваться открытием Дарданелл, так как Черное море еще не занято российским флотом¹⁷⁴.

Еще раньше Гинце сообщал кайзеру, что Черноморский флот годится для защиты торговых судов, обороны побережья, а также для военных мероприятий против городов малоазиатского побережья. Однако для военных акций против Босфора или его укрепленной области он не подходит¹⁷⁵. По мнению Гинце, неожиданное нападение русских возможно лишь при беспечности турок. Да и то к атаке может побудить лишь «отважный вождь»¹⁷⁶. Такого вождя у русского флота нет¹⁷⁷. Таким образом, в Берлине могли не беспокоиться до тех пор, пока Россия на юге не наберет достаточно сил для прорыва в Средиземное море.

Судя по общему тону и содержанию посланий в Берлин, германские морские атташе были настроены к Черноморскому флоту критически. Впрочем, их наблюдения могли соответствовать действительности.

Даже беглого взгляда достаточно, полагал Кейзерлинг, чтобы увидеть ветхость и запущенность кораблей. Так называемый «активный флот» состоял из двух старых линейных кораблей, двух крейсеров, 13 миноносцев, четырех подводных лодок и двух минных заградителей. Оружие, имеющееся в наличии на кораблях, по мнению атташе, было собрано произвольно и без всякого тактического обоснования¹⁷⁸. Еще более старые корабли находились в «резервном флоте». Они одновременно представляли собой и военные, и учебные суда, на которых проводились занятия по артиллерийской подготовке, применению торпед и проходили подготовку унтер-офицеры¹⁷⁹. Таким образом, «из-за архаичности и большого разнообразия типов эти корабли представляют собой не более чем плавающие платформы для строевой подготовки. К тому же их количество очень ограничено»¹⁸⁰.

Отказывая Черноморскому флоту в способности к активным боевым действиям, Кейзерлинг пытался выявить причины такого его состояния. Среди названных факторов фигурируют слабая материальная база, недостатки в руководстве, особенности русского национального характера, просчеты в обучении матросов и т. д. Например, у германского офицера вызвал неподдельное возмущение внешний вид кораблей. «Наверное, ремонтные работы предпринимаются, но никаких улучшений не происходит, лишь некоторые корабли очищаются от грязи. Конечно, очень мало денежных средств, но проблема коренится в недостатке чувства порядка у команды и офицеров»¹⁸¹.

¹⁷⁴ Ibid. Bd. 26 (1). № 9185.

¹⁷⁵ BA-MA. RM 5/1438. Hintze an Wilhelm II. St. Petersburg. 18.04.1908.

¹⁷⁶ Ibidem.

¹⁷⁷ В адрес одного из «вождей», командующего Черноморским флотом — адмирала А. А. Эбергарда, Фишер-Лоссайнен заметил, что этот любезный, расфранченный старый холостяк пытается решать все вопросы за письменным столом, вместо того чтобы реально руководить эскадрой, нацеливая ее на решение учебно-боевых задач. См.: BA-MA. RM 3/2857. Fischer-Loßenein an Tirpitz. St. Petersburg. 20.06.1914.

¹⁷⁸ BA-MA. RM 3/2855. Keyserling an Tirpitz. St. Petersburg. 20.06.1910.

¹⁷⁹ Ibidem.

¹⁸⁰ Ibid. RM 3/2855. Keyserling an Tirpitz. St. Petersburg. 15.06.1910.

¹⁸¹ Ibidem.

Безусловно, боеспособность флота зависела и от военных портов. «Их запущенность стирала различия между ними, и главная база флота — Севастополь опускался на один уровень с маленьким оборонным пунктом Керчь», — писал Кейзерлинг Тирпицу. В плачевном состоянии находилось и южнорусское судостроение. Государственная верфь в Николаеве была «мертва» и представляла собой «скопище старых, плохо сохранившихся сооружений, включавших два покрытых деревом эллинга времен Петра Великого и императрицы Екатерины». Зато выгодно отличалась в Николаеве бельгийская верфь («Наваль»), которая курировалась двойным советом контроля — бельгийским и русским¹⁸².

Немало места в донесениях руководителю военно-морского ведомства Тирпицу военно-морские атташе уделяли характеристике личного состава Черноморского флота. По мнению Гинце, у моряков отсутствовала самодисциплина, они страдали от «ничегонеделания». Так, за все время пребывания Гинце в Севастополе с места не сдвинулся ни один корабль¹⁸³. В свою очередь, Кейзерлинг заметил, что матросы Черноморского флота не особо стремятся стать настоящими профессионалами; они по-прежнему привязаны к земле и в душе остаются крестьянами¹⁸⁴.

За обеспечение морских учений отвечал сам командующий «активного флота». Ему подчинялся командир учебной флотилии, сохранявший самостоятельность в вопросах так называемого специального образования. Обучение матросов начиналось зимой и длилось пять месяцев. При этом большая часть времени уделялась теоретической подготовке. В апреле начинались выходы в море. Кейзерлинг утверждал: командование не использовало никакой специальной программы, учитывающей опыт прошлых учений. Сами учения из-за недостатка угля, как правило, проходили вблизи берегов, что создавало угрозу безопасности плавания. Поэтому управление осуществлялось только опытными капитанами. Молодые же офицеры не допускались к столь ответственному делу, а потому не имели практических навыков вождения судов¹⁸⁵. По словам давно служивших офицеров, повышению боеготовности мешало обилие устаревших предписаний, имевших хождение со времен их юности. С одной стороны, они ничему не могли уже научить, а с другой, не давали возможность принимать самостоятельные решения¹⁸⁶.

Оставляли желать лучшего, по мнению германских атташе, взаимоотношения командиров и подчиненных. «Русские матросы в своих чувствах необузданны, — писал Гинце, — поэтому я хорошо понимаю тех офицеров, которые говорят мне о трудностях в общении с ними»¹⁸⁷. Фишер-Лоссайнен, выразив восхищение его бодрыми и «интеллигентно» выглядевшими матросами, выгодно отличавшихся от нерасторопных товарищей Балтийского флота, услышал в ответ: «Да, это так, однако в их сердца вы заглянуть не можете»¹⁸⁸.

Особое внимание в донесениях уделялось распространению среди личного состава флота «мятежных настроений». Восстание на броненосце «Потемкин» в 1905 г. стало настоящим потрясением для Гинце. Из опросов офицеров он сделал вывод о чистой случайности того, что мятежников не поддержали другие корабли. «Теперь, — писал Гинце в апреле 1906 г., — этих людей так загрузили тяжелой работой, что к вечеру... они вряд ли могли думать о чем-либо кроме сна». В то же время отмечалось: никакие меры не способны уничтожить мятежные настроения. Решения российских властей расформировать революционные экипажи и рассредоточить их по другим кораблям назывались ошибочными, так недовольство привносилось в новые команды¹⁸⁹. «Брожение» среди матросов сохранялось почти до начала войны. В июне 1914 г. Фишер-

¹⁸² Ibidem.

¹⁸³ Ibid. RM 5/1505. Hintze an Tirpitz. Sewastopol. 11.04.1906.

¹⁸⁴ Ibid. RM 3/2855. Keyserling an Tirpitz. St. Petersburg. 11.07.1910.

¹⁸⁵ Ibidem.

¹⁸⁶ Ibidem.

¹⁸⁷ Ibid. RM 5/1505. Hintze an Wilhelm II. Sewastopol. 11.04.1906.

¹⁸⁸ Ibid. RM 3/2857. Fischer-Loßainen an Tirpitz. St. Petersburg. 20.06.1914.

¹⁸⁹ Ibid. RM 5/1505. Hintze an Wilhelm II. Sewastopol. 11.04.1906.

Лоссайнен замечал, что среди команд Черноморского флота существует противостояние: «матросы кораблей, на которых происходили мятежи, держатся и сегодня обособленно от команд, оставшихся верными правительству». Притом лояльных командованием матросов в численном отношении меньше¹⁹⁰.

Итак, в германском военно-морском ведомстве были невысокого мнения о боевой готовности Черноморского флота. По мнению Кейзерлинга, южный флот России можно сохранить, «если он будет держаться в стороне от военных действий»¹⁹¹. Причем для улучшения ситуации одних денег недостаточно, и очень быстро вооружающиеся турки получают преимущество на море¹⁹².

Несмотря на такую оценку Черноморского флота, в Берлине верили в возможность существования угрозы со стороны России германским ближневосточным интересам. Обеспокоенный англо-русскими переговорами в 1907 г., кайзер писал Бюлову, что они могут «потерять Багдадскую железную дорогу, Малую Азию и ислам»¹⁹³. Учитывая это, германское правительство стало вынашивать планы развития военно-морских сил Турции. Они имели, безусловно, политические и военно-стратегические цели. В первом случае Турция могла стать зависимой от германских военно-морских поставок. Во втором — представлялось возможным рассчитывать на турецкую морскую силу в борьбе с Россией и Францией в Черном и Средиземном морях. Наконец, Россия будет вынуждена усиливать свой Черноморский флот, отвлекая тем самым значительные материальные средства от строительства флота на Балтике, способного выступить в будущей войне против Германии.

Однако решение продать Турции новейшие военные корабли натолкнулось на сопротивление германского военно-морского ведомства. В конце марта 1910 г. руководитель внешнеполитического ведомства Шён сообщил германскому послу в Константинополе, что Турции можно продать крейсер «Блюхер»¹⁹⁴. Однако этого не случилось. После совещания с Тирпицем, начальником морского кабинета адмиралом Мюллером и Шёном, кайзер изменил первоначальное решение. 1 апреля 1910 г. он объяснил туркам, что продажа современного корабля стала бы большой жертвой для германского флота. Кроме того, военное судно, оснащенное новейшим оборудованием, может стать доступным для осмотра англичанами¹⁹⁵.

Похожая ситуация произошла и с крейсером «Мольтке». Пытаясь сгладить ситуацию с «Блюхером», в июне 1910 г. Турция сообщили о возможности продажи другого крейсера, строительство которого планировалось завершить в 1911 году¹⁹⁶. Однако Тирпиц подал Вильгельму пространную записку, представлявшую все «за» и «против» проекта; аргументов «против» оказалось гораздо больше. К первому из них адмирал относил нежелание терять из состава германского флота, хотя бы на время, современный корабль. Далее повторялся тезис о недопустимости раскрытия технических секретов, что неизбежно последовало бы в случае допуска к крейсеру англичан. Наконец, формальной причиной отказа стало присвоение кораблю немецкого имени — фельдмаршала Мольтке¹⁹⁷. В итоге 14 июля 1910 г. Тирпиц уже мог удовлетворенно сообщить адмиралу Мюллеру: сделка не состоится¹⁹⁸.

¹⁹⁰ Ibid. RM 3/2857. Fischer-Loßbeinen an Tirpitz. St. Petersburg. 20.06.1914.

¹⁹¹ Ibid. RM 3/2855. Keyserling an Tirpitz. St. Petersburg. 20.06.1910.

¹⁹² Ibid. RM 5/1503. Keyserling an Tirpitz. St. Petersburg. 19.10.1910.

¹⁹³ Цит по: Гришина М. И. Указ. соч. С. 171.

¹⁹⁴ Aufzeichnung des Staatssekretär des Auswärtigen Amtes Freiherrn von Schoen. Berlin. 29.03.1910 // Große Politik. Bd. 27 (1). № 9808.

¹⁹⁵ Ibid. 27 (1). № 9810. Aufzeichnung des Staatssekretär des Auswärtigen Amtes Freiherrn von Schoen. Berlin. 01.04.1910.

¹⁹⁶ Ibid. 27 (1). № 9820. Der Reichskanzler von Bethmann Hollweg an das Auswärtige Amt. Telegramm. Kiel. 26.06.1910. S. 303.

¹⁹⁷ BA-MA. RM 2/1644. Tirpitz an Wilhelm II. Berlin. 06.07.1910.

¹⁹⁸ Ibid. RM 2/1644. Tirpitz an Admiral von Müller. Telegramm. St. Blasien. 14.07.1910.

Однако долго таким положение оставаться не могло. Значимость политических дивидендов от продажи кораблей Турции была настолько очевидна, что Германия не хотела их терять. Требовалась определенность. Тем более, турецкое правительство недвусмысленно показало, что вопрос уже не терпит отлагательства. Учитывая конкурентную борьбу Германии с Великобританией, военный министр Турции Махмуд Шевкет-паша в беседе с германским военным атташе майором Штремпелем в июле 1910 г. заявил, что в свете последних неудавшихся соглашений ему трудно отстаивать идею сотрудничества с Берлином. По его словам, морское дело в Турции, в том числе и обучение офицеров, издавна находилось под сильным английским влиянием. Поэтому неудивительно, что когда заходила речь о строительстве кораблей, то все думали прежде всего о размещении заказа в Англии, а никак не в Германии¹⁹⁹. Поэтому, когда Шевкет-паша в первый раз предложил купить готовый немецкий корабль, он оказался в довольно сложном положении. О боевых судах с маркой «сделано в Германии» распускались невероятные слухи: якобы они дают осадку на 700 мм больше запланированной, и будто миноносцам для увеличения скорости придают слишком грубые формы, и т. д.²⁰⁰

Германским представителям прямо дали понять: если в ближайшее время их страна не закрепится на турецком корабельном рынке, то вопросы сотрудничества могут отодвинуться, как минимум, на 10 лет. В Берлине посчитали это недопустимым и потому приняли решение о продаже Турции двух линейных кораблей дредноутного типа — класса «Бранденбург». Поначалу Тирпиц возражал, подчеркивая, как обычно, весомость данной потери для имперского флота. Однако в конечном итоге он согласился, признавая политическую значимость договоренности.

В свою очередь, Вильгельм II был недоволен тем, что события развиваются медленно. Он предлагал все возможные меры для ускорения переговоров. По словам Мюллера, стоило большого труда доказать императору, что планируемое соглашение — шаг исключительно политический, а следовательно, нельзя его просто декретировать, не дождавшись ответа рейхсканцлера Бетмана-Гольвега²⁰¹. Поскольку канцлер молчал, Вильгельм II потребовал от него через представителя внешнеполитического ведомства К. Тройтлера активизировать зондаж турецкой позиции. Для ускорения процесса кайзер предлагал морскому ведомству передать все нити переговоров военному атташе в Константинополе²⁰².

Хотя турок разочаровал германский отказ продать современный дредноут, они согласились на два корабля класса «Бранденбург». Очевидно, Берлин стал рассматривать продажу кораблей прежде всего как политический акт, а не как коммерческую сделку, направленную на завоевание турецкого рынка. Тирпиц в письме к Мюллеру указывал, что суда для Турции предлагаются по низкой стоимости²⁰³. Об этом же вспомнил в 1913 г. и директор департамента управления военно-морского ведомства Э. Капелле, подчеркнув, что цена тогда не соответствовала даже себестоимости корабля, порождая трудности при обсуждении соглашения в рейхстаге²⁰⁴.

Не меньшее значение придавалось и тому, как отправлять проданные корабли в Турцию — два вместе или каждый по отдельности через определенный временной интервал. При этом командир дивизиона или его помощник с командой могли остаться в Турции на год²⁰⁵. В принципе Вильгельм II поддерживал данную идею, только предлагал для руководства отрядом кораблей назначить адмирала, как он сам говорил,

¹⁹⁹ Bericht des Militärattaches Majors von Stempel. Therapia. 03.07.1910 // Große Politik. Bd. 27 (1). № 9821.

²⁰⁰ Ibidem.

²⁰¹ BA-MA. RM 2/1644. Müller an Tirpitz. S. M. Y. «Hohenzollern». Drontheim. 20.07.1910.

²⁰² Ibid. RM 2/1644. K. Treutler an Reichskanzler. Drontheim. 19.07.1910.

²⁰³ BA-MA. RM 2/1644. Tirpitz an Müller. St. Blasien. Telegramm. 14.07.1910.

²⁰⁴ Ibid. RM 2/1644. Direktor des Verwaltungsdepartaments des Reichs Marine Amts E. Capelle an Wilhelm II. Berlin. 19.04.1913.

²⁰⁵ Ibid. RM 2/1644. Tirpitz an Müller. St. Blasien. Telegramm. 14.07.1910.

«для большего эффекта». Напротив, Мюллер не считал необходимым отправку всего дивизиона сразу. Важным, по его мнению, был и вопрос о руководителе похода, так как, несмотря на то что все капитаны были добросовестными людьми, для дипломатической миссии они не годились²⁰⁶.

26 июля 1910 г. Турция приняла окончательное решение о покупке и выбрала корабли «Курфюрст Фридрих Вильгельм» и «Вайссенбург» как наиболее новые. Они должны были проследовать в Константинополь и управляться немецким экипажем. Последнему обстоятельству в Берлине придавали особое значение как позволявшему полностью контролировать процесс передачи кораблей и получить гарантии от всевозможных эксцессов. Согласно договору, зарплату немецкому экипажу выплачивало германское государство; на Турцию возлагалась оплата обратной дороги для экипажа.

30 августа 1910 г. оба корабля вошли в бухту Константинополя. Одновременно (июль — август) в Турцию появились и другие немецкие суда: в частности, по контракту от января 1910 г. у «Шварцкопфа» было приобретено 4 новых эсминца²⁰⁷. Вскоре выяснилось, что приобретенные Турцией корабли оказались невысокого качества. Один из них, «Курфюрст Фридрих-Вильгельм», имел изношенные машины и потому не мог развивать скорость более 10 узлов. Прибывшие эсминцы, как сообщал российский военно-морской агент в Турции, военно-морское ведомство забрало еще в Германии из-за недостатков в конструкции. К тому же они не были вооружены и потому не могли быть введены в строй за короткое время²⁰⁸.

Данная сделка с Турцией стала последней перед войной. В апреле 1913 г. Капелле в письме Вильгельму II обосновал причины, по которым Германии стало невыгодно продавать Турции корабли класса «Бранденбург». Во-первых, это ослабляло мощь германского флота, а во-вторых, Турция из-за сложного финансового положения не могла заплатить за них соответствующую цену²⁰⁹.

Неудачно закончились и переговоры о продаже подводной лодки. В январе 1911 г. морской министр Махмуд Мухтар-паша обратился к германскому послу в Константинополе А. Маршаллю с пожеланием купить одну из трех подводных лодок, строящихся в Германии²¹⁰. Против очередной сделки с турецким правительством опять выступил Тирпиц. Он вновь чувствовал английскую опасность. В какой-то степени она давала о себе знать. Лондон не хотел выступать в роли наблюдателя германских усилий по установлению военно-морского влияния в Турции. Когда там стали вырывать планы замены британских инструкторов морскими офицерами из Германии, англичане отреагировали стремительно. 20 сентября 1911 г. они заявили решительный протест турецкому правительству по поводу приглашения немцев на корабли турецкого флота, так как это подорвет престиж британской морской миссии на Ближнем Востоке²¹¹.

В свою очередь, Вильгельм II соглашался на продажу подводной лодки при условии соблюдения сверхсекретности договора и присутствии на субмарине немецких офицеров. Кайзер хотел, чтобы Турция расценила это как дружественный жест, что позволило бы в будущем надеяться на лояльность турок при решении вопроса о размещении заказа на строительство кораблей для их флота на германских верфях²¹².

Однако, как сказано выше, покупка подводной лодки так и не состоялась. И дредноут Турция строила не в Германии, а в Англии. Прогермански настроенный Махмуд Мухтар-паша пытался заказать в Германии, у Круппа, хотя бы орудия для корабля, но английская фирма «Виккерс» согласилась взять заказ на дредноут только целиком, включая и вооружение. Контракт подписали летом 1911 г.²¹³

²⁰⁶ Ibid. RM 2/1644. Muller an Tirpitz. S. M. Y. «Hohenzollern». Drontheim. 20.07.1910.

²⁰⁷ Шацилло К. Ф. Русский империализм и развитие флота. С. 115.

²⁰⁸ Силян А. С. Указ. соч. С. 90, 102.

²⁰⁹ BA-MA. RM 2/1644. Capelle an Wilhelm II. Berlin. 19.04.1913.

²¹⁰ Marschall an Bethmann Hollweg. Pera. 09.01.1911 // Große Politik. Bd. 27 (1). № 9831.

²¹¹ Силян А. С. Указ. соч. С. 103.

²¹² Marschall an Bethmann Hollweg. Pera. 09.01.1911 // Große Politik. Bd. 27 (1). № 9831.

²¹³ Шацилло К. Ф. Русский империализм и развитие флота. С. 120.

Активная деятельность Берлина по продаже Турции боевых судов и большая заинтересованность Вильгельма II в увеличении турецкого флота заставляют задуматься о целях такой политики. Какие дивиденды хотела иметь Германия от усиления турецких военно-морских сил?

Один из ответов очевиден: немцы пытались утвердить свое присутствие в Турции для обеспечения собственных ближневосточных интересов, а в далекой перспективе обрести и союзника в войне. Следовательно, требовалось до минимума сократить английское влияние. И если реорганизацией турецкой армии занимались германские инструкторы из военной миссии Лимана фон Сандерса, то в турецком флоте приходилось соперничать с англичанами. Усиление военно-морских сил османской Турции под эгидой Германии было желательно, и чтобы привлечь дополнительные силы для борьбы против французов в Средиземном море.

Однако важен ответ и на вопрос, какого эффекта ожидала Германия от строительства турецкого флота в своих отношениях с Россией? Это, как представляется, самым непосредственным образом задевало интересы российского государства в черноморском регионе. Россия в свете неудачной политики в отношении Проливов и слабости Черноморского флота должна была очень болезненно реагировать на любые действия, направленные на возрождение турецкого флота.

Именно так, очень настороженно, и восприняли русские дипломатические и военные круги сообщения о покупке Турцией новых кораблей. Еще в июне 1909 г. морской министр С. А. Воеводский обеспокоенно писал Извольскому о возможном приобретении турками трех дредноутов, строящихся в Англии. «Значение и последствия такого усиления Турции на Черном море, — замечал он, — заслуживает с нашей стороны самого внимательного отношения к этому вопросу, принимая во внимание, что каждый из этих трех кораблей по силе артиллерии превосходит весь наш Черноморский флот и что, следовательно, в случае приобретения их Турцией, владение Черным морем надолго перейдет в ее руки»²¹⁴. Через год, в апреле 1910 г., когда в процесс восстановления турецкого флота активно включилась и Германия, Воеводский уже серьезно выражал свою тревогу министру иностранных дел С. Д. Сазонову. Он указывал на опасность воссоздания «оттоманского флота», влекущего ослабление положения России на южном фронте, особенно в случае ее войны с западной коалицией²¹⁵.

Уже с первых шагов Турции по укреплению военно-морских сил в России подозревали, что за этим стоит Германия. Посол в Константинополе Н. В. Чарыков в частном письме от 15 августа 1909 г. указывал на готовность Турции к покупке дредноутов, что не в последнюю очередь обуславливались «влиянием Германии, стремящейся по политическим соображениям к усилению турецкого флота, во вред не только Англии, но и России»²¹⁶.

С 1910–1911 годов русские дипломаты уже не сомневались в том, что Германия в своей политике в отношении турецкого флота преследовала вполне определенные цели: содействуя его строительству, немцы стремились отвлечь внимание и силы России на юг, с Балтийского моря на Черное. Об этом докладывал в рапорте Морскому генеральному штабу русский морской агент в Берлине Е. Беренс. «Германия, — писал он 20 июля 1911 г., — конечно, выгодно, чтобы мы побольше вкладывали в другие моря, кроме Балтийского, и поэтому она всячески будет стараться направить нас на путь Черноморского флота. Она прекрасно понимает, что чем больше денег пойдет туда, тем меньше останется на Балтику»²¹⁷. Морской агент в Константинополе

²¹⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3062. Л. 1. Морской министр С. А. Воеводский — министру иностранных дел А. П. Извольскому. 25 июня (8 июля) 1906 г.

²¹⁵ Там же. Л. 75. Воеводский — министру иностранных дел С. Д. Сазонову. 24 апреля (7 мая) 1910 г.

²¹⁶ Там же. Л. 16. Выписка из частного письма гофмейстера Н. В. Чарыкова. Буюкдерс. 15 (28) августа 1909 г.

²¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3590. Л. 22. Беренс в МГШ. 20 июля 1911 г.

ле А. И. Щеглов писал: «при общем назревающим столкновении Германии с Англией первой важно отвлечь внимание России на юг»²¹⁸.

Не исключали подобного развития событий и во Франции. 22 августа 1910 г. в «*Moniteur Oriental*» вышла статья о немецком участии в строительстве турецкого флота. Исходя из предположения, что Германия продолжит продавать Турции военные корабли, газета дала исторический экскурс развития отношений на Черном море. В итоге делался вывод, что Германия уже второй раз вынуждает Россию усилить свой Черноморский флот: в первый раз это произошло из-за позиции Бисмарка на Берлинском конгрессе 1878 г., и в настоящее время — благодаря содействию усилению турецких военно-морских сил²¹⁹.

Известно, что, когда летом 1910 г. в Париж прибыл турецкий министр финансов Джавид-Бей для получения очередного займа на покупку корабля, русский посол А. И. Нелидов пытался помешать этому. Он указал министру иностранных дел С. Пишону на вредность для Франции русско-турецкого соперничества, так как оно отвлекает средства от реорганизации русской армии²²⁰. Однако Франция не вяла тогда его доводам.

Имела ли Германия в действительности намерения отвлечь Россию от Балтийского моря и заставить ее строить Черноморский флот? Заключение вполне логичное. В июне 1910 г. Кейзерлинг писал Тирпицу, что слабый Черноморский флот делает все более возможным принятие российским правительством решения о постройке нового флота. Побудительным толчком должно стать усиление турецкого флота²²¹.

В октябре того же года Кейзерлинг вновь доносил главе военно-морского ведомства: в результате активизации строительства турецкого флота русское морское министерство серьезно задумалось о том, что перед системой обороны русского черноморского побережья встанут новые задачи. «Призраком растущего турецкого флота, — писал атташе, — стал причиной полемики в русском морском министерстве: не следует ли вместо Балтийского флота возобновить строительство Черноморского флота, свернутое вследствие ограниченности денежных средств»²²². В свою очередь, Фишер-Лоссайнен указывал на нервозность в России по отношению к туркам. По его мнению, у народа и Думы неизбежно должно возникнуть понимание необходимости серьезного дополнительного финансирования Черноморского флота²²³.

Таким образом, заинтересованность Германии в отвлечении средств России с Балтийского моря в Черное очевидна. Учитывая роль, отводимую Берлином военно-морским силам в противостоянии двух блоков перед войной, можно сказать, что, поощряя усиление турецкого флота, немцы стремились заставить российское правительство перераспределить средства в пользу Черноморского флота в ущерб Балтийскому. Данная политическая линия имела немалое значение, но не выходила за определенные границы.

Тирпиц добился того, что в вопросе о продаже кораблей Турции приоритетными оставались военные интересы германского флота. В пользу того, что акт купли-продажи рассчитывался в основном на запугивание России, говорит тот факт, что, по сведениям русского посла в Берлине, слухи об усилении турецкого флота инспирировались и фабриковались в первую очередь самой же Германией²²⁴.

Какие реальные плоды могла пожинать Германия от своей политики в Турции? В 1910 г. Кейзерлинг разочарованно писал Тирпицу: несмотря на бурные обсуждения проблемы строительства Черноморского флота в российской прессе и в Думе, дело не двигалось с места. Россия просто не имела средств, чтобы еще что-то делать на южных рубежах²²⁵.

²¹⁸ Цит. по: Шаццлло К. Ф. Русский империализм и развитие флота. С. 116.

²¹⁹ Geschäftsträger in Konstantinopel von Miguel an den Reichskanzler von Bethmann Hollweg. Therapia. 23.08.1910 // Große Politik. Bd. 27 (1). № 9827.

²²⁰ Шаццлло К. Ф. Русский империализм и развитие флота. С. 112.

²²¹ ВА-МА. RM 3/2855. Keyserling an Tirpitz. St. Petersburg. 15.06.1910.

²²² Ibid. RM 5/1503. Keyserling an Tirpitz. St. Petersburg. 19.10.1910.

²²³ Ibid. RM 3/2857. Fischer-Loeblen an Tirpitz. St. Petersburg. 20.06.1914.

²²⁴ РГА ВМФ. Ф. 418, Оп. 1. Д. 3590. Л. 22. Морской агент Беренс в МГШ. 20 июля 1911 г.

Так оно в действительности и было. Но, кроме того, достаточно жестко выдерживались приоритеты. Морской министр С. А. Воеводский писал летом 1909 г. Извольскому: «создавать в противовес нарождающемуся турецкому флоту соответствующий флот на Черном море представляется для России немислимым в течение еще долгого ряда лет, ввиду первенствующего значения для нас балтийского театра, представляющего нас сосредоточить на нем все наши силы»²²⁶. На то же указал в конце 1910 г. Кейзерлинг, обвинив в неповоротливости морское министерство, не учитывавшее всех особенностей российской морской политики²²⁷.

Однако планы роста турецкого флота не могли не повлечь за собой ответной реакции со стороны России. В январе 1911 г. Государственная Дума наконец одобрила программу строительства Черноморского флота и выделила для этого 150, 8 млн. рублей²²⁸.

Таким образом, усилия Германии по восстановлению турецких военно-морских сил имели определенный успех. Россия была вынуждена заняться строительством Черноморского флота, оттянув часть материальных и финансовых средств от Балтийского флота. Политика Берлина органически вплеталась в общую стратегическую линию, нацеленную на формирование и укрепление военно-политического блока Центральных держав, закрытие Проливов для России, внедрение в Турцию в рамках реформирования армии и восстановления турецкого флота, привлечение ее в качестве союзника в будущей войне.

Что же касается ведомства Тирпица, то, как бывало и раньше, оно противопоставило сдержанность буйному темпераменту кайзера. Тирпиц стоял перед дилеммой: либо сильный турецкий флот за счет германских поставок, что давало дополнительные шансы на отвлечение материальных средств России с Балтики, а также на политическое завоевание Турции, либо максимальная концентрация усилий против англичан. Тирпиц выбрал второе. Он не пошел на ослабление «флота риска» за счет экспорта современных кораблей османам. Однако это не означало, что Тирпиц не пытался найти «золотой середины». Убедившись, на основании донесений Гинце и его коллег, что Черноморский флот не представляет собой боеспособного соединения, он согласился на достижение желаемой кайзером цели — посылки в Турцию второразрядных кораблей.

4. В поисках военной и политической опоры на Балтике

В ходе подготовки войны против России в Германии не могли не учитывать скандинавский политический и военный факторы. В данном случае важно выяснить, насколько военно-морское руководство Германии было заинтересовано во втягивании в будущий военный конфликт Швеции и каким образом оно рассчитывало использовать ее против России.

В 1905 г. в результате разрыва унии между Швецией и Норвегией на карте Северной Европы возникли два самостоятельных, не связанных между собой союзническим договором государства. Уже в силу своей принадлежности к балтийскому региону, они оказывались в зоне особого внимания со стороны германского политического и военно-морского руководства. В случае возникновения конфликта с Россией или Англией, кайзеровское правительство должно было четко представлять себе позицию скандинавских государств и, учитывая ее, по возможности, контролировать или даже управлять ситуацией в водах Балтийского моря.

Швеция и Норвегия могли интересовать Германию по нескольким причинам. С одной стороны, Германия пыталась изучить вероятность выступления скандинавских государств на стороне одного из противоборствующих блоков: Тройственного союза или Антанты. Потом можно было бы попытаться подчинить их своему влиянию, а затем использовать в политических и военных целях. С другой стороны, Германия

²²⁵ ВА-МА. РМ 5/1503. Keyserling an Tirpitz. St. Petersburg. 19.10.1910.

²²⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3062. Л. 1.

²²⁷ ВА-МА. РМ 5/1503. Keyserling an Tirpitz. St. Petersburg. 19.10.1910.

²²⁸ Шаццло К. Ф. Русский империализм и развитие флота. С. 127.

могла стремиться и к искусственному созданию скандинавского фактора. Например, с помощью пропагандистских методов усиливать антирусские настроения скандинавской общественности с целью создания в лице России образа врага.

Незадолго до начала Первой мировой войны к состоянию шведского флота сложилось весьма неоднозначное, по большей части критическое или даже негативное отношение. В конце января 1912 г. английская «Standart» объявила о том, что на шведский флот в Балтийском море нельзя больше рассчитывать. «Балтийское море является в настоящий момент фактически германским внутренним морем. Шведские гавани достанутся в войне тем, кто их пожелает иметь»²²⁹.

В Берлине публикацию расценили как желание Англии содействовать росту шведского, а также норвежского флотов, чтобы исключить возможность превращения Балтийского моря в зону влияния одной Германии²³⁰.

Очевидно, так оно и было. Наряду с русскими, шведские и норвежские военно-морские силы должны были способствовать проведению в жизнь английской политики «balance of power» на море. Тем самым Англия стремилась сохранить открытый характер Балтийского моря и не дать скандинавам попасть под германское влияние. Возможно, Великобритания была бы также не прочь поучаствовать и в вооружении Швеции. Но в 1912 г. преуспеть в этом было уже достаточно сложно. И в обработке шведского общественного мнения, и в создании общих прогерманских настроений, и в вопросах реальной помощи шведскому военно-морскому флоту Германия оказалась расторопнее и настойчивее своего соперника. Для нее ситуация упрощалась тем, что в ее руках находился один важный козырь: она могла оперировать так называемой «русской опасностью».

По целому ряду документов штаба Адмиралтейства было видно, насколько тщательно изучались его экспертами русско-шведские отношения. Так, в одном из приложений к сообщению «Информация о шведском военно-морском флоте», подготовленному в разгар русско-японской войны, обращалось внимание на мнение шведских морских офицеров о России²³¹. Согласно документу, подготовленному, кстати, для императора Вильгельма II, Россия всеми средствами добивается того, чтобы «разжечь мировую войну» и предотвратить тем самым свое поражение в войне с Японией. Более того, в своем ожидании подобного коварства, шведы увидели в войне между Россией и Японией самую непосредственную угрозу и для себя. По мнению морских офицеров, русские в случае войны с англичанами не остановятся перед нарушением шведского нейтралитета. Для базы военных операций русского флота в таком случае будет избран остров Готланд. Его стратегическое значение, морские коммуникации и чрезвычайно большая протяженность шведского берега, а главное, угроза Готланда русскому берегу сделают подобный сценарий русско-английской войны просто неизбежным²³².

Ярким проявлением антирусских настроений стал успех брошюры известного шведского путешественника и публициста Свена Хедина «Ein Warnungswort» (предостережение), вышедшей в 1912 г. Хедин в общей сложности побывал в России 13 раз и даже удостоился аудиенции у российского императора. В брошюре он подробно и убедительно писал о враждебном отношении России к Швеции. Хедин считал, что такое поведение России обусловлено исторически и геополитически. Россия, начиная с Петра Великого, всегда добивалась выхода в открытое море. Балтийское море с замерзающими гаванями отныне больше не может удовлетворить ее. После поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг. и, таким образом, неудачной попытки выйти к Тихому океану она непре-

²²⁹ Standart. 30.01.1912.

²³⁰ BA-MA. RM 5/1535. Sweden. Politisches. Die englische Zeitung «Standart» über die schwedische Flottenfrage. 6.02.1912.

²³¹ Ibid. RM 5/1535. Kapitänleutnant Hippel. «Ansichten der schwedischen Seeoffiziere über politischen Angelegenheiten». Bergen. 29.07.1904.

²³² Ibidem.

менно устремится к Атлантике. Если же русские захватят норвежские гавани и добьются выхода к Трондхейму, Швеция окажется окруженной с трех сторон²³³.

Спустя несколько лет, немцы вновь с удовлетворением отмечали: как в Швеции, так и в Норвегии складывается крайне недоверчивое и подозрительное отношение к русским. Тому были разные причины. В одном из случаев этому способствовал скандал с российским военным агентом в скандинавских странах графом А. А. Игнатьевым²³⁴. Накануне его отъезда к месту новой службы в Париж в марте 1912 г. некая шведская газета поместила статью, в которой российский военный дипломат объявлялся шпионом²³⁵. Порочащие факты с удовольствием смаковал германский посланник в Христиании А. Оберндорф. Он сообщал, что теперь граф, если и будет приезжать снова в Швецию или Норвегию, то очень редко и ненадолго, т. к. у здешних офицеров он не вызывает особой любви. Они боятся его «интенсивной любознательности» в военных вопросах²³⁶. Норвежцы прямо указали Оберндорфу на то, что Игнатьев шпион и его видели переодетым в крестьянское платье перед норвежскими оборонительными сооружениями²³⁷.

Как отмечал германский морской атташе Фишер-Лоссайнен, сторонники усиления шведского военно-морского флота так много и часто говорят о «русской опасности», что должны сами этого испугаться²³⁸.

Итак, в военных и правительственных кругах Германии с заметным удовлетворением следили за развитием антирусских настроений в Швеции и Норвегии. Более того, немцы отчетливо видели и практическое применение таких настроений, а именно — использовать шведский флот против России.

В записке Адмиралтейства к докладу на «высочайшее имя» отмечалось, что шведские морские планы «находятся в плоскости наших интересов... С усилением шведского флота, в особенности со строительством больших броненосцев береговой обороны, Россия, в случае войны, будет связана большим количеством вооруженных сил»²³⁹.

Цитируемый документ как нельзя лучше указывает на рост внимания германских адмиралов к возрождению русского флота. В связи с принятием Большой программы судостроения, они были не прочь использовать скандинавский военно-морской потенциал, способный обеспечить большую свободу действий и против Великобритании. Но для этого флот скандинавов должен был представлять из себя реальную силу.

Однако расторжение шведско-норвежской унии ослабило оба государства. Начальник шведского морского штаба Т. Зандштрём, доказывая необходимость принятия программы строительства флота на 1908–1913 годы, указывал на новую политическую ситуацию. Независимость Норвегии значительно изменила очертания и характер границ. Приходилось признать, что когда-то естественные географические границы с союзным государством превратились в требующие обороны границы с чужой державой²⁴⁰.

Таким образом, развитие флота должно было предполагать не только количественное наращивание, но и создание военной инфраструктуры для защиты новых западных рубежей²⁴¹.

²³³ МОЭИ. Т. 19. Ч. 2. Поверенный в делах в Стокгольме Мясоедов в МИД. 31 янв. (13 февр.) 1912 г.

²³⁴ В период с 25 декабря 1907 г. до 10 марта 1912 г. А. А. Игнатьев был военным агентом Петербурга в Дании, Швеции и Норвегии. С 10 марта 1912 г. до 1917 г. — военным агентом во Франции. Биографическую справку о нем см.: Алексеев М. Военная разведка России от Юрьика до Николая II. Кн. II. М., 1998. С. 483–484.

²³⁵ Игнатьев в своих мемуарах вспоминал, что газета опубликовала фиктивный рассказ о его легком путешествии в окрестность крепости Карльскрона, содержащий даже «пикантные подробности о флирте моей жены с чересчур доверчивыми шведскими офицерами...» См.: Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю М., 1988. С. 347.

²³⁶ BA-MA. RM 5/1440. Kaiserliche Deutsche Gesandtschaft. Kristiania. 20.05.1912.

²³⁷ Ibidem.

²³⁸ Ibid. RM 3/2857. Fischer-Loßeinen an Tirpitz. St. Petersburg, 28.04.1914.

²³⁹ BA-MA. RM 5/898. Admiralstabes' Notiz zum Immediatvortrag. Berlin. 09.02.1912.

²⁴⁰ Ibid. RM 5/892. Zum Immediatvortrag. Berlin. 30.08.1907.

²⁴¹ Ibidem.

По мнению Зандштрема, организация обороны Швеции в Балтийском море должна предусматривать увеличение количества военно-морских судов и персонала, а также улучшение мореходных качеств известных типов судов. И во времена унии на норвежский флот нельзя было особо положиться, но даже простое наличие военно-морских сил гарантировало Норвегии в какой-то степени защиту западного берега от возможного вражеского нападения. После расторжения договора шведская морская оборона должна не только компенсировать потери, но и закрыть прежние бреши. Только так можно обеспечить защиту западного берега и безопасность международной торговли²⁴². Все названные требования Зандштрем предлагал включить в шестилетний план строительства флота. Ядром морской обороны предполагалось сделать броненосец первого класса и типы кораблей, чьим основным оружием будут мины²⁴³.

Значительно возрастали требования и к береговой обороне. Еще в октябре 1906 г. Зандштрем в записке начальнику Генерального штаба К. Г. Бильдту указывал, что необходимо усилить крепостную оборону на побережье около Стокгольма, Карлскроны и Гетеборга, а также форсировать строительство морских укреплений для защиты флота у Аландских островов²⁴⁴. В августе 1907 г. начальник морского штаба выдвинул новые задачи. По его мнению, наличие двух прежних оборонных пунктов — Стокгольма и Карлскроны — стало крайне недостаточным. Необходимо создать подобные точки как севернее, ближе к норвежскому берегу, так и на западе.

Споры о том, какой же порт должен стать основным в обороне шведского берега, шел задолго до распада шведско-норвежской унии. В течение многих лет целью руководителей шведского флота являлось перенесение военно-морской базы из Карлскроны в стокгольмские шхеры. Проект военных моряков поддерживали те патриоты, которые были убеждены в том, что Россия желает прибрать к рукам Швецию.

Еще в январе 1905 г. в шведской прессе заговорили о необходимости превращения Стокгольма в главную базу морских вооруженных сил. По мнению специалистов германского Адмиралтейства, в длинной цепочке аргументов за Стокгольм как основную военно-морскую базу главное место занимало желание Швеции при конфликте других держав сохранить нейтралитет и использовать свой опыт и военные силы только ввиду угрозы с российской стороны²⁴⁵. С таким прицелом разрабатывалась и десятилетняя программа строительства шведского флота, которую предполагалось выполнить к 1912 г. Программой предусматривалось строительство 15 броненосцев береговой обороны, 6 малых крейсеров, 10 больших и 30 малых миноносцев²⁴⁶. Как доносил российский морской агент в Швеции Келлер, в основу проектов переноса военно-морской базы легла современная стратегическая обстановка на Балтийском море, заключающаяся в глазах шведов в постоянной угрозе безопасности столицы и государства со стороны России²⁴⁷.

Несмотря на активную агитацию за Стокгольм, до 1910 г. планы перенесения базы терпели неизменное крушение в риксдаге. Депутаты считали мероприятие дорогостоящим. Затем, по наблюдениям Келлера, произошел поворот во взглядах морских кругов. Как результат, в объяснительной записке к бюджету 1912 г. правительство настаивало только на некотором расширении военного порта в шведской столице. Чем объяснялось такое изменение во взглядах правительства, помимо указанного сопротивления шведского парламента? В объяснительной записке к бюджету 1912 г. обращалось внимание на изменение внешнеполитической ситуации в связи с отделением Норвегии.

²⁴² Ibidem.

²⁴³ Ibidem.

²⁴⁴ Ibid. RM 5/892. Zum Immediatvortrag. Berlin. 30.08.1907.

²⁴⁵ Ibid. RM 5/888. Zum Immediatvortrag. Berlin. Berlin. 21.01.1905.

²⁴⁶ Ibidem.

²⁴⁷ РГА ВМФ, Ф. 418. Оп. 1, Д. 2946. Л. 20. Рапорт морского агента в Швеции ст. лейтенанта Келлера в Морской генеральный штаб. Стокгольм. 17 (30) марта 1912 г.

Теперь, указывая морской министр, необходимо держать часть флота и вблизи западных берегов королевства, в Карлсруне.

Дело в том, что стратегическое положение Карлсруны позволяло действовать флоту в южной части Балтийского моря и датских проливах, а также выдвинуться к западу от Скандинавского полуострова. Одновременно с отказом от переноса базы военно-морского флота в Стокгольм правительство провело через риксдаг первое ассигнование на строительство броненосца типа «F» водоизмещением 6800 тонн. Данный корабль представлял собой значительный скачок в шведском флоте по пути увеличения размеров броненосцев и не шел ни в какое сравнение с шхерным кораблем. С другой стороны, броненосец не предназначался и для плавания в открытом море, т. е. не смог бы вести бой с современным линейным кораблем. Местом применения для него стали бы датские проливы, соединяющие Балтийское и Северное моря, а также глубокие фьорды Норвегии²⁴⁸.

Как отмечал Келлер, ссылаясь на беседу с английским морским атташе, капитаном 2-го ранга Смиттом, именно в этих водах германский флот усилил свою деятельность. Для прохода кораблей в таких фьордах, как Согне и Молде, немецкие моряки могли уже обходиться без помощи лоцманов. По мнению Смита, Германия тем самым готовила базу для своих миноносцев в Норвегии. С началом военных действий германские миноносцы могли бы атаковать английские корабли, занятые блокадой выхода из Немецкого моря в океан²⁴⁹. В подобном случае новые шведские броненосцы становились хорошим подспорьем германскому флоту.

Таким образом, Германия не могла быть не заинтересована в усилении шведского флота и в вопросе постройки броненосца типа «F». Такой вывод сделали в России и Англии.

В свою очередь, Швеция развернула широкую газетную кампанию в пользу строительства броненосца. А когда правительство приостановило строительство корабля, решение вызвало бурю негодования в правых кругах. Как указывал Келлер, для успеха флотской пропаганды оказалось достаточно «выпустить на сцену старое и испытанное пуло — «Россию» и ее стремление во что бы то ни стало «съесть» шведов.

Германская «Deutsche Tageszeitung» опубликовала телеграмму собственного корреспондента из Гельсингфорса о том, что Россия сосредотачивает военную силу к северу и строит стратегические железные дороги в Финляндии. Последние дают ей возможность быстро перебрасывать войска к шведской границе. Телеграмму немедленно перепечатали все шведские газеты, и она произвела именно то впечатление, которого все ожидали: подъем патристического настроения. Одновременно была выпущена и названная выше брошюра Свена Хедина тиражом 840 тыс. экземпляров, то есть по одной книге на 5–6 жителей Швеции. Издание раздавалось бесплатно и не осталось незамеченным германской общественностью²⁵⁰. Результатом организованной кампании стало то, что образовавшийся шведский «союз для постройки броненосцев» за короткое время собрал более 10 млн крон (5,5 млн. рублей).

На факт заинтересованности Германии в усилении Швеции на море и, в частности, в строительстве броненосцев типа «F» указывал русский морской агент Келлер²⁵¹. Не скрывал озабоченности по поводу строительства броненосца и посланник Парижа в Стокгольме Г. Тибо. В приватной беседе со своим российским коллегой А. Савинским он подчеркнул: данный тип корабля может помешать проходу английского и французского флота в Балтийское море и «очень вероятно, что постройка этого судна предпринята по настоянию Германии»²⁵². По мнению Тибо, генеральный сухопутный и морс-

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Там же. Л. 19.

²⁵⁰ Там же Л. 20.

²⁵¹ Там же Л. 19.

²⁵² МОЭИ. Т. 19. Ч. II. С. 389. Донесение А. Савинского министру иностранных дел С. Д. Сазонову. 27 марта (9 апреля) 1912 г.

кой штабы Швеции и Германии находятся в постоянном общении, и «образ действий их на случай военных осложнений заранее выработан и определен»²⁵³. Кроме того, немцы заботились о военной подготовке шведских специалистов. Так, летом 1911 г. в Петербурге стало известно о прикомандировании к германскому флоту сроком на один год офицера шведского морского генштаба капитана К. О. Линдерема. Подобной «любознательности» Германия не оказывала никогда и никому²⁵⁴.

Самым внимательным образом в германском Адмиралтействе наблюдали за настроениями шведской общественности по поводу усиления морских вооруженных сил. Большой интерес вызвало, например, достаточно многочисленное собрание протеста шведских патриотов в Стокгольме в конце 1911 г. 20 декабря более двух тысяч человек собрались на митинг против бездействия правительства в вопросах обороны. По мнению ораторов, шведов убаюкали столетний мир и вера в его дальнейшее сохранение. Однако в новых условиях, в случае войны против великих держав, Швеция не сможет защититься: «Древняя шведская свобода не должна подвергнуться опасности из-за того, что вооруженные силы страны не готовы обороняться».

Большой резонанс и всеобщее возбуждение вызвала уже упомянутая выше статья английской газеты «Standart», появившаяся в январе 1912 г. В ней подчеркивалась полная несостоятельность шведских морских сил. Данная публикация, что с удовлетворением отметили в Германии, вызвала бурю негодования. Занимающий с 1907 г. пост инспектора флота и пользующийся наибольшим авторитетом в морских кругах адмирал Дюрссен вынужден был выступить с комментариями в шведской прессе. Он отметил, что взгляд английской газеты «представляется пока сильно преувеличенным. Если все же нынешняя стагнация нашей обороны на море не прекратится, то суждение «Standart» оправдывается»²⁵⁵. Шум вокруг публикации опять усилил агитацию за строительство флота.

Несмотря на все шаги по усилению военно-морских сил Швеции, к 1914 г., т. е. началу войны, германскому морскому атташе Фишер-Лоссайнену пришлось констатировать как малочисленность шведского флота, так и невысокий уровень его боеготовности. Шведский флот испытывал острую нехватку персонала и, в первую очередь, офицерского состава. Десятимесячная воинская повинность уже не отвечала времени и не обеспечивала флот потенциальной союзницы необходимым кадровым составом. Быстро развивающаяся промышленность оттягивала на себя образованные элементы населения и значительно уменьшала шансы пополнить офицерский состав флота²⁵⁶.

Анализируя проблемы, стоящие перед правительством в области реформирования флота, германский морской атташе весьма скептически оценивал способность шведского руководства на решительные шаги. В январе и в апреле 1914 г. он констатировал: в Стокгольме так и не сложилось необходимое представление о том, что проект вооружения должен как можно быстрее вноситься в парламент. Однако ни министерство финансов, ни военное министерство даже не знали, сколько денег необходимо требовать у риксдага на вооружение²⁵⁷.

Ситуация для Фишер-Лоссайнена казалась тем более непонятной, что на пропаганду и агитацию за строительство флота шведы затратили много сил и времени. В апреле 1914 г. он с сожалением отмечал, что плодотворного воздействия на народ в целях его организации на поддержку проекта морских вооружений ожидать уже больше нельзя. Воздействие впечатлений от случаев русского шпионажа также притупилось. Более того, наиболее активные унтер-офицеры принадлежали к левой части риксдага, к противникам вооружения. С другой стороны, «друзей обороны», к которым в первую очередь относились правые и левые либералы, было бы значительно больше, если бы правительство проявляло готовность к компромиссу. По словам германского атташе, морской министр Броштрем, «интеллигентный, творческий человек, с собствен-

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ BA-MA. RM 5/898. Admiralstabes' Notiz zum Immediatvortrag. Berlin. 09.02.1912.

²⁵⁶ Ibid. RM 3/2857. Fischer-Loßeinen an Tirpitz. St. Petersburg. 21.01.1914.

²⁵⁷ Ibid. RM 3/2857. Fischer-Loßeinen an Tirpitz. St. Petersburg. 28.04.1914.

ным взглядом на вещи», уверен, что средства на выполнение требований флота: введения одногодичного срока службы, постройки 8 броненосцев, 16 эсминцев, а также некоторое число подводных лодок и, возможно, нескольких крейсеров, равно как выделения денег для опорных пунктов флота, будут найдены. Весь вопрос в том, насколько растянутся сроки военно-морского строительства²⁵⁸.

Фишер-Лоссайнен признавал, что планы Броштрема едва ли реальны. Возможности Швеции таковы, что позволяют строить одновременно только два броненосца. Не решала проблему и передача заказов за границу, т. к. она нанесла бы ущерб национальной промышленности. За границей более или менее оправданным было бы изготовление отдельных механизмов, например, корабельных турбин. Шведы вряд ли станут торопиться с осуществлением военно-морской программы, так как даже националистические круги не выходят в своих требованиях за рамки «политики выжидания». Если говорить о «патристически настроенных» морских офицерах, то и они, по мнению Фишер-Лоссайнена, вряд ли думают о возвращении когда-то потерянных земель или о вторжении на них на вместе с Германией. Они скорее боятся новых территориальных потерь. Германский атташе заключил: Швеция останется нейтральной, пока не поймет, что либо ей угрожает потеря территории, либо выступление на чьей-либо стороне принесет очевидную выгоду. При этом даже нарушение нейтралитета в шведских водах не окажется достаточным, чтобы подвигнуть Швецию на решительные шаги²⁵⁹.

Таким образом, в германском военно-морском ведомстве и Адмиралтействе к 1914 г. сложилось достаточно четкое представление о шведском военно-морском потенциале. Его оборонительный характер был очевиден. Однако это не означало, что у немцев отсутствовали корыстные интересы. В связи с подготовкой германского флота к войне с Россией, сохранение напряженных отношений между Россией и Швецией являлось одной из главных целей политической стратегии Германии в балтийском регионе.

Например, Фишер-Лоссайнен отмечал: из ряда случаев русского шпионажа на шведской земле (и конкретно в Стокгольме), можно бы сколотить неплохой политический капитал для Германии²⁶⁰. И если в Швеции утвердился мнение о том, что в России имеются твердые установки на прорыв в Атлантику через Скандинавию, это оказалось бы Германией очень выгодно²⁶¹. Такое стремление можно объяснить российским железнодорожным строительством и усилением военного гарнизона в Финляндии²⁶².

Немцы знали, что есть и другой способ использования антироссийских настроений. В условиях предстоящей войны Швеция могла стать отличным плацдармом для развертывания сложной системы шпионажа. Германская морская разведка внедряла своих агентов в различные шведские службы, использовала агентурную сеть, создаваемую из этнических немцев, получала сведения через капитанов немецких и шведских пароходов.

Центром агентурной сети стала столица Швеции. Судя по некоторым секретным документам германского штаба Адмиралтейства, Стокгольму отводилась роль центрального звена сбора информации по всей «восточной стратегической зоне», имеющей отношение к будущей войне с Россией. Причем данные разведки должны были поступать не только из Швеции, но и из Дании и Англии.

Так, капитану 3-го ранга Д. Элрту в соответствии с распоряжением штаба Адмиралтейства предписывалось срочно отправиться в Стокгольм и там возглавить разведывательный центр — «службу военных сообщений». Элрт обязывался передавать всю информацию стратегического значения, которую он получал самыми различными путями, в том числе от собственных агентов и из печати. Кроме того, он должен был аккумулировать агентурные и иные сведения, поступающие из соседних стран²⁶³.

²⁵⁸ Ibidem.

²⁵⁹ Ibid. RM 3/2857. Fischer-Loeinen an Tirpitz. St. Petersburg. 21.01.1914.

²⁶⁰ Ibidem.

²⁶¹ Ibid. Fischer-Loeinen an Tirpitz. St. Petersburg. 28.04.1914.

²⁶² Ibid.

²⁶³ Ibid. RM 5/1503. Anweisung des Admiralstabes der Marine für Korvettenkapitän a. D. Elert in Stockholm. Entwurf. 1911.

Важным элементом германской разведывательной сети в Стокгольме являлась работа с завербованными капитанами шведских торговых судов. В одном из документов Адмиралтейства указывалось, что осенью 1912 г. удалось договориться «о сотрудничестве» с некоторыми шведскими и немецкими капитанами, регулярно заходившими в русские гавани. Капитаны должны были наблюдать во время своего пребывания в русских водах и, в частности, в портах происходившую на их глазах деятельность российского флота и докладывать об увиденном и услышанном через специальных посредников в разведывательный централ Стокгольма. После соответствующей обработки информация поставлялась в Берлин. Отмечалось, что многие полученные таким способом разведанные отличались достоверностью и давали полное представление о русских береговых укреплениях и сигнальных станциях. В документе обращалось особое внимание на то, что во время войны возрастет роль именно шведских капитанов, так как заход судов капитанов-немцев в русские порты будет закрыт²⁶⁴.

Предусматривалось также привлечение и использование финских и шведских лоцманов. Навигационное и метеорологическое состояние северного берега финских морских бухт можно назвать весьма сложным. Знание фарватера имелось только у местных моряков. Поэтому в штабе Адмиралтейства были серьезно озабочены проблемой привлечения на службу таких людей. Стокгольм, как центр агентурной сети, должен был стать и местом для вербовки шведских и финских лоцманов для военных кораблей. Работу предлагалось выполнить в короткие сроки, чтобы не заниматься в период мобилизации или военного конфликта. При этом полезным считалась насаждение русофобских настроений среди финских и шведских моряков²⁶⁵.

В России, как в правительственных кругах, так и в обществе, достаточно болезненно реагировали на распространение антирусских настроений в скандинавских странах. В июне 1912 г. во время дебатов в комиссии Государственной думы по поводу принятия судостроительной программы министр иностранных дел С. Д. Сазонов поднял вопрос о Швеции. По его мнению, широкая флотская агитация балтийской соседки чрезвычайно опасна. Свидетельство тому — брошюра Хедина «Предостережение», распространяющая антирусские взгляды среди шведской общественности. По мнению Сазонова, Россия может оказаться перед тем фактом, что против нее в Балтийском море появится коалиция держав, в которой может принять участие и Швеция. Сазонов, кстати, мотивировал данной опасностью, помимо превосходства германского флота, необходимость усиления обороны в Балтийском море²⁶⁶.

Военный агент Игнатев, по свидетельству германского посланника в Христиании А. Оберндорфа, заявлял, что шведы, при условии развязывания русско-германской войны, выступят на стороне Германии. В данном случае Швеция, как предполагал Игнатев, могла бы перебросить в Финляндию 350 тыс. человек действующей армии и 150 тыс. человек резерва, где их, возможно, поддержало бы около тысячи местных финских стрелков. В таких условиях России без помощи флота окажется гораздо труднее защищать свои северные территории, включая столицу — Санкт-Петербург. Тем более, что большая часть армии сконцентрируется на южном берегу Балтийского моря²⁶⁷. Таким образом, Игнатев затронул еще одну проблему, указав на опасность возможного восстания в Финляндии в случае вступления в войну Швеции. О том же в 1912 г. говорил и морской министр России И. К. Григорович. По его мнению, Финляндия может вполне примкнуть к врагам России, если в Балтийском море возникнет военный конфликт²⁶⁸.

Реакция официального Стокгольма на натравливание шведского общественного мнения против России была невозмутимой. Министр иностранных дел граф Эренсверд заверил, что если вообще и существует мнение о тяготении Швеции к Германии и об угрозе

²⁶⁴ Ibid. RM 5/1634. Nachrichten und Lotsenwesen auf dem Ostseekriegsschauplatz. Juli. 1913.

²⁶⁵ Ibidem.

²⁶⁶ Ibid. RM 2/1758. Übersetzung aus Stockholms Dagblad von 12. Juni 1912.

²⁶⁷ Ibid. RM 5/1440. Kaiserlich Deutsche Gesandtschaft. Kristiania. 20.05.1912.

²⁶⁸ Stockholmsche Dagblad. 12.06.1912.

России, то оно абсолютно неверно. Его страна продолжит сохранять нейтралитет. Савинский, анализируя слова Эренсверда, писал, что доверять им нельзя: слишком многое свидетельствует об обратном²⁶⁹. Морской агент в Швеции Келлер также безапелляционно заявлял о «всем известных прекрасных отношениях между шведами и немцами»²⁷⁰.

В действительности, в отношениях между Германией и Швецией было не так все просто. Если в 1910 г. и отмечалась инициатива со стороны Германии по заключению военной конвенции или другого какого-либо военного соглашения со Швецией, она осталась лишь единичным нереализованным случаем²⁷¹. По словам шведского историка В. М. Карлгрена, Швеция в последние предвоенные годы в германской внешней политике могла играть только периферийную роль. Германия, несмотря на энергичные и категоричные заявления Вильгельма II в беседах со шведскими политиками, не могла себе позволить открыто включить в свою коалицию скандинавские государства. Нарушение нейтралитета североευропейских государств могло повлечь за собой непредсказуемые последствия в отношениях с Великобританией. Швеция, в свою очередь, твердо настаивала на сохранении собственного нейтралитета и не шла на заключение военных договоров.

С другой стороны, военно-морской флот Швеции, как и других скандинавских государств, не представлял интереса для Германии в качестве союзника. По крайней мере, никакие совместные действия с ним, как того опасались в России и Англии, в германском Адмиралтействе не предусматривались. Военно-морские силы скандинавских государств были откровенно слабы, немногочисленны и недоукомплектованы и вряд ли могли стать серьезным подспорьем кайзеровскому флоту в условиях войны.

Однако германские усилия по нагнетанию антироссийских настроений, работа по созданию шпионской сети в Швеции не остались напрасными. Иными словами, Германия сделала все возможное для обострения шведско-русских отношений. К началу мировой войны напряженные отношения между двумя государствами не давали никаких шансов для установления сотрудничества. Напротив, они заставляли Россию думать о необходимости усиления обороны северного участка балтийского побережья. И, хотя надежды германского Адмиралтейства на то, что в военном конфликте Швеция оттянет на себя часть сил российского флота, не сбылись, уже определенным достижением стал факт лояльности шведов к Германии. Он придавал и некоторую уверенность действиям германского флота на Балтике в годы Первой мировой войны.

5. Подготовка к войне с Россией на море

Подготовка Германией войны против России на море перед Первой мировой войной и тесно связанные с ней вопросы оперативно-тактического планирования остаются на сегодняшний день малоизученными в отечественной историографии²⁷². Отдельные упоминания о планах кайзеровского Адмиралтейства можно встретить разве только в работах, посвященных военным планам русского флота²⁷³. За рубежом указанная тема также не нашла всестороннего освещения. Среди немногочисленных специалистов в данной области военной истории следует назвать П. Кеннеди и И. Н. Ламби. Публикации П. Кеннеди касаются, главным образом, стратегических проблем германо-английского военно-морского соперничества²⁷⁴. И лишь в обстоятельной работе историка из

²⁶⁹ Там же. С. 54.

²⁷⁰ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2946. Л. 18. Рапорт морского агента в Швеции ст. лейтенанта Келлера в Морской генеральный штаб. 17 (30) марта 1912 г.

²⁷¹ Carlgren W. M. Neutralität oder Allianz. Deutschlands Beziehungen zu Schweden in den Anfangsjahren des ersten Weltkrieges. Stockholm, 1962. S. 25.

²⁷² Как исключение см. предисловие Алекина ко второму русскому изданию книги Рудольфа Фирле. См.: Фирле Р. Война на Балтийском море. Т. 1: От начала войны до марта 1915 г. М., 1937.

²⁷³ См., напр.: Петров М. А. Указ. соч. М., 1926.

²⁷⁴ Kennedy P. M. The development of German naval operations plans against England, 1896-1914 // The English Historical Review. January. 1974; Он же. Maritime Strategieverhältnisse der deutschen Flottenrivalität // Marine und Marinepolitik im kaiserlichen Deutschland 1871-1914. Düsseldorf, 1972. S. 178-210.

Канады И. Н. Ламби можно встретить подробное описание антироссийской составляющей германских оперативных планов²⁷⁵. Однако, наряду с анализом оперативно-тактической работы кайзеровского Адмиралтейства, не менее важным является и такой вопрос: с какого времени и в связи с какими событиями воссоздание российской морской мощи воспринималось германской стороной как реальная военная угроза?

Увлечение России Дальним Востоком и начавшаяся в этой связи переброска военно-морских сил из Балтийского моря в Тихий океан были на руку германскому командованию флотом. Появилась возможность оставить на Балтике устаревшие соединения, а из более сильных — сформировать ядро кораблей для нанесения главного удара по северной французской эскадре. Предполагалось, что успех борьбы будет зависеть от следующих обстоятельств. Во-первых, средиземноморские союзники в лице Австро-Венгрии и Италии должны строго следовать договору. Это способствовало бы и успеху в проведении сухопутных операций. Во-вторых, наступательные действия против Франции и России должны быть быстры и эффективны, так как длительная осада хорошо укрепленных портов нецелесообразна²⁷⁶.

После уничтожения русского флота под Цусимой обеспечение господства в Балтийском море не представлялась сложной задачей. Адмиралтейством предусматривалось применение меньших военно-морских сил в Балтийском море. Был усовершенствован и наступательный план против Франции. В результате германский флот мог действовать на широте Бреста²⁷⁷.

К 1909 году в Адмиралтействе пришли к выводу о необходимости пересмотра оперативных планов. С усилением английской опасности решили предусмотреть сильный резерв флота. В конце января 1908 г. германское Адмиралтейство возглавил командир 1 эскадры адмирал Ф. Баудиссин. Он заменил на этом посту адмирала Бюкселя и был, по словам В. Хубача, «толковым моряком и решительным тактиком». Новый руководитель Адмиралтейства постоянно стремился к повышению боеготовности флота и выдвигал требования объединения всех вооруженных сил²⁷⁸. Правда, у Баудиссина не сложились отношения с Тирпицем. Разногласия касались подготовки флота к военной мобилизации. Баудиссин полагал, что в германском военно-морском ведомстве этой проблеме уделяют недостаточно внимания. Так, например, он не мог понять, почему два новейших малых крейсера не были задействованы в несении морской службы. Ссылка Тирпица на недостаток бюджетных средств расценивались начальником штаба Адмиралтейства как запрет держать в боевой готовности необходимое количество кораблей²⁷⁹.

Отношения руководителей двух военно-морских учреждений испортились окончательно, когда в начале января 1909 г. Баудиссин во время доклада кайзеру и в присутствии начальника морского кабинета адмирала Мюллера резко критиковал Тирпица. Речь шла о нанесении ущерба военным интересам из-за расточительства в делах управления верфями²⁸⁰. Позже Мюллер писал, что ему до сих пор неясно, какие причины побудили «умного, хотя и себе на уме Баудиссина» к демаршу против Тирпица. По крайней мере, он должен был понять: сместить его с должности столь «глупым и бестактным способом» невозможно²⁸¹.

Озабоченность Баудиссина состоянием боеготовности флота объяснялась тем, что он уже с лета 1908 г. ожидал английского превентивного удара²⁸². По его мнению, такой удар неотвратим и исторически обусловлен. Начало строительства германского флота, а

²⁷⁵ Lambi I. N. Op. cit.

²⁷⁶ BA-MA. RM 5/1633. Zum Immediatvortrag. Berlin. 09.03.1909.

²⁷⁷ Ibidem.

²⁷⁸ Hubatsch W. Der Admiralstab und die obersten Marinebehörden in Deutschland 1848-1945. Frankfurt/M. 1958. S. 140.

²⁷⁹ Ibid. S. 140-141.

²⁸⁰ Der Kaiser. S. 73.

²⁸¹ Ibidem.

²⁸² Epkenhans M. Op. cit. S. 39.

именно флотский закон 1898 г., предопределил жесткий характер развития отношений с ведущей морской державой. Франция, наоборот, нивелировала противоречия с «владычицей морей», уступив в Фашодском инциденте. Уход французов из Фашоды стал началом движения «к сердечному соглашению, от которого недалеко оказалась и Россия»²⁸³.

Серьезные политические последствия, полагал Баудиссин, повлекли за собой итоги русско-японской войны, в ходе которой Россия потеряла флот. Теперь в случае германо-французской войны Великобритания не будет придерживаться нейтралитета, как в 1870 г.²⁸⁴, а немедленно введет в действие свой флот²⁸⁵. Удивляет прозорливость начальника штаба Адмиралтейства, предсказавшего довольно точный сценарий развязывания мировой войны. Следует обратить внимание: прогноз был сделан более чем за 5 лет до ее начала. Находясь под впечатлением Боснийского кризиса, он полагал, что военные действия начнутся с конфликта между Австро-Венгрией и Россией, который спровоцирует Сербия. Когда Германия поддержит свою союзницу всеми имеющимися военными средствами, Франция выступит на стороне России. В свою очередь, англичане не допустят повторного разгрома французов²⁸⁶.

Баудиссин являлся сторонником континентального союза. Он считал, что английской опасности можно избежать путем объединения Франции, России и Германии. Участники антианглийской коалиции могли бы договориться о неприменении флотов в отношении друг друга и держать их в готовности против общего врага. Одновременно он понимал, что такое соглашение, «по всей видимости, исключено». Поэтому наступило время для пересмотра оперативных планов военно-морского командования в отношении Франции и России²⁸⁷.

Планы должны, подчеркнул Баудиссин в письме морскому командованию в Киле, учитывать переброску французского линейного флота в Средиземное море, а также усиление обороны северного побережья Франции миноносцами и подводными лодками. Их требовалось перестроить и с учетом «незначительного влияния» российского флота в Балтийском море²⁸⁸. «В случае войны с Россией главный удар нанесет армия. Флот же должен ограничиться поддержкой сухопутной операции минимальной частью своих сил, большая же его часть должна быть готова к войне против Англии»²⁸⁹.

Баудиссин стремился заручиться поддержкой Вильгельма II в деле разработки совместных операций с армией. Он считал, что в войне с Россией на Балтике армия, которой «достаточно одного большого успеха... чтобы поразить в сердце континенталь-

²⁸³ BA-MA. RM 5/1633. Zum Immediatvortrag. Berlin, 09.03.1909.

²⁸⁴ Баудиссин полагал, что в годы германо-французской войны (1870-1871) у Германии не было конкурентоспособной торговли и флота, представляющих угрозу морским коммуникациям англичан.

²⁸⁵ BA-MA. RM 5/1633. Zum Immediatvortrag. Berlin, 09.03.1909.

²⁸⁶ Ibidem.

²⁸⁷ Ibidem.

²⁸⁸ Может показаться любопытной немецкая оценка военно-морских сил России на Балтике в это время. По мнению Баудиссина, «лучшие морские силы России» находились в Либаве — 37 больших миноносцев водоизмещением от 330 до 615 т., преимущественно построенных в 1905 г. на германских верфях «Вулкан» и «Шихау» и «Германия». Находящиеся в Либаве 13 судов водоизмещением 113-140 т., заступившие на службу в 1904 г., «в военном отношении не имели высокого значения». В Гельсингфорсе также не имели «особого военного значения» 19 малых миноносцев водоизмещением от 22 до 120 т. Еще 10 миноносцев были пригодны только для обороны порта. Военно-морские силы Кронштадта в составе нового крейсера «Рюрик» (15240 т.), кораблей первого резерва — крейсеров «Россия» (13675 т.), «Аврора» (6781 т.) и «Диана», 8 малых миноносцев, учебное судно «Минин» и некоторые другие не смогут быстро вступить в строй, несмотря на отпущенные на это 48 часов. Второй резерв в составе старых кораблей: «Император Александр II» (9244 т.), крейсера «Громобой» (13880 т.), канонерской лодки, 4 учебных судов — «вообще неизвестно, когда смогут вступить в строй». Правда, с 1 апреля из Средиземного моря должны вернуться «Слава», «Цесаревич», «Богатур», «Олег», «Адмирал Макаров», с ударной силой которых «необходимо считаться». См.: BA-MA. RM 5/1633. Der Chef des Admiralstabes an Flottenchef in Kiel. 1909. März.

²⁸⁹ BA-MA. RM 5/1633. Der Chef des Admiralstabes an Flottenchef in Kiel. 1909. März.

ное государство», должна отводиться решающая роль²⁹⁰. Он добился того, чтобы этой теме посвятили специальное заседание в Генеральном штабе. Заседание состоялось 18 марта 1909 г. На нем адмирал вновь подчеркнул: «война с Россией, без сомнения, заставит Францию вмешаться, а Англия не позволит повторно унижить французов»²⁹¹. Отныне планы военно-морских сражений необходимо рассматривать с учетом возможной войны с Антантой. Военные действия против России должны начаться нападением на Либаву. Именно там находились наиболее боеспособные русские миноносцы под командованием князя А. А. Ливена, команды которых «хорошо обучены небезызвестным контр-адмиралом Эссеном»²⁹².

На вопрос, требуется ли армии помощь флота, начальник Генерального штаба Г. Мольтке ответил, что поддержка сухопутных операций с моря необязательна, но «нападение на Либаву было бы желательно, чтобы связать XX армейский корпус, дислоцированный там против Восточной Пруссии». Армия не отказалась бы и от помощи флота в случае отправки англичанами войск для поддержки французов. Хотя, критично заметил Мольтке, «флот на Эльбе занимает выжидательную позицию и вряд ли сможет задержать английские морские транспорты». Однако Баудиссин заверил Генеральный штаб, что по одобренным кайзером оперативным разработкам германский флот намерен в максимально короткие сроки предпринять наступательные действия против англичан²⁹³. Стремление графа Баудиссина в случае войны с Великобританией немедленно использовать все активные силы флота в морском сражении нашло поддержку и у Тирпица²⁹⁴.

Характер действий германского флота против Франции вытекал из главной идеи сосредоточения всех сил против «владычицы морей». Поэтому атака на французское побережье не планировалась. Ожидалось, что английский канал будет защищен либо английскими кораблями, либо французскими миноносцами и подводными лодками. Лишь при развязывании войны против германской торговли немецкие крейсера могут обогнуть Шотландию, чтобы выйти к устью канала²⁹⁵.

Решительность Адмиралтейства могла вызвать одобрение кайзера только в части его готовности к успешной борьбе с «владычицей морей», но не в атаках на военно-морское ведомство. Кайзер не был склонен выбирать даже между Тирпицем и своим братом принцем Генрихом Прусским. Последний, возглавив в 1906 году командование заокееанским флотом, неоднократно позволял себе критику в адрес Тирпица. Позиция Вильгельма II в отношении межведомственных разногласий четко обозначилась в письме Мюллера Баудиссину от 27 марта 1909 г. В целях «надлежащего развития военно-морского флота... должности статс-секретаря морского ведомства, командующего флотом и руководителя штаба Адмиралтейства будут заняты флаг-офицерами, чьи личные отношения обеспечены гарантией сотрудничества. Так как Его Величество уже давно заявил, что он считается с нынешним статс-секретарем, то Его Величество к осени этого года готов сменить два других должностных лица в целях обеспечения выполнения названного условия»²⁹⁶.

Таким образом, уже в конце марта 1909 г. судьба Баудиссина на посту руководителя Адмиралтейства была предопределена. Однако грозящая отставка его не остановила. Когда со стороны англичан поступили предложения по организации взаимных посещений верфей морскими атташе, одобренные Тирпицем и рейхсканцлером (в Лондоне стремились убедиться в том, что на немецких верфях не ведется скрытого судостроения),

²⁹⁰ Ibid. RM 5/1633. Zum Immediatvortrag. Berlin. 09.03.1909.

²⁹¹ Ibid. RM 5/1633. Sitzung im Generalstab am 18. März 1909.

²⁹² Ibid. RM 5/1633. Der Chef des Admiralstabes an Flottenchef in Kiel. 1909. März.

²⁹³ Ibid. RM 5/1633. Sitzung im Generalstab am 18. März 1909.

²⁹⁴ Тирпиц А. Воспоминания. С. 362; О конфликте с начальником штаба Адмиралтейства Тирпиц в своих мемуарах не упоминает.

²⁹⁵ BA-MA. RM 5/1633. Der Chef des Admiralstabes an Flottenchef in Kiel. 1909. März.

²⁹⁶ Цит. по: Hubatsch W. Der Admiralstab. S. 141.

Баудиссин выступил с критикой такого плана. В докладе кайзеру от 1 апреля он назвал инициативы англичан «действиями Бенедетти»²⁹⁷, а уступки Берлина «Фашодой»²⁹⁸. В ответ кайзер дал поручение Мюллеру убрать «этого темпераментного господина»²⁹⁹.

Когда 3 июня 1909 г. у рейхсканцлера состоялось совещание, на котором присутствовали представители всех военных ведомств для обсуждения военно-морских проблем с Лондоном, среди присутствующих Баудиссина не оказалось. Осенью 1909 г. принца Генриха Прусского освободили от своей должности и назначили генеральным инспектором флота с пожалованием в гросс-адмиралы. Командующим германским флотом стал адмирал Х. Хольтцендорф. В отличие от формального повышения принца Генриха, граф Баудиссин довольствовался должностью начальника морской станции Северного моря. Адмиралтейство возглавил адмирал М. Фишель. Тирпиц как никогда чувствовал свою силу. Именно к этому времени он в еще большей степени стал определять имперскую политику.

Новый руководитель Адмиралтейства являлся представителем «школы Тирпица», хорошо разбирался в штабной работе и перед своим новым назначением командовал 2-й эскадрой, база которой находилась в Вильгельмсгафене. Если Хольтцендорф не считал возможным успешно бороться с Великобританией далее датских вод ввиду явного преимущества английского флота, то начальник штаба Адмиралтейства был сторонником идеи «безоглядного применения всего флота» в Северном море³⁰⁰. По понятным причинам российский флот Фишель пока не брал во внимание.

В апреле 1911 года русскому царю представили проект «Закона о Российском императорском флоте». Новая программа морского министерства предусматривала строительство 3 эскадр для Балтийского моря в течение 20 лет. Конечно, до германских темпов судостроения России было еще далеко. Тем не менее уже к 1917–1919 гг. оно могло оказывать заметное влияние на существующий баланс морских сил³⁰¹. По крайней мере, в России этого очень желали. Русский морской агент в Германии Е. Беренс внимательно наблюдал за возможной реакцией Берлина на указанные события. «Я старался проследить, — докладывал он в МГШ, — не играет ли здесь какую-нибудь роль... спуск подряд наших 4 кораблей»³⁰², но пока, насколько я могу судить, этого нет». Указывая на причины такого равнодушия, делающие немцев «ужасными скептиками» по отношению к российскому флоту, Беренс обращает внимание на политическую составляющую проблемы. А именно, некоторая неповоротливость в осуществлении намеченных планов «уменьшает в их глазах коэффициент нашего отечества в общеевропейской политической формуле»³⁰³.

Спустя месяц Беренс вновь обратился к теме глухого молчания немцев по поводу важнейших событий в российском флоте. К спуску кораблей добавилась закладка судов для Черноморского флота, а также перемены в организации центрального управления флотом. «Все ограничилось перепечаткой наших газетных сообщений о совершившихся фактах». Беренс не обнаружил «беспокойства или злорадства» немецкой прессы при перепечатке из русских газет сведений о недочетах в работе морского

²⁹⁷ Винсент Бенедетти — французский посол в Берлине, в июле 1870 г. потребовавший от прусского короля, чтобы Гогенцоллерны отказались от выдвижения кандидатуры на испанский престол.

²⁹⁸ Der Kaiser. S. 74.

²⁹⁹ Ibidem.

³⁰⁰ Hubatsch W. Der Admiralstab. S. 145; Weniger K. Die Entwicklung des Operationsplans für die deutsche Schlachtflotte // Marine Rundschau. № 35, 1930. S. 4.

³⁰¹ О возрождении русского флота перед первой мировой войной см.: Шацилло К.Ф. Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны (1906–1914).

³⁰² Морской агент Беренс имел в виду спуск на воду в июне–сентябре 1911 г. первых российских dreadnought «Севастополь», «Полтава», «Петропавловск» и «Гангут».

³⁰³ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3590. Л. 6. Морской агент Беренс в Морской генеральный штаб. Берлин. 29 сент. (12 окт.) 1911 г.

министерства³⁰⁴. Однако это была лишь видимая часть айсберга, а о наличии его подводной части морской агент, похоже, не догадывался.

И хотя в Германии пока не проявляли никаких признаков недовольства новой российской военно-морской программой, стремление царского правительства форсировать приготовления к войне на море не осталось незамеченным в кайзеровском Адмиралтействе. В начале декабря 1911 г. во всеподданнейшем докладе на имя Вильгельма II новый глава Адмиралтейства А. Тееринген обратил внимание на стремление России к возрождению статуса морской державы путем создания Балтийского и Черноморского флотов, а также Сибирской флотилии. И хотя боевая подготовка Черноморского флота в целом лучше, чем Балтийского, «благодаря новой военной организации и долгосрочному планированию», Германии грозит создание «ядра действительно активного русского флота в Балтийском море, если его боевой подготовкой в будущем будут заниматься серьезнее, чем это было до сих пор»³⁰⁵.

Уже в октябре 1911 г. было принято решение об изменении оперативных планов. На то имелись веские основания.

Если до усиления русского флота в 1912 г. Германия, имея броненосцы «Зигфрид — класса» в Данциге, еще надеялась на успех операций против русских миноносцев в Либаве, то пересмотренный 21 февраля 1912 г. план уже предполагал наступление русских военно-морских сил и блокаду Данцига, а также вероятные действия против Свиномюнде. Так как основные силы германского флота оказались бы скованы операциями в Северном море против Англии и Франции, 8 броненосцев «Зигфрид-класса» и 2 крейсера, расположенные в Данциге, вряд ли были способны как к наступательным, так и оборонительным действиям против русского флота. Теперь, в случае прохода русских кораблей в Западную Балтику, предусматривалась помощь флота Северного моря³⁰⁶.

30 апреля 1912 г. сотрудник кайзеровского Адмиралтейства П. Бенке разработал окончательную версию плана действий германского флота для летнего периода, учитывая три варианта ведения войны на море: против одной России, против России и Франции, против Антанты³⁰⁷.

В первом случае предполагалось перебросить на Балтику из Северного моря столько сил, чтобы хватило не только для блокады, но и для прикрытия сухопутных операций германской армии на русском побережье.

В войне против Двойственного союза при благоприятной политической обстановке также предполагалось атаковать Россию значительными силами. Идеальным считался случай, когда союзники Германии по Тройственному соглашению: Австрия и Италия — не останутся пассивны против французского флота в Средиземноморье. В случае отсутствия такой поддержки следовало ожидать атаки французов на германскую торговлю и североморское побережье. Тогда германский флот пришлось бы делить между Северным и Балтийским морями, а «поддержание морского господства в Северном море... будет главной целью». Господство же на Балтике будет осуществляться по мере сил. По крайней мере, в данном случае не представляется возможным осуществление блокады и десанта на русское побережье.

В войне с Антантой, в которой главным противником будет Великобритания, предусматривалась концентрация всех военно-морских сил. Адмиралтейством предусматривалась ситуация, когда в начале войны германский флот может оказаться на Балтике, а Англия блокирует датские проливы. В этом случае русский флот оставался за спиной. Такой случай следовало особо предусмотреть в проекте.

³⁰⁴ Там же. Ф. 418, Оп. 1. Д. 3590. Л. 35. Морской агент Беренс в Морской генеральный штаб. Берлин. 11 (24) ноября 1911 г.

³⁰⁵ BA-MA. RM 5/897. Zum Immediatvortrag. 07.12.1911.

³⁰⁶ По данным кайзеровского Адмиралтейства, стратегические силы России на Балтике в 1912 г. состояли из 4 линейных кораблей, 6 броненосцев, 4 крейсера, 49 больших и 26 малых миноносцев, 13 подводных лодок, 6 минных заградителей, 18 вспомогательных кораблей. См.: BA-MA. RM 5/1629. Operationsplan gegen Rußland in der Ostsee für das Sommerhalbjahr 1912.

³⁰⁷ BA-MA. RM 5/1629. Operationsplan gegen Russland in der Ostsee für das Sommerhalbjahr 1912.

В итоге, по мнению эксперта Адмиралтейства, сравнение русского и германского флотов на Балтике оказалось явно не в пользу последнего. В оперативном плане констатировалось значительное превосходство русских, как по мощности, так и боеготовности. «Даже когда готовность русских к войне оценивается как недостаточная..., она выше, чем у Германии», пришел к заключению Бенке³⁰⁸. Итак, Адмиралтейство даже в случае нейтралитета Англии не планировало серьезных мероприятий у берегов Финского залива. Об этом свидетельствует и нежелание немцев развивать морские базы в Данциге и Пиллау, наиболее приближенные к средней Балтике, откуда можно было действовать с наибольшей эффективностью против удаленного русского побережья. Наоборот, такие южные базы, как Свиномюнде, Шеттин и острова Рюген и Борнхольм, носили оборонительный характер и имели более совершенное оборудование³⁰⁹.

Апрельский оперативный план мало чем отличался от февральской версии, и 8 декабря кайзер Вильгельм II заявил на военном совете, что операции на море против Франции и России не следует более обсуждать. Однако в Адмиралтействе вновь и вновь обращаются к поиску эффективных путей борьбы с русским Балтийским флотом «малой кровью». В сентябре 1912 г. из порта, расположенного в Северном море в Вильгельмсгафене, в балтийский Данциг были переброшены броненосцы старого типа («Бранденбург», «Верт»), а также два легких крейсера — «Иренс» и «Принцесс Вильгельм». «Для нас такая перемена стоянки представляет интерес, — сообщал из Берлина Беренс, — ибо ...этим перемещением увеличивается число судов, имеющих, вероятно назначение действовать против нас, к которым можно ...прибавить и резервную формацию Балтийского моря, базирующуюся в Киле»³¹⁰. Сделать нечто большее для обороны балтийского германского побережья Адмиралтейство не могло, так как вариант нейтралитета Англии в войне против России и Франции казался все более нереальным. Понимали это и руководители военно-морского ведомства. В 1913 г. Тирпиц и А. Гееринген признали бесполезность нахождения в Данциге броненосцев против русских, они оказались бы, по их мнению, более эффективны для защиты гаваней Вильгельмсгафена и Киле от англичан³¹¹.

Тем не менее, надежда на английское невмешательство все же сохранялась. Тот же апрельский оперативный план Бенке 1912 г. предусматривал войну не только с Антантой, но и с Францией и Россией без участия Англии и даже против одной России. О том, что Англия займет выжидательную позицию в начале военных действий, говорилось и в докладе руководителя Адмиралтейства А. Геерингена Вильгельму II 29 ноября 1912 года³¹². Показательным в данном отношении является и письмо принца Генриха кайзеру, датированное серединой декабря 1912 г., копия которого сохранилась в личном архиве адмирала Тирпица. Находясь под впечатлением встречи с английским королем Георгом V, венценосный брат уверял Вильгельма II в английском стремлении к миру и возможности уладить с Лондоном все флотские недоразумения. В целом «...по нынешнему состоянию дел можно будет считаться по всей вероятности с нейтралитетом Англии». Она выступит «в пользу слабых, то есть тех, кто потерпит поражение»³¹³.

Следует отметить, что к началу Первой мировой войны в немецком Адмиралтействе довольно скептически оценивали успех любой операции на Балтике в случае войны с Антантой. «Сохранение боеспособности флота в этом отношении для нас гораздо важнее, чем уничтожение русского флота, за которое при неблагоприятных обстоятельствах придется дорого заплатить. В этом случае нам придется, пока существенно не изменится общее политическое положение Европы, удовольствоваться «обез-

³⁰⁸ Ibidem.

³⁰⁹ Алектин. Предисловие ко второму русскому изданию // Фирле Р. Указ. соч. С. 6.

³¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1 Д. 3590. Л. 98–99. Доклад Е. Беренса в Морской генеральный штаб. 13 (26) сентября 1912 г.

³¹¹ Lambi I. N. Op. cit. P. 398.

³¹² Ibidem.

³¹³ BA-MA. N 253/27b. Prinz Henrich an Wilhelm II. Kiel. 11.12.1912.

врежением» русского флота», — писал в своем меморандуме зимой 1913 г. адмирал Х. Поль, очередной шеф Адмиралтейства³¹⁴.

Хотя кайзер и утвердил окончательный оперативный план, проблемы будущей войны с Россией не оставляли умы германских военно-морских стратегов и в течение 1913 г. В начале февраля Адмиралтейство ознакомило военно-морское ведомство с идеей блокирования русских миноносцев и линейных кораблей в портах в первые дни войны. Для данной цели в Дании планировалось снарядить заградительные суда, обладающие хорошей маневренностью и высокой скоростью. Их предполагалось загрузить коксом и затопить в фарватерах Либавы и Гельсингфорса, преградив тем самым флоту противника выход к театру боевых действий. Предполагалось, что для выполнения указанной задачи в Киле будут подготовлены специальные команды³¹⁵.

Что касается военно-морского ведомства, то исходящую опасность со стороны России Тирпиц осознал еще в 1907 г., т. е. сразу после подписания англо-русского соглашения. «Вследствие усиления русской мощи, — вспоминал он, — опасность мировой войны сделалась в общем ближе с тех пор, как Россия примкнула к Антанте»³¹⁶. Весть о примирении старых противников в военно-морских кругах восприняли очень тяжело. Отныне «британская ненависть к русским, — сожалел Тирпиц, — стала... неправдоподобной»³¹⁷. 23 апреля 1908 г. руководитель морского кабинета адмирал Мюллер писал Тирпицу: «...Как кажется, ненависть к нам стала распространяться и в английском флоте. Кайзер должен был убедиться от упомянутого английского команданта капитана Керра, что русские относятся к той нации, которая теперь, по рецепту Нельсона, должна быть ненавистна, как дьявол, однако я не верю этому утверждению. Когда французы перестали быть заклятыми врагами, это место заняли мы»³¹⁸.

Незадолго до начала Первой мировой войны об угрозе Германии со стороны российского флота Тирпиц стал заявлять публично. После очередной речи У. Черчилля в октябре 1913 г., посвященной морским вооружениям Англии и Германии, руководитель военно-морского ведомства заявил «с оттенком нетерпения» в интервью немецкому корреспонденту: англичанам, очевидно, невозможно объяснить, что германский флот строится не исключительно против Великобритании. Кроме того, он не нашел в речи Черчилля ни слова о русском кораблестроении, «тогда как наше положение именно в Балтийском море нас начинает беспокоить»³¹⁹. В политической мотивировке к морскому бюджету на 1914 г. Тирпиц вновь обратил внимание (на сей раз — депутатов рейхстага) на Россию, где наблюдался наибольший рост ассигнований на военно-морское строительство. Так, морской бюджет России за последнее пятилетие вырос в пять раз, т. е. на 302 млн. марок, в то время как затраты Германии на флот увеличились за то же время только на 55 млн. марок³²⁰. Возможно, Тирпиц хотел использовать тезис о русской угрозе немецким берегам с целью давления на рейхстаг. Перспективы выделения для Балтики мощной эскадры за счет ослабления ударных сил флота против англичан могли образумить самых последовательных депутатов — противников маринизма.

В апреле 1914 г. орган военно-морского ведомства — журнал «Marine Rundschau» — опубликовал обширную статью под названием «Возрождение русского флота». На основе большого статистического и фактического материала ее автор пытался объяснить, почему конфронтация с Россией в ближайшее время неизбежна.

³¹⁴ Цит. по: Фирле Р. Указ. соч. С. 14.

³¹⁵ BA-MA. RM 5/1633. O-Sache. Berlin. 03.02.1913.

³¹⁶ Тирпиц А. Воспоминания. С. 258.

³¹⁷ Tirpitz A. Politische Dokumente. Bd. 1. S. 66.

³¹⁸ Ibidem.

³¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3597. Л. 59. Морской агент Е. Беренс в МГШ. 10 (23) окт. 1913 г.

³²⁰ Морские бюджеты Великобритании и Франции увеличились за пятилетие соответственно на 216 и 134 млн. марок. См.: РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3597. Л. 82. Морской агент в Германии Беренс в МГШ. 30 января (13 февр.) 1914 г.

Во-первых, за последние три года Государственная Дума утвердила выделение больших сумм для флота. Во-вторых, у общественности есть свидетельства того, что Россия после длительной паузы увеличивает спуск на воду готовых и закладку новых судов. В итоге Россия имеет большое количество кораблей, пусть еще не готовых, но находящихся в строительстве. В-третьих, русский флот появляется все чаще в тех заграничных водах, где он длительное время отсутствовал. В-четвертых, Россия все чаще упоминается в связи с русско-французской морской конвенцией и выдвигаемой на первый план проблемой Черного моря и Проливов³²¹. Проанализировав ситуацию, связанную с военно-морским развитием России последних лет, автор статьи сделал вывод: «сильный русский флот с опорой на выгодную позицию Ревель — Порккаллауд является фактором чрезвычайно важного военно-политического значения, который требует к себе постоянного внимания...»³²².

Таким образом, приблизительно с 1912 года русские эскадры на Балтике становятся силой, которую немецкие адмиралы не могли игнорировать при разработке морских операций против Англии. Планы Адмиралтейства становятся все более многовариантными, порождая неясность и внося сумятицу в построение тактических задач и определение стратегических целей развития германского флота. Объективно возрождение русского флота подрывало и основы внешнеполитической концепции адмирала Тирпица, слабо увязывавшейся с наличием у англичан союзников на море. К началу 1914 г. и не специалистам становилось ясно, что русский флот превращается в силу, способную в недалеком будущем изменить соотношение сил на Балтике не в пользу кайзеровского рейха.

Подводя итоги германской политики в отношении России перед Первой мировой войной, Тирпиц оказался вынужден признать: «наша часто ошибочная позиция по отношению к ней не сумела разрядить напряжение»³²³. В этой связи возникают следующие вопросы. Насколько политика германских военно-морских учреждений (и в первую очередь — ведомства Тирпица) оказывала влияние на отношения Берлина и Петербурга после заключения Портсмутского мира? Прежде всего, курс Тирпица на сохранение принципов «опасной зоны» во внешней политике рейха не стимулировал вялые попытки германской дипломатии прийти к союзному соглашению с Россией. Например, подписанный в 1907 г. секретный протокол по Балтийскому вопросу не имел практического значения и не содержал в себе ничего, что могло бы отрицательно сказаться на обострении отношений с Великобританией³²⁴. Одновременно влиятельный Гинце и его коллеги указывали на несостоятельность надежд на скорое восстановление вооруженных сил империи Романовых, ослабленных войной и революцией. На этом фоне подписание союзного договора с Россией выглядело опасной утопией. Можно согласиться с мнением А. В. Игнатьева, полагающего, что даже Потсдамское соглашение 1911 г.³²⁵ имело лишь «политический эффект ослабления англо-русского согласия и морального воздействия сделки на Францию»³²⁶.

Несмотря на разногласия с дипломатами по ряду внешнеполитических вопросов строительства флота, военно-морское ведомство поддержало усилия правительства, направленные на разрушение Антанты. Это доказывается активной позицией Тирпица

³²¹ Der Wiederaufbau der russischen Flotte // *Marine Rundschau*. 1914. № 25. S. 477.

³²² Ibid. S. 496.

³²³ Тирпиц А. Воспоминания. С. 259.

³²⁴ Секретный протокол по Балтийскому вопросу был подписан 16 (29) окт. 1907 г., содержа заявление о сохранении status quo на Балтике. См.: Мировые войны XX века. Первая мировая война. Документы и материалы. С. 24; Астафьев И. И. Указ. соч. С. 95-102.

³²⁵ Соглашение между Россией и Германией по персидским делам (Потсдамское соглашение) было подписано 6 (19) авг. 1911 г. Оно касалось Ирана и строительства Багдадской железной дороги. См.: Мировые войны XX века. Первая мировая война. Документы и материалы. С. 26-27.

³²⁶ Игнатьев А. В. Внешняя политика России. 1907-1914. С. 116.

и Гинце в деле поддержки экспорта отечественной судостроительной промышленности в противовес монопольным интересам французского и английского капитала на российском рынке. Такая политика имела определенный результат. Однако эффект от ее проведения мог стать более впечатляющим, добейся Германия для своих корабелов благоприятного политического фона в отношениях с Россией.

Гораздо меньшую активность военно-морское ведомство проявляло в ближневосточном регионе, где усилия России направлялись прежде всего на решение проблемы Черноморских проливов. Тем не менее, мы не обнаружили прямых указаний на то, что Тирпиц являлся сторонником стимулирования турецкого военно-морского строительства в противовес развитию российского Черноморского флота. Тем не менее, Тирпиц, как здравомыслящий военный политик, не мог быть противником отвлечения внимания России от границ Германской империи. Однако он считал, что решение данной задачи не может достигаться за счет ослабления ударной силы германского флота в Северном и Балтийском морях. Именно так можно объяснить позицию главы военно-морского ведомства в деле продажи Турции германских военных судов. Другое дело, поддержка германских судостроительных фирм в Турции. От такой деятельности Тирпиц мог ожидать вполне конкретных политических результатов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на тезис об антибританской направленности строительства германского военно-морского флота перед Первой мировой войной, который практически не вызывает споров, военно-морскую политику кайзеровской Германии, в том числе формирование ее военно-морской доктрины и подготовку к войне, следует рассматривать с учетом строительства флотов других держав. Россия также обладала флотом, который, хотя и уступал английскому, являлся важным фактором военно-политического влияния вплоть до его уничтожения в ходе русско-японской войны 1904–1905 гг. Для части германских государственных деятелей и военно-морских кругов и лично кайзера Вильгельма II союз с Россией означал дополнительную возможность миновать рифы английского противодействия на пути к заветной цели — могуществу рейха на морях и океанах. Германо-русский договор мог стать и основой континентального союза против Великобритании. Однако этим планам не суждено было осуществиться.

Как и в случае с Англией, на политику Берлина в отношении России наложила отпечаток теория «опасной зоны». На практике это означало, что любые внешнеполитические проекты, не говоря о конкретных шагах правительства в направлении союза с Россией, встречали упорное сопротивление военно-морского ведомства. Пройти «опасную зону», то есть построить «флот риска» и не навлечь гнев англичан — вот та задача, которую, по мнению Тирпица, должна была решать германская внешняя политика. Поэтому во всех просчетах германской «политики союзов» перед Первой мировой войной Тирпиц винил немецкую дипломатию, что отчасти соответствовало действительности. Однако не менее пагубное воздействие на внешнюю политику кайзеровской Германии оказали теория и практика создания мощного военно-морского флота. Следующие строчки из «Воспоминаний» адмирала имеют отношение и к результатам его военно-морской политики: «Мы вступили в войну, в которой германский флот противостоял морским силам всего мира, имея союзников (в лице Австро-Венгрии и Италии — С. Ш.), совершенно бессильных на море и отвлекавших нас от подлинно мировой политики». Правда, Тирпиц придерживался мнения, что строительство флота и возможные союзы Германии с другими государствами должны взаимно дополнять друг друга, иначе они потеряют свою сокрушительную силу. Так, если бы Германия помогала усиливать вооружения, например, России или Италии, союз с такими странами имел бы решающее значение. Тирпиц считал: с точки зрения морской политики более тесные отношения, например, с Данией важнее, чем союз с Австрией. Надежный нейтралитет России в англо-германской войне был бы достаточен, чтобы придать наступательной идее германского флота «свободу в материальном и духовном значении»¹.

¹ Тирпиц А. Воспоминания. С. 204–205.

В сущности, основным содержанием «политики союзов» Тирпица являлось проведение прямо противоположных действий. Опасность столкновения с Великобританией выработало у сторонников германской «флотской политики» так называемый «комплекс Копенгагена», т. е. боязнь внезапного нападения на недостроенный германский флот. Жертвами «комплекса Копенгагена» оказались крупные и мелкие внешнеполитические проекты немецкой и российской дипломатии. Зародышем такой тактики стала позиция ведомства Тирпица в отношении захвата Германией китайской бухты Цзяочжоу в 1897 г. Тирпиц тогда опасался осложнения отношений и с Англией, и с Россией, и даже с Китаем.

Отрицательное отношение военно-морского ведомства к попытке заключить в 1904 г. германо-русский союз подтверждает тезис о подчинении внешней политики императиву «опасной зоны». При этом основанный на «Воспоминаниях» Тирпица вывод, что адмирал был против двухстороннего германо-русского договора, но всей душой стремился к трехстороннему соглашению между Германией, Францией и Россией, не подтверждается фактами.

Помимо германо-русского союза, одной из самых крупных жертв германской военно-морской политики стал проект германо-русско-датского соглашения о нейтрализации входа в Балтийское море. Среди неосуществленных проектов меньшего масштаба следует указать на план совместных военно-морских маневров с Россией накануне русско-японской войны.

«Комплекс Копенгагена» давал о себе знать на всем протяжении русско-японского конфликта. Его плодами стали и чрезвычайная осторожность в действиях командующего германской Восточно-Азиатской эскадрой адмирала Притвица в начальный период войны, и несостоявшаяся командировка морского атташе П. Гинце на Дальний Восток, и попытки отстраниться от поставок угля эскадре Рождественского в связи с Гульским инцидентом. Лишь в случае с интернированием российских военных кораблей в Цзяочжоу в 1904 г. можно говорить о том, что позиция Берлина и военно-морского ведомства больше соответствовала отношениям потенциальных союзников, чем подчеркнутому стремлению, если сравнивать с Францией, соблюсти международные нормы нейтралитета.

Германское флотское строительство ко времени окончания русско-японской войны не только не закончилось, но вступило в новый этап в связи с появлением современных кораблей — «дредноутов». Не была пройдена и «опасная зона» со всеми вытекающими для германо-русских отношений последствиями. В годы обострения отношений с Англией по проблеме морских вооружений в германских правящих кругах вновь заговорили о союзе с Россией. Воплощению в жизнь данной идеи могли способствовать планы русского самодержавия восстановить утраченный при Цусиме флот. В случае успехов России в делах «возрождения» флота можно было использовать ее военно-морской потенциал в предстоящей войне с Великобританией. В крайнем случае, новые российские «дредноуты» могли отвлечь какую-то часть английского флота или, по крайней мере, частично ослабить его атакующую силу против немцев. Чтобы спровоцировать морское сражение между английскими и русскими кораблями, можно было пойти двумя путями. Первый заключался в реанимации идеи германо-русского союза и, таким образом, означал возвращение к «духу Бьерке» в отношениях между странами. Однако этим нарушался главный принцип «опасной зоны» — не делать ничего такого, что может спровоцировать Великобританию на атаку германского флота.

Второй путь устраивал ведомство Тирпица больше. Если Петербург сохранит свою враждебность к Лондону, то и в этом случае английский флот не будет чувствовать себя уверенно в водах Северного моря. Тирпиц понимал, что Берлин должен сделать нечто большее, чем просто пропагандировать традиционные династические связи между родственными монархиями и «морскую дружбу». Таким «большим» могла стать уступка Берлина в вопросе открытия Проливов Босфор и Дарданеллы, о чем Тирпиц писал в своих мемуарах. На деле все ограничилось дипломатической игрой. А после осознания опасности ближневосточным интересам кайзер и германское правительство приступили к «политике стимулирования» турецкого военно-морского строительства. Являя попытка со стороны

военно-морского ведомства воспрепятствовать поставкам военных судов в Турцию не подтвердила решимость Тирпица в данном вопросе. Впрочем, не слишком принципиальная позиция Тирпица могла иметь свои причины. После англо-русского «сердечного согласия» 1907 г. надежды использовать российский флот против Великобритании становились неоправданными. В этой связи отвлечение Россией материальных ресурсов с пограничной Балтики на развитие удаленного и к тому же обезвреженного международными соглашениями Черноморского флота можно было только приветствовать.

Более продуманной можно назвать тактику военно-морского ведомства в деле поддержки германского промышленного экспорта в России. Тезис из «Воспоминаний» Тирпица о поддержке строительства флотов потенциальных германских союзников и противников Великобритании нашел подтверждение в планах немецких фирм утвердиться на судостроительном рынке России. Однако успехи морского атташе в Петербурге Гинце и его коллег в этом направлении не оказались впечатляющими. Военная составляющая проекта утратила значение в связи с ориентацией России на страны Антанты. Оказались беспочвенными и надежды на то, что поставки военно-технической продукции в Россию приведут к усилению германского политического давления при одновременном ослаблении французского и английского влияния. Тем не менее следует признать преобладание немецких фирм с консультационно-технической (интеллектуальной) точки зрения на частном судостроительном рынке России, что подтверждается выводами русского финансового ведомства о зависимости отечественных верфей от германских поставок. Впрочем, дело военно-морского инженера Полякова накануне войны 1914 г. показало, насколько шаткой может стать позиция «интеллектуального» лидера без соответствующей политической поддержки.

Итак, надежды тех, кто желал использовать воссоздание русского флота для укрепления баланса сил на море, выгодного Германии, не оправдались. Во-первых, Германия еще не прошла «опасную зону» (не закончила строительства флота), чтобы успешно заниматься проблемами европейской и мировой политики. Во-вторых, российский флот, с точки зрения ведомства Тирпица, был «несоюзоспособен», т. е. не прошел путь от идеи «возрождения» до ее воплощения. Последний факт бесконечно доказывался в донесениях военно-морских атташе. В этой связи следует указать на влияние главного эксперта по России, морского атташе и военного дипломата Пауля Гинце на позицию Тирпица по проблемам германо-русских отношений.

Более взвешенную оценку перспективам российского судостроения после русско-японской войны давали в кайзеровском Адмиралтействе. Уже в 1909 г. там считали, что на русский флот следует обращать большее внимание, чем прежде. А с 1911 г., в связи с разработкой Большой программы судостроения, боевые соединения на Балтике не могли игнорироваться Адмиралтейством при разработке оперативных планов германского флота. Россия из потенциального союзника превращалась в реального противника. Поскольку отвлечение морских сил из Северного моря в Балтийское не входило в планы Адмиралтейства, там были готовы использовать для борьбы против России шведский военный потенциал (несмотря на то, что шведские военно-морские силы оставались откровенно слабыми) и шведскую территорию. С этой целью кайзеровское Адмиралтейство пошло на создание в Стокгольме разведывательного центра, призванного действовать против России. В свою очередь, германское правительство способствовало нагнетанию напряженности в шведско-русских отношениях. Это заставляло Россию задуматься о мерах по обороне северного участка Балтийского моря.

Таким образом, идеология и практика возрождения русской морской силы после войны с Японией в корне подрывала стратегические основы «плана Тирпица». Например, «теория риска» никак не увязывалась с наличием у англичан союзников на море. Каждый российский корабль, спускаемый со стапелей для плавания в водах Балтики, уменьшал шансы Германии в борьбе против Великобритании. К 1917 году русские могли иметь достаточно дредноутов, чтобы при поддержке английского флота отправиться в поход к немецким берегам. В том числе и по этой причине в Германии склонялись к тому, чтобы начать войну как можно раньше.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Архивные материалы

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Москва

Ф. Канцелярия министра иностранных дел.

Ф. Политархив.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Москва

Ф. 830. Совет государственной обороны.

Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Санкт-Петербург

Ф. 560. Общая канцелярия министра финансов.

Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ).

Санкт-Петербург

Ф. 417. Главный морской штаб.

Ф. 418. Морской генеральный штаб.

Ф. 950. Военно-морской агент в Германии.

Ф. 1248. Верховная морская следственная комиссия.

Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA) Freiburg i. Br. (BRD)

Kaiserliches Marinekabinett (RM 2)

Nr. 1644. Verkauf von deutschen Kriegsschiffen an die Türkei und Bau von Kriegsschiffen für die Türkei und Griechenland auf deutschen Werften. 1910-1916.

Nr. 1758. Militärpolitische Angelegenheiten.

Reichsmarineamt (RM 3)

Nr. 6-10. Zentralabteilung. Entwicklung der Marine. Juli 1905-Juni 1914.

Nr. 18. Aus den ganz geheimen Akten der Zentralabteilung. 1905-1919.

Nr. 32. Aufbau der Marine und Flottenpolitik Bd. 1. 1883-1897.

Nr. 2843-2857. Schriftwechsel mit dem Marineattaché für die nordischen Reiche in St. Petersburg. 1901-1914.

Nr. 2981. Schriftwechsel mit dem Marineattaché in Paris. 1911-1914.

Nr. 4300-4311. Russische-Japanische Krieg. 1904-1905.

Nr. 9614-9628. Zentralabteilung. Allgemeine Korrespondenz über Nachrichtenwesen und allgemeine Parlamentsangelegenheiten. 1897-1900.

Nr. 10264. Russische-Japanische Krieg. Dezember 1903-Januar 1907.

Nr. 11511-11517. Information für den Staatssekretär v. Tirpitz.

Oberkommando der Marine (RM 4)

Nr. 35. Kriegsführung in der Ostsee. 1887.

Admiralstab der Marine (RM 5)

Nr. 878-890. Immediatvorträge. 1899-1914.

Nr. 1433. Rußland. Allgemeine Nachrichten. August 1894-September 1908.

Nr. 1435. Rußland. Allgemeine Nachrichten. August 1911-Juni 1914.

Nr. 1436. Rußland. Ganz geheime Nachrichten. November 1900-Dezember 1903.

Nr. 1438. Rußland. Ganz geheime Nachrichten. April 1904-Dezember 1913.

Nr. 1440. Rußland. Ganz geheime Nachrichten. Februar 1905-November 1912.

Nr. 1441. Rußland. Ganz geheime Nachrichten. Oktober 1912-August 1913.

Nr. 1457. Rußland. Seetaktik und Seekriegsführung.

Nr. 1502. Rußland. Geschichtliches. Juli 1913.

Nr. 1503. Rußland. Politisches.

Nr. 1505. Rußland. Abschriften der Berichte des Marineattachés für die nordischen Reiche. November 1905-Mai 1918.

Nr. 1535. Schweden. Politisches. Juli 1904-April 1914.

Nr. 1627-1633. Operationspläne gegen Rußland. 1894-1913.

Nr. 1634. Vorarbeiter zu den Operationsplänen gegen Rußland in Europa. Mai 1913-Juni 1918.

Nachlaß Alfred von Tirpitz (Nachlaß 253)

Nr. 4. Das Flottengesetz von 1898.

- Nr. 5. Die Novelle von 1900 zum Flottengesetz.
 Nr. 8. Private Korrespondenz. Bd. 2. 1908-1909.
 Nr. 9. Private Korrespondenz. Bd. 1. 1906-1907.
 Nr. 21. Handakten zur Entwicklung der Marine. Bd. 2: Juni 1904-Februar 1905.
 Nr. 22. Handakten zur Entwicklung der Marine. Bd. 3: März 1905-Dezember 1905.
 Nr. 23. Handakten zur Entwicklung der Marine. Bd. 4: März 1906-September 1908.
 Nr. 27. Handakten zur Entwicklung der Marine. April 1912-Dezember 1912.
 Nr. 27b. Handakten zur Flottenpolitik, Mai 1910-August 1911.
 Nr. 29. Handakten zur Entwicklung der Marine. Oktober 1913-Juni 1914.
 Nr. 45. Ostasien und Kiaotschou 1896-1897. Handakten in chronologischer Ordnung.
 Nr. 96. Aufsätze ohne Verfasserangaben. Bd. 1. Zur Außenpolitik.
 Nr. 155. Korrespondenz mit Krupp von Bohlen. 1907-1928.
 Nr. 173. Korrespondenz mit dem Fürsten Bülow. 1907-1925.
 Nr. 183. Korrespondenz mit dem Prinz von Preußen. 1893-1907.
 Nr. 201. Korrespondenz mit Capelle. 1912-1916.
 Nr. 204. Korrespondenz mit v. Hollmann. 1887-1912.
 Nr. 207. Korrespondenz mit v. Müller. 1883-1915.
 Nachlaß Paul von Hintze (N 536)
 Nr. 11. Marineattaché in St. Petersburg. 1903-1908.
 Nr. 13. Militärbevollmächtigter in St. Petersburg. 1908-1911.

Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PAAA). Bonn (BRD)

Deutschland 138.	Die Kaiserliche Marine. 1897-1915.
Deutschland 138 secr.	Die Kaiserliche Marine. 1894-1914.
England 71b.	Die Marine. 1900-1914.
England 71b secr.	Die Marine. 1911-1914.

2. Публикации документов

Закатей Е. М. Россия и оккупация Германией бухты Цзяочжоу (новые документы) // Россия и народы стран Востока. Иркутск, 1993. С. 66-75.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878-1917. Серия 2. 1900-1913. М., 1938-1940. Т. 18-20.

Международные отношения 1870-1918 гг. Сборник документов. М., 1940.

Мировые войны XX века. Кн. 2: Первая мировая война: Документы и материалы / Отв. ред. В. К. Шацлло. М., 2002.

Сборник договоров России с другими государствами. М., 1952.

Berghahn V. R., Deist W. Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. Grundlegende Dokumente 1890-1914. Düsseldorf, 1988.

British Documents on the Origins of the War. 1898-1914 / Ed. by G. Gooch and H. Temperley. L., 1926-1938. Vol. 1-11.

Dienstliche Privatkorrespondenz zwischen dem bayerischen Ministerpräsidenten Georg Graf von Hertling und dem bayerischen Gesandten in Berlin Hugo Graf von und zu Lerchenfeld. Erster Teil (2 Bd.) Hrsg. von Ernst Deuerlein. Boppard am Rhein, 1973.

Die Geheimen Papiere Friedrich von Holsteins. Göttingen, 1963.

Die Große Politik der Europäischen Kabinette. 1871-1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Hrsg. von J. Lepsius, A. Medelsohn-Bartholdy, F. Thimme. Bd. 1-40. Berlin, 1922-1927.

Paul von Hintze. Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903-1918. Hrsg. von J. Hürter. München, 1998.

Philipp Eulenburgs Politische Korrespondenz. Bd. 3. Krisen. Krieg und Katastrophen. 1895-1921. Boppard am Rhein, 1983.

Stenografische Berichte über die Verhandlungen des deutschen Reichstages. IX Legislaturperiode. V Session. Bd. 1-7. Berlin, 1897-1900.

Quellen zur deutschen Außenpolitik im Zeitalter des Imperialismus: 1890-1911 / Hrsg. von M. Behnen. 1. Aufl. Darmstadt, 1977.

Tirpitz A. Politische Dokumente. Bd. 1: Der Aufbau der deutschen Weltmacht. Stuttgart-Berlin, 1924.

3. Мемуары и дневники

- Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. 2-е издание. М., 2001.
Вильгельм II. События и люди 1878-1918: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003.
Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М., 1991.
Граф Г. К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. 2-е издание. СПб, 1997.
Григорьев И. К. Воспоминания бывшего морского министра. СПб. 1993.
Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю М., 1988.
Извольский А. П. Воспоминания. Минск, 2003.
Крылов А. Н. Воспоминания и очерки. М., 1956.
Крылов А. Н. Мои воспоминания / Под ред. А. П. Капицы. Л., 1984.
Ламздорф В. Н. Дневник 1894-1896. М., 1991.
Мемуары кн. Гогенлоз. М., 1907.
Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907-1916. М., 1924.
Тирпиц А. Из воспоминаний. М.-Л., 1925.
Тирпиц А. Воспоминания М., 1957.
Der Kaiser... Aufzeichnungen des Chefs des Marinekabinetts Admiral Georg Alexander v. Müller über die Ära Wilhelm II / Hrsg. von W. Gölitz. Göttingen, 1965.
Bulow B. Denkwürdigkeiten. 4 Bd. Berlin, 1930-1931. (Бюлов Б. Воспоминания. М.-Л., 1935).
Wilhelm II. Ereignisse und Gestalten aus den Jahren 1878-1918. Leipzig, 1922.
Hohenlohe-Schillingsfürst C. K. V. Denkwürdigkeiten der Reichskanzlerzeit. Stuttgart, 1931.
Lancken-Wakenitz O. Meine dreißig Dienstjahre 1888 bis 1918, 1931.
Stosch A. Denkwürdigkeiten des Generals und Admirals Albrecht von Stosch. Stuttgart-Leipzig, 1904.

4. Пресса за 1897—1914 гг.

Berliner Allgemeine Zeitung.	Moniteur Oriental.	St. Petersburger Zeitung.
Deutsche Heeres-Zeitung.	Norddeutsche Allgemeine Zeitung.	Stockholmische Dagblad.
Echo de Chine.	Standart.	Weserzeitung.

5. Научная литература

- Алафузов В. А. Доктрины германского флота. М., 1956.
Алафузов В. А. Гросс-адмирал Тирпиц и его «Воспоминания» // Тирпиц А. Воспоминания. М., 1957. С. 30-43.
Алексеев М. Военная разведка России от Юрия до Николая II. Кн. II. М., 1998.
Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. Л., 1970.
Астафьев И. И. Русско-германские дипломатические отношения 1905-1911 гг. (от Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М., 1972.
Балобаяв А. И. Образование и начало деятельности Немецкого флотского союза (1898-1900) // Из истории межимпериалистических противоречий и буржуазной дипломатии в 1897-1949 гг. Томск, 1981. С. 7-12.
Бендик Р. Немецкий менталитет и происхождение двух мировых войн // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 504-515.
Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики 1906-1910. М., 1961.
Виноградов К. Б. Буржуазная историография первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения 1914-1917 гг. М., 1962.
Виноградов К. Б. Кризисная дипломатия // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 122-139.
Виноградов К. Б., Жданов Ю. В. Вильгельм II Гогенцоллерн и внешнеполитический курс кайзеровской Германии // Новая и новейшая история. 1988. № 3. С. 131-148.
Врангель Ф. Увеличение германского флота законами 1898 и 1900 гг. // Морской сборник. 1901. № 8. Неофициальный отдел. С. 22-34.
Галкин И. С. Создание германской империи. 1815-1871 гг. М., 1986.
Гейдорт Г. Монополии, пресса, война. Исследование внешней политики Германии с 1902 по 1914 г. Роль прессы в подготовке первой мировой войны. М., 1964.
Грибовский В. Ю., Познахирев В. П. Вице-адмирал З. П. Рождественский. СПб., 1999.
Гришина М. И. Черноморские проливы во внешней политике России 1904-1907 гг. // Исторические записки. М., 1977. Т. 99. С. 140-182.
Гуче В. Об ответственности германского империализма за развязывание первой мировой войны (основные тенденции буржуазной историографии ФРГ) // Исследования по истории германского империализма начала XX века. Отв. ред. Б. А. Айзин, В. Гуче. М., 1987. С. 35-51.

- Деренковский Г. М. Франко-русская морская конвенция 1912 г. и англо-русские морские переговоры накануне первой мировой войны // Исторические записки. М., 1949. Т. 29.
- Дмитриев Н. И., Колпычев В. В. Судостроительные заводы и судостроение в России и за границей. СПб., 1909.
- Ерусалимский А. С. Бисмарк как дипломат // Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 1. М., 1940. С. V-XLVIII.
- Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1951.
- Ерусалимский А. С. Германский империализм: история и современность. (Исследования. Публицистика.) М., 1964.
- Зелев В. В. Германо-русские отношения в июле-ноябре 1903 гг. // Проблемы истории внешней политики империалистических государств. Сб. статей под ред. С. С. Григорьевича. Томск, 1979. С. 63-71.
- Золотарев В. А., Козлов И. А. Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М., 1988.
- Игнатьев А. В. Внешняя политика России в 1905-1907 гг. М., 1986.
- Игнатьев А. В. Россия и происхождение Великой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 92-105.
- Игнатьев А. В. Внешняя политика России. 1907 — 1914: Тенденции. Люди. События. М., 2000.
- История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М.: Международные отношения, 1997.
- История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции) М., 1999.
- История дипломатии. Под ред. В. П. Потемкина. Т. 2. М.-Л. 1945.
- История Европы. Т. 5: От Французской революции конца XVIII века до первой мировой войны. М., 2000.
- История отечественного судостроения в пяти томах. Т. 3: Судостроение в первой четверти XX в. (1906-1925) / И. Ф. Цветков. СПб., 1995.
- История русско-японской войны 1904-1905 гг. / Под ред. И. И. Ростунова. М., 1977.
- Каулиш Б. Исследования в ГДР по истории германского империализма начала XX века // Исследования по истории империализма начала XX века. С. 81-91.
- Кербер Л. Б. Записки по иностранным флотам. Курс Николаевской морской академии по отделению военно-морских наук. СПб., 1903.
- Кладов Н. Л. Значение флота в ряду военных средств государства // Военно-морская идея России. Духовное наследие Императорского флота. 2 изд.-е. М., 1999. С. 37-74.
- Козенко Б. Д. Отечественная историография первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3.
- Лихарев Д. В. Эра адмирала Фишера. Политическая биография реформатора британского флота. Владивосток, 1993. 296 с.
- Лихарев Д. В. Гонка морских вооружений как причина и следствие Великой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 537-554.
- Машкин М. Н. Изучение в СССР в 1970-ые годы истории германского империализма начала XX века // Исследования по истории германского империализма начала XX века. С. 52-80.
- Мельников Р. М. Броненосный крейсер «Рюрик» // Судостроение. 1980. №11. С. 67-71.
- Мерцалов А. Н. В поисках исторической истины. Очерк методологии критики буржуазной историографии. М., 1984.
- Миллер В. И. Первая мировая война: к анализу современной историографической ситуации // Первая мировая война Пролог XX века. С. 59-61.
- Мельников Р. М. «Цесаревич». Часть 1. Эскадренный броненосец 1899-1906. СПб., 2000.
- Мировые войны XX века. Кн. 1: Первая мировая война: Исторический очерк / Отв. ред. Г. Д. Шкундин. М., 2002.
- Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на французскую революцию и империю (1793-1812). Т. 1-2. М.-Л., 1940.
- Новикова И. Н. Феномен границ Великого княжества Финляндского (на примере германо-финляндского сотрудничества в начальный период Первой мировой войны) // Россия и Финляндия в XVIII-XX вв. Специфика границы. СПб., 1999. С. 46-67.
- Оль П. В. Иностранные капиталы в России. Пг., 1922.
- Оперативно-тактические взгляды германского флота. Сборник статей из германской военно-морской литературы / Сост. А. Травиничев. М.-Л., 1941.

Остальцева А. Ф. К вопросу о влиянии русско-японской войны и революции 1905 г. на перегруппировку европейских империалистических держав // Ученые записки Саратовского университета. Т. LV. Исторический выпуск. 1956.

Острецова М. Л. Бьерский договор 1905 г. // Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина. 1958. Т. 83. Вып. 4.

Петров М. А. Подготовка России к мировой войне на море. Архив Морской исторической комиссии. М., 1926. 260 с.

Покровский М. Н. Империалистическая война. М., 1928.

Полетика Н. П. Возникновение мировой войны. М.-Л., 1935.

Полетика Н. П. Гросс-адмирал Тирпиц и германские планы войны. К истории внешнеполитических и военных планов германского финансового капитала // Труды Среднеазиатского государственного университета. Вып. XLV. 1953. С. 101-121.

Полетика Н. П. Гросс-адмирал Тирпиц и германские планы войны. К истории внешнеполитических планов германского финансового капитала // Тирпиц А. Воспоминания. С. 3-29.

Пономарев И. И. Герои «Варяга». М., 1954.

Прокопов А. Ю. Влияние первой мировой войны на формирование правого радикализма в Великобритании // Первая мировая война. Пролог XX века. С. 290-303.

Работы офицеров МГШ. Т. 3, 5. СПб., 1907-1909.

Раскин А. П. Зарубежная историография теории морской силы Мэхэна // Зарубежная историография проблем классовой борьбы и международных отношений. Л., 1977.

Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895-1907. Изд. 2-е. М.-Л., 1955.

Россия и Черноморские проливы. М., 1999.

Ротштейн Ф. А. Международные отношения в конце XIX века. М.-Л., 1960.

Семанов С. Н, Грибовский В. Ю. Последние адмиралы: Адмирал Макаров. Вице-адмирал Рожественский. СПб., 2002.

Сергеев Е. Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке 1897-1903 гг. М., 1998.

Силин А. С. Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны (1908-1914). М., 1976.

Сокольская И. Ф. Строительство военно-морского флота в Германии и англо-германские противоречия к концу XIX началу XX века // Ежегодник германской истории. 1986. М., 1987.

Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871-1919. М.-Л., 1928.

Три века Российского флота. В трех томах под ред. И. В. Касатонova. Т. 2: В годы Первой мировой войны. СПб., 1996.

Туполев Б. М. Кайзеровский военно-морской флот рвется на океанские просторы // Новая и новейшая история. 1982. № 3, 4.

Туполев Б. М. Германский империализм в борьбе за «место под солнцем». М., 1991.

Туполев Б. М. Происхождение первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2002. № 4, 5.

Урибес Санчес Э. Современная французская историография Первой мировой войны // Дискуссионные проблемы истории. Отв. ред. Ю. А. Писарев, В. Л. Мальков. М., 1994. С. 33-45.

Уткин А. И. Забытая трагедия. Россия в первой мировой войне. Смоленск, 2000.

Фейгина Л. Бьерское соглашение. Из истории русско-германских отношений. М., 1928.

Фирле Р. Война на Балтийском море. Т. I: От начала войны до марта 1915 г. 2-е изд. М., 1937.

Хвостов В. М. Проблемы истории внешней политики России и международных отношений в конце XIX — начале XX в. Избранные труды. М., 1977.

Шаццлло В. К. Расчет и безрассудство. Германо-американские отношения в 1898-1917 гг. М., 1998.

Шаццлло К. Ф. Иностранный капитал и военно-морские программы России накануне первой мировой войны // Исторические записки. М., 1960. Т. 69.

Шаццлло К. Ф. Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны (1906-1914 гг.). М., 1968.

Шаццлло К. Ф. Государство и монополии в военной промышленности России (к. XIX в.-1914). М., 1992.

Шаццлло К. Ф. От Портсмутского мира к первой мировой войне: Генералы и политика. М., 2000.

Эмerson Б. Великобритания и франко-русский союз. С. 162 // Россия и Франция XVIII-XX века. Вып. 2. М., 1998.

Alfrichter H. S. Konstitutionalismus und Imperialismus. Der Reichstag und deutsch-russischen Beziehungen, 1890-1914. Frankfurt/M., 1977.

- Berghahn V. R. Der Tirpitz-Plan. Genesis und Verfall einer innenpolitischen Krisenstrategie unter Wilhelm II. Düsseldorf, 1971.
- Berghahn V. R. Die Fischer-Kontroverse — 15 Jahre danach // Geschichte und Gesellschaft. H. 6, 1980.
- Dehio L. Gleichgewicht oder Hegemonie. Betrachtungen über ein Grundproblem der neueren Staatengeschichte. Krefeld, 1948.
- Deist W. Flottenpolitik und Flottenpropaganda. Das Nachrichtenbureau des Reichsmarineamtes 1897-1914. Stuttgart, 1976.
- Epkenhans M. Die wilhelminische Flottenrüstung. 1908-1914. Weltmachtstreben, industrieller Fortschritt, soziale Integration. München, 1991.
- Erster Weltkrieg — Zweiter Weltkrieg: Ein Vergleich / Hrsg. B. Thos, H.-E. Volkmann. München, 2002.
- Fernis H. Die Flottennovellen im Reichstag 1906-1912. Würzburg, 1934.
- Fischer F. Krieg der Illusion. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914, 2. Aufl., Düsseldorf, 1969.
- Förster S. Der doppelte Militarismus. Die deutsche Heeresrüstungspolitik zwischen Status-quo-Sicherung und Aggression 1890-1913. Stuttgart, 1985.
- Förster S. Der deutsche Generalstab und die Illusion des kurzen Krieges, 1871-1914. Metakritik eines Mythos // Militärgeschichtliche Mitteilungen 54 (1995). S. 61-95.
- Giessler K. V. Die Institution des Marineattachés im Kaiserreich. Inaugural-Dissertation. Freiburg i. Br., 1972.
- Gilbert M. The First World War: A Complete History. N.-Y., 1994;
- Groh D. «Je eher, desto besser» Innenpolitischen Faktoren für die Präventivkriegsbereitschaft des Deutschen Reiches» 1913/14 // Politische Vierteljahresschrift. 1972. H. 13. S. 501-521.
- Irmer A. J. Die Erwerbung von Kiautschou, 1894 bis 1898. Köln-Bonn, 1930.
- Hallgarten George W. F. Imperialismus vor 1914. Die soziologischen Grundlagen der Außenpolitik europäischer Großmächte vor dem Ersten Weltkrieg. 2 Bd., München, 1963. (Русск. пер.: Хальгартен Г. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 695 с.).
- Hallman H. Der Weg zum deutschen Schlachtflottenbau. Stuttgart, 1933.
- Hilbert L. W. The Role of military and naval attaches in the British and German Service with particular reference to those in Berlin and London and their effect on Anglo-German relations, 1871-1914. Diss. phil. Cambridge, 1954.
- Hobson R. Imperialism at Sea. Naval Strategic Thought, the Ideology of Sea Power and the Tirpitz-Plan. 1875-1914. Boston, 2002. (Нем. перевод: Hobson R. Maritimer Imperialismus. Seemachtideologie, seestrategisches Denken und der Tirpitz-plan 1875 bis 1914. München, 2004.
- Hubatsch W. Die Ära Tirpitz: Studien zur deutschen Marinepolitik 1890-1918. Göttingen-Berlin-Frankfurt, 1955.
- Hubatsch W. Der Admiralstab und die obersten Marinebehörden in Deutschland 1848-1945. Frankfurt/M., 1958.
- Hubatsch W. Kaiserliche Marine. Aufgaben und Leistungen. München, 1975.
- Hubatsch W. Navalismus und Technik um XIX. und XX Jahrhundert // Marine Rundschau. 1977. H. 2. S. 51-55.
- Huberti F. N. Tirpitz als Verschleiерungs-Politiker? // Marine Rundschau. 1974. H. 9. S. 534-536.
- Hürter J. Politisch-biographische Skizze // Paul von Hintze. Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903-1918. S. 17-47.
- Kaulisch B. Alfred von Tirpitz und die imperialistische deutsche Flottenrüstung. Berlin, 1982.
- Kehr E. Schlachtflottenbau und Parteipolitik 1894-1901. Versuch eines Querschnitts durch die innenpolitischen, sozialen und ideologischen Voraussetzungen des deutschen Imperialismus. Berlin, 1930.
- Kennedy P. M. The development of German naval operations plans against England, 1896-1914 // The English Historical Review. January. 1974.
- Kennedy P. M. Maritime Strategieprobleme der deutsch-englischen Flottenrivalität // Marine und Marinepolitik im kaiserlichen Deutschland 1871-1914. Düsseldorf, 1972. S. 178-210.
- Kiel, die Deutschen und die See / Hrsg. von M. Salewski und J. Elvert. Stuttgart, 1992.
- Lahme R. Deutsche Außenpolitik. 1890-1894. Von der Gleichgewichtspolitik Bismarcks zur Allianzstrategie Caprivis. Göttingen, 1988.
- Lambi I. N. The Navy and German Rower Politics 1862-1914. London, 1984.
- Maltzahn C. Der Seekrieg zwischen Russland und Japan 1904 bis 1905. Bd. 1-2. Berlin, 1912-1913.
- Marder A. J. The Anatomy of British Sea Power. A History of British Naval Policy in the Pre-Dreadnought Era. 1880-1905. London, 1972.

- Martin C. The Russo-Japanese War. London, 1967.
- Matthai D. Die Russische Marine im Mittelmeer im Blickfeld deutscher Seeinteressen 1881-1905. Bonn, 1983.
- Mommsen W. Großmachtstellung und Weltpolitik. Die Außenpolitik des Deutschen Reiches. 1870-1914. Frankfurt-B., 1993.
- Nish J. H. The Anglo-Japanese Alliance. The Diplomacy of Two Island Empires. 1894-1907. London, 1966.
- Official History (Naval and Military) of the Russo-Japanese War. Vol. 1-3. London, 1910-1920.
- Raulf H. Zwischen Machtpolitik und Imperialismus. Die deutsche Frankreichpolitik. 1904-1906. Düsseldorf, 1976.
- Reinhardt H. D. Tirpitz und der deutsche Flottengedanke in den Jahren 1892-1898 / Phill. Diss. Marburg, 1964.
- Rewentlow E. Gefahr im Verzug! Betrachtungen über die Beschleunigung des Flottenbaus ihren Ausutzen und ihre Möglichkeit. Berlin, 1907.
- Richter D. Zur seestrategischen Konzeption des deutschen Imperialismus vor dem ersten Weltkrieg // Zeitschrift für Militärgeschichte. 1965. H. 6.
- Ritter G. Der Schiffsplan. Kritik eines Mythos. München, 1956.
- Rohver J. Kriegsschiffbau und Flottengesetze um die Jahrhundertwende // Marine und Marinepolitik im kaiserlichen Deutschland 1871-1914. S. 211-235.
- Röhl John C. G. Wilhelm II. Die Jugend des Kaisers. 1859-1888. München, 1993.
- Schöllgen G. «Fischer-kontroverse» und Kontinuitätsproblem. Deutsche Kriegsziele im Zeitalter der Weltkriege // Ploetz-Geschichte der Weltkriege. Mächte, Ereignisse, Entwicklungen 1900-1945 / Hrsg. von A. Hillgruber, J. Dülffer. Freiburg, 1981.
- Stadelmann R. Deutschland und Westeuropa. Laupheim, 1948.
- Steinberg J. Der «Kopengagen-Komplex» // Kriegausbruch 1914, deutsche Ausgabe des «Journal of Contemporary History». H. 3. München, 1967. S. 31-59.
- Steinberg J. Yesterday's Deterrent: Tirpitz and the Birth of the German Battle Fleet. London, 1965.
- Steinberg J. Germany and the Russo-Japanese War // The American Historical Review. № 7, 1970.
- Steinmetz H.-O. Bismark und die deutsche Marine. Herford, 1974.
- Carligen W. M. Neutralität oder Alliaanz. Deutschlands Beziehungen zu Schweden in den Anfangsjahren des ersten Weltkrieges. Stockholm, 1962.
- Salewski M. Tirpitz. Aufstieg, Macht, Scheitern. Göttingen: Musterschmidt, 1979.
- Schack K. Der Beginn des deutschen Schlachtflottenbaues. 1897-1900. Grundlage und Entwicklung bis zum 2 Flottengesetz / Inaug. Diss. ... zu München. München, 1981.
- Schröder H.-J. Deutschland und Amerika in der Epoche des Ersten Weltkrieges. 1900-1924. Stuttgart, 1993.
- Stenzel A. Seekriegsgeschichte in ihren wichtigsten Abschnitten mit Berücksichtigung der Seetaktik. 5 Bde. Hannover-Leipzig, 1907-1911. (Русск. пер.: Штенцель А. История войны на море с точки зрения морской тактики. Ч. 1-5. Петроград, 1917-1918).
- Vogel B. Deutsche Russlandpolitik. Das Scheitern Weltpolitik unter Bülow 1900-1906. Düsseldorf, 1973.
- Weniger K. Die Entwicklung des Operationsplans für die deutsche Schlachtflotte // Marine Rundschau. № 35, 1930.
- White J. A. The Diplomacy of the Russo-Japanese War. Princeton, 1964.
- Wormer K. Grossbritannien, Rußland und Deutschland. Studien zur britischen Weltreichpolitik am Vorabend des Ersten Weltkrieges. München, 1980.
- Zdenek J. Der Rüstungskonzern Fried. Krupp AG. 1914-1918. Praha, 1986.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПРИ** — Архив внешней политики Российской империи.
- МОЭИ** — Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917. Серия 2. 1900–1913. М., 1938–1940.
- РГА ВМФ** — Российский государственный архив военно-морского флота.
- РГВИА** — Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА** — Российский государственный исторический архив.
- ВА-МА** — Bundesarchiv-Militärarchiv. Freiburg.
- РА АА** — Politisches Archiv des Auswärtigen Amts. Bonn.
- Der Kaiser** — Der Kaiser.. Aufzeichnungen des Chefs des Marinekabinetts Admiral Georg Alexander v. Müller über die Ära Wilhelm II / Hrsg. von W. Görlitz. Göttingen, 1965.
- Große Politik** — Die Große Politik der Europäischen Kabinette. 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amts / Hrsg. von J. Lepsius, A. Medelsohn-Bartholdy, F. Thimme. Bd. 1–40. Berlin, 1922–1927.
- Paul von Hintze** — Paul von Hintze. Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918 / Hrsg. von J. Hürter. München, 1998.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Александра Федоровна 87.
Авелан Ф. 61, 62, 86.
Алафузов В. А. 9, 26.
Алексеев Е. И. 42, 57.
Алексей Александрович 86.
Алефельд Х. 43.
Альвенслебен Ф. 75.
Андерсен 47.

Б

Балобаев А. И. 10.
Баудиссин Ф. 14, 123-125.
Бендеманн Ф. 73.
Бенке П. 127, 128.
Бенкендорф А. К. 56, 104.
Бергхан Ф. Р. 12, 18.
Беренс Е. И. 81, 111, 126.
Бетман-Гольвег Т. 77, 79, 109.
Бирилев А. А. 86-88, 94.
Бильдт К. Г. 116.
Бисмарк О. 7, 22-25, 36, 44, 49, 50.
Бострем И. Ф. 66, 95.
Броштрем 119.
Бюклер 41.
Бюксель В. 14, 43, 67, 68, 73, 74, 123.
Буланже Ж. Э. 24.
Буллер 41.
Бюлов Б. 8, 16, 20, 34, 37, 39, 47-49, 52, 64, 65, 69, 70, 74-79, 89, 94, 103, 104, 106, 108.

В

Вальдерзее А. 78.
Вернер Р. 22.
Вейнгласс. 58.
Виктория. 23.
Вильгельм П. 14, 16, 34, 37, 38, 40, 43, 46, 47, 49, 50, 51, 53, 55, 58, 59, 64, 69, 74-76, 79, 81, 85, 91, 103, 104, 109, 110, 124.
Виденманн В. 80.
Витте С. Ю. 37, 73, 87.

Виттефт В. К. 57.
Воеводский С. А. 17, 111, 113.

Г

Гарден М. 56.
Гардинг Р. 41, 103.
Гедике. 97.
Гееринген А. 14, 62, 73, 128.
Генрих Прусский 36, 38, 125, 128.
Георг V 128.
Гейкинг Э. 41, 42.
Гертлинг Г. 90.
Гисслер К. 80.
Гогенлоэ Х. 20, 32, 40, 44.
Гольман Ф. 16, 25, 28.
Гольштейн Ф. 8, 39, 44, 47, 52, 75, 76.
Грей Э. 103.
Григорович И. А. 97, 98, 121.

Д

Дайст В. 12, 18, 32, 90.
Дева С. 59.
Делькассе Т. 45, 52.
Джавид-Бей 112.
Джемсон Л. С. 35.
Дидерикс О. 14, 32, 40, 54.
Диков И. М. 87.
Дрэнан. 41.
Дубасов Ф. Б. 87.
Дьюн Дж. 54.
Дюрссен 118.

Е

Ерухимович И. 8.
Ерусалимский А. С. 9.

З

Зак Г. 93.
Залевски М. 13, 25.
Зандштрем Т. 115, 116.
Зенден-Бибран Г. 27, 44.
Зигель Р. 72.

И

Иванов Н. М. 60, 61.
Игнатьев А. А. 115, 121, 130.
Иессен К. 97.
Извольский А. П. 17, 51, 56, 103, 104, 106, 111, 113.
Ингеноль Ф. 43.

К

Капелле Э. 43, 109.
Каприви Л. 16, 21-25, 28, 35.
Карлгрен В. М. 121.
Кейзерлинг В. 14, 15, 106-108, 112.
Кейтель В. 9.
Келлер А. 116-118, 121.
Кеннеди П. 122.
Кер Э. 11, 90.
Кербер Л. Б. 26.
Кёрпер К. 66, 67, 69, 90.
Кетглинский К. Ф. 98.
Кеттлер Э. Э. 26, 38.
Кидерлен-Вехтер А. 74.
Клаузевиц К. 9.
Коковцов В. Н. 95, 99, 106.
Конрад Б. 101.
Кладо Н. Л. 45.
Кнорр Э. 32, 41-43.
Крупп Ф. 11, 93, 100, 110.
Крылов А. Н. 95.
Крюгер С. 35, 44.

Л

Ламби И. Н. 122.
Ламздорф В. Н. 47, 61, 73.
Ланессан Ж. 72.
Лейман 94.
Ленин В. И. 9.
Лессар Т. 59.
Ли А. 68, 76.
Ливен А. А. 124.
Лиман фон Сандерс О. К. 111.
Лихарев Д. В. 10, 68.
Линдерем К. О. 118.

Людендорф Э. 9.
Людериц Ф. 34.

М

Макаров С. О. 60, 64.
Максимов А. С. 60.
Мардер А. 71.
Марон 92.
Маршалль-Биберштейн А. 40, 110.
Матусевич Н. А. 61.
Маузольт К. 101.
Мельников Р. М. 58, 60.
Меттерних П. 48, 103.
Михалик Б. 10, 11.
Молтке Г. 9, 49, 124.
Монтегю В. 34.
Муравьев М. Н. 43.
Мухтар-паша 110.
Мюллер Г. А. 14, 16, 19, 20, 36, 38, 43, 65, 75, 76, 108, 109, 123, 125.
Мюллер Э. 80, 128.
Мэхэн А. Т. 5, 30, 50.

Н

Нарочницкий А. Л. 8.
Небогатов Н. И. 65, 68.
Нелидов А. И. 112.
Николай II 17, 43, 51, 52, 57, 87, 104, 105.
Норманн К. 23.
Носке Г. 100.

О

Об Т. 24, 30.
Обендорф А. 115, 121.
Остен-Сакен Н. Д. 17.

П

Персиус Л. 29.
Петр Великий 88, 114.
Пишон С. 112.
Плессен Г. 101.
Покровский М. Н. 6, 7.
Полетика Н. П. 7-10.
Полис А. К. 27, 91.
Поль Г. 14, 43, 128.
Поляков В. Г. 93, 101, 102.
Потемкин В. П. 7.

Притвиц К. 15, 53-55, 64.
Пустая Э. 15, 64, 65.
Пурталес Ф. 98.

Р

Рель Дж. К. Г. 23.
Риттер Г. 70.
Рифат-паша 103.
Рихтгофен О. 19, 37, 69.
Рождественский З. П. 15, 63-69.
Романов Б. А. 76.
Рупрехт Баварский 90.

С

Савинский А. 118, 121.
Сазонов С. Д. 17, 111, 120.
Свербеев С. Н. 101.
Сергеев Е. Ю. 40.
Смитт 117.
Сокольская И. Ф. 10.
Сталин И. В. 9.
Стейнберг Д. 12.
Столыпин П. А. 106.

Т

Тарле Е. В. 7.
Тибо, Г. 118.
Тирпиц Р. Ф. 29.
Трейчке Г. 30, 31.
Трота А. 69.
Трумmlер К. 63, 64.
Труппель А. 59, 62.
Туполев Б. М. 10, 26.

Ф

Фишель М. 14, 125.
Фишер Ф. 12, 69.
Фишер-Лоссайнен Р. 14, 15, 99-102, 107, 108, 115, 118, 119.
Фогель Б. 48, 75, 92.
Фоллертун В. 71, 72.
Фридрих-Вильгельм 23.

Х

Хальгартен Г. 11, 90, 100.
Хвостов В. М. 7, 8.
Хедин С. 114, 117.

Херифельд Г. 10.
Хильберт Л. В. 80.
Хобсон Р. 13.
Хольцендорф Х. 125.
Хуберти Ф. 12, 13.
Хубач В. 5, 11, 123.
Хюртер И. 18, 81.

Ц

Цизе К. А. 97
Цизе Р. А. 97.

Ч

Чарыков Н. В. 111.
Черчилль У. 129.

Ш

Шак К. 13.
Шацкило К. Ф. 105.
Шевкет-паша 109.
Шён В. 16, 47, 49, 108.
Шиммельман М. 64.
Шихау Ф. 91, 96.
Шлифен А. 9, 16, 32, 54, 69, 70, 71, 74, 79.
Штенгер 87.
Штенцель А. 10, 29.
Штош А. 19, 21-23, 31, 35, 36.
Штремпель 109.
Шумов Д. П. 60, 62.

Щ

Щеглов А. И. 112.

Э

Эдуард VII. 69.
Эйкштедт Р. 58.
Эйленбург Ф. 44.
Эйнем К. 16, 70.
Элерт Д. 120.
Энгельс Ф. 5.
Эренсверд 121.
Эпкенханс М. 90, 92.
Эрихбергер М. 100.
Эссен Н. О. 124.

Я

Ягов Г. 82, 101.
Якобсон 61.

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ ШИЛОВ

КАЙЗЕРОВСКИЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ И РОССИЯ:
ОТ ИДЕИ ГЕРМАНО-РУССКОГО СОЮЗА
К КОНФРОНТАЦИИ В 1897–1914 гг.

В авторской редакции
Корректор
Технический редактор
Компьютерный дизайн обложки
Компьютерная верстка
Трафаретная печать
Офсетная печать

Е. Ю. Хозяинова
Н. Г. Яковенко
Н. В. Ахпателова
Т. С. Бакиева
А. В. Ольшанский
В. В. Торопов, С. Г. Наумов

Подписано в печать 15.11.2004. Тираж 300 экз.
Объем 12,6 усл. печ. л. Формат 70х108/16. Заказ 783.

Издательство Тюменского государственного университета
625000, г. Тюмень, ул. Семакова, 10.
Тел./факс (3452) 46-27-32
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru

